

СТИГ
ЛАРСОН

ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ
ВЗРЫВАЛА
ВОЗДУШНЫЕ
ЗАМКИ

М

Millenium

Стиг Ларссон

**Девушка, которая
взрывала воздушные замки**

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Ларссон С.

Девушка, которая взрывала воздушные замки / С. Ларссон —
«Эксмо», 2007 — (Millenium)

ISBN 978-5-699-84355-8

ТРЕТЬЯ КНИГА ИЗ КУЛЬТОВОЙ ТРИЛОГИИ «МИЛЛЕНИУМ» О ДЕВУШКЕ-ХАКЕРЕ ЛИСБЕТ САЛАНДЕР Стик Ларссон – автор, без чьих типажей и сюжетов невозможно представить вселенную современного триллера. Продажи его книг по всему миру перевалили за 100 000 000 экземпляров. Роман «Девушка с татуировкой дракона» был дважды экранизирован, и обе экранизации – шведская и голливудская от непревзойденного Дэвида Финчера – стали такими же культовыми, как и сама книга. Как и вся трилогия «Миллениум», раз и навсегда изменившая законы остросюжетной литературы. Лисбет Саландер решает отомстить своим врагам. Не только криминальным элементам, желающим ей смерти, но и правительству, которое несколько лет назад почти разрушило ее жизнь. А еще надо вырваться из больницы, где ее держат под охраной, считая опасной психопаткой, и добиться, чтобы ее имя исчезло из списка подозреваемых в убийстве. Поэтому ей не обойтись без помощи журналиста Микаэля Блумквиста. Только его разоблачительная статья может встряхнуть шведское общество до самых основ и переполошить правительство и спецслужбы. Тогда у Лисбет будет шанс расстаться с прошлым и добиться справедливости. «Роман Ларссона как удар молнии – сложный, умный, увлекательный... И именно потому трилогия “Миллениум” справедливо считается издательским феноменом во всем мире». The Guardian «Не иначе как какая-то таинственная алхимия помогла Ларссону из крайне сомнительного образа сотворить одного из самых убедительных и притягательных героев современной литературы. Можно лишь гадать, что подумали бы о ней Шерлок Холмс и мисс Марпл, но Лисбет Саландер пополнила собой ряды истинно бессмертных сыщиков». Daily Telegraph

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-699-84355-8

© Ларссон С., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	78
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Стиг Ларссон

Девушка, которая взрывала воздушные замки

Stieg Larsson

Luftslottet som sprängdes

© Stieg Larsson 2007

The Work is first published by Norstedts, Sweden, in 2007 and the text published by arrangement with Norstedts Agency

© Мурадян К. Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть 1

Интермеццо в коридоре

8–12 апреля

Примерно шестьсот женщин принимали участие в американской Гражданской войне. Переодетые в мужскую одежду, они завербовались в армию. Но как получилось, что Голливуд упустил такой эффектный исторический эпизод? Или, может быть, эта тема слишком дискомфортна – с идеологической точки зрения? Женщины, игнорирующие границы гендерных различий, всегда с трудом завоевывают себе место в исторических хрониках. Но особенно отчетливо эта граница обозначается, когда речь идет о военных действиях и применении оружия.

История, от античности до наших дней, многократно упоминает об амазонках – женщинах-воинах. О воительницах-королевах, то есть представительницах правящего класса, знают все. Традиции престолонаследия регулярно возводят на трон ту или иную женщину, хотя порой это вызывает негативную реакцию у определенной части общества. Поскольку война не проявляет снисхождения ни к одному из полов и войны случаются даже тогда, когда во главе страны оказывается женщина, королевам-воительницам приходится выступать в той же роли, что и Черчилль, Сталин, Рузвельт и прочие, а историки вынуждены отвести им место на страницах своих трудов. Семирамида из Ниневии, которая создала Ассирийское царство, и Боадиея, она же Боудикка, возглавившая один из самых кровавых мятежей коренных британцев против Римской империи, – это лишь два примера. Память о ней, кстати, потомки увековечили – ей поставили памятник возле моста через Темзу, напротив Биг-Бена. Не забудьте ее навестить, если окажетесь поблизости.

И в то же время женщины, которые сражались как простые солдаты, брали в руки оружие и служили в армии наравне с мужчинами, редко становились героинями исторических хроник и легенд. Но женщины всегда воевали. И до сих пор ни одна война не обходится без их участия.

Глава 1

Пятница, 8 апреля

Медсестра Ханна Никандер разбудила доктора Андерса Юнассона. Часы показывали около половины второго ночи.

– Что-нибудь случилось? – пробормотал он спросонья.

– К нам летит вертолет с двумя пациентами. Пожилой мужчина и молодая женщина. У последней огнестрельные ранения.

– Все ясно, – устало кивнул Андерс Юнассон.

Он никак не мог окончательно проснуться, хоть и дремал всего-то полчаса, не больше.

В эту ночь врач дежурил в отделении неотложной помощи Сальгренской больницы Гётеборга. А вечер накануне выдался – хуже не придумаешь. После 18.00, когда он заступил на дежурство, в больницу привезли четверых пациентов, пострадавших при лобовом столкновении автомобилей возле городка Линдуме. При этом у одного констатировали смерть почти сразу же после поступления, а другой находился в критическом состоянии.

Потом Андерс Юнассон возился с официанткой, ошпарившей ногу на кухне одного из ресторанов с Авеню, а также реанимировал четырехлетнего мальчика, который проглотил колесо от игрушечного автомобиля – его доставили в больницу без признаков жизни. Далее врач перебинтовал девочку, которая свалилась с велосипеда в яму. А все потому, что дорожные службы умудрились вырыть эту яму на съезде с велосипедной дорожки, но мало того – кто-то еще вдобавок сбросил в яму ограждение. Лицо девочки прошили четырнадцатью стежками, и ей еще потом потребуется заменить два передних зуба. И наконец, Юнассон пришил кусок большого пальца столяру-любителю, поранившемуся рубанком.

К одиннадцати часам вечера поток нуждающихся в экстренной помощи пациентов иссяк. Доктор совершил обход и проверил состояние пациентов, которых привезли раньше и уже отправили в комнату отдыха, чтобы те немного опомнились и взбодрились. Дежурство длилось до 6.00 – обычно Андерсу Юнассону редко удавалось поспать, даже если никого не привозили на «скорой». Но в эту ночь он вырубился в одно мгновение.

Медсестра Ханна Никандер подала ему кружку с чаем. Никаких подробностей о новых пациентах она пока разузнать не успела.

Глядя в окно, ближе к морю Андерс Юнассон увидел яркие вспышки молний. Он подумал, что вертолет успел вылететь лишь в последний момент. Внезапно хлынул ливень – Гётеборг захлестнула непогода.

Стоя у окна, врач услышал шум мотора и увидел, что к посадочной площадке приближается вертолет, раскачиваемый порывистым ветром. Юнассон затаил дыхание, напряженно следя за тем, как летчик с трудом управляет машиной. Затем «вертушка» исчезла из поля его зрения – и доктор услышал, как мотор сбавляет обороты. Сделав глоток чая, доктор отставил кружку.

Андерс Юнассон встретил носилки у входа в отделение неотложки. Его коллега Катарина Хольм, другой дежурный врач, занялась пациентом, которого доставили первым, – мужчиной с изуродованным лицом. Доктор Юнассон занялся второй пострадавшей – женщиной с огнестрельными ранениями. Он бегло осмотрел ее, пользуясь окуляром, и констатировал, что перед ним юная особа, на вид не более двадцати лет, основательно перепачканная землей и кровью, с тяжелыми ранениями. Он приподнял плед, в который ее закутала Служба спасения, и заметил, что раны на бедре и плече кто-то заклеил широкой полосой серебристого скотча. «Какой

молодец!» – подумал он. Скотч удерживал заразу снаружи, а кровь – внутри. Пуля проникла в тело с внешней стороны бедра и насквозь прошла мышечную ткань.

Затем он приподнял пациентке плечо и увидел, что вторая пуля вошла через спину. Выходного отверстия не было, значит, свинец застрял где-то в плече. Андерс Юнассон мог только порадоваться, что легкое не задето, и поскольку крови в полости рта не обнаружил, то решил, что, вероятно, все обошлось.

– Рентген, – бросил он ассистирующей медсестре. Одного этого слова было достаточно.

Наконец Андерс Юнассон разрезал повязку на голове пациентки, которую ей наложила бригада Службы спасения. Нашупав пальцами входное отверстие, он осознал, что девушка ранена в голову, – и буквально похолодел. Выходного отверстия не было и здесь.

На миг Андерс Юнассон остановился и взглянул на девушку. И буквально оторопел. Перед ним чередой проходили люди – в разном состоянии, но им всегда требовалась его помощь. Среди них попадались семидесятичетырехлетние тетки, сраженные инфарктом прямо в самом центре торгового комплекса «Нурдстан», четырнадцатилетние мальчишки, которые случайно проткнули себе отверткой левое легкое, шестнадцатилетние девушки, наевшиеся таблеток экстази, а затем протанцевавшие восемнадцать часов и рухнувшие с посиневшими лицами. Попадались пострадавшие от производственных травм и жертвы разного рода насилия, малыши, атакованные бойцовскими собаками на площади Васаплатсен, и неудачливые «самodelкины», мужики, собиравшиеся лишь подпилить несколько досок электропилой «Блэк-энд-Деккер» и случайно раскроившие себе запястье до кости...

Андерс Юнассон часто сравнивал себя с вратарем. В каком-то метафорическом плане, конечно. Он стоял между пациентом и похоронным бюро «Фонус»¹ и являл собою последний рубеж обороны. Именно он принимал решение, что конкретно предпринять и как именно действовать. Его ошибка могла бы стоить пациенту жизни, или, в лучшем случае, пациент мог на всю жизнь остаться инвалидом. Чаще всего из всех возможных вариантов он выбирал единственно верный – поскольку проблемы подавляющего большинства пациентов носили вполне конкретный характер и требовали принятия неотложных и вполне понятных мер. Пациент мог получить, скажем, удар ножом в легкое или раздробить кости в результате автомобильной аварии, а уж выживет он или нет – это зависело и от степени тяжести травм, и от уровня медиков.

Больше всего Андерс Юнассон ненавидел два типа травм. Первый – серьезные ожоги, которые почти независимо от уровня компетенции врачей и предпринятых мер чреваты пожизненными страданиями. И второй – черепно-мозговые травмы.

Девушка, которая лежала перед ним, могла жить с пулями в бедре и в плече. Но пуля, застрявшая у нее в мозге, – это уже проблема другого масштаба...

Вдруг до него донесся голос сестры Ханны.

– Простите?

– Это она.

– Что вы имеете в виду?

– Лисбет Саландер. Девушка, которую уже много недель разыскивают за тройное убийство в Стокгольме.

Андерс Юнассон взглянул в лицо пациентки. Сестра Ханна права: копию паспортной фотографии этой девушки он, как и все прочие шведы, начиная с Пасхи, регулярно видел на первых полосах газет у каждого табачного киоска. И вот теперь убийцу подстрелили... Что ж, пожалуй, справедливость восторжествовала.

Но его это не касается. Его миссия заключается в том, чтобы спасти жизни пациентов, и неважно, кто они – трижды убийцы или нобелевские лауреаты. Или и те, и другие в одном лице.

¹ Самое знаменитое похоронное бюро в Швеции.

Затем наступил типичный для отделения неотложной помощи хаос, плавно перетекающий в эффективные действия. Дежурная бригада Юнассона работала слаженно, как всегда. Одежду Лисбет Саландер разрезали. Медсестра измерила кровяное давление – 100/70, а доктор Юнассон тем временем приставил к груди пациентки стетоскоп и стал слушать удары сердца. Ему показалось, что пульс на уровне нормы. Чего нельзя было сказать о дыхании – оно было жестким и прерывистым.

Даже при беглом осмотре доктор Юнассон классифицировал состояние Лисбет Саландер как критическое. Раны на плече и бедре можно было пока отложить – достаточно двух компрессов или нескольких кусков скотча, которые накрепко приклеил какой-то сердобольный прохожий. Гораздо важнее голова. Доктор распорядился сделать компьютерную томографию – на том самом томографе, в который больница инвестировала деньги налогоплательщиков.

Голубоглазый блондин, родом из Умео, Андерс Юнассон проработал в Сальгрэнской и Восточной больницах уже два десятка лет. За это время он перепробовал себя на разных поприщах – был научным сотрудником, патологоанатомом и врачом отделения «Скорой помощи». Одно из его качеств безусловно покоряло коллег и сослуживцев, и они по-настоящему гордились тем, что работали под его началом: он считал своим долгом не дать умереть ни одному из пациентов, которые поступали в больницу в его смену, – и каким-то мистическим образом ему это удавалось. Хотя, конечно, кое-кто из его пациентов все-таки умирал, но, как правило, уже в ходе дальнейших медицинских манипуляций или по причинам, ничуть не зависящим от действий врача.

К тому же у Юнассона были неортодоксальные взгляды на врачебное искусство. Он считал, что врачи порой склонны чересчур поспешно бросать борьбу за здоровье пациента, толком не разобравшись в ситуации. Или напротив, тратят непозволительно много времени на попытки поставить ему исчерпывающий диагноз. Хотя, конечно, иначе невозможно наметить соответствующий план действий. Но в том-то и дело, что пока врач будет размышлять, пациент может умереть. А в худшем случае врач сделает вывод, что случай безнадежный, и прекратит бороться за жизнь больного.

Но факт остается фактом – впервые в своей практике Андерс Юнассон столкнулся с пациентом с простреленной головой. Все-таки ситуация складывается таким образом, что без нейрохирурга никак не обойтись. Доктор почувствовал себя неуютно, но до него не сразу дошло, что, возможно, ему повезло даже больше, чем он ожидал. Перед тем как помыться и натянуть на себя экипировку для операционной, он подозвал медсестру Ханну Никандер.

– Есть один американский профессор, его зовут Фрэнк Эллис. Вообще-то он работает в Каролинской больнице, в Стокгольме, но в данный момент гостит в Гётеборге. Он известный нейрохирург, и к тому же мой хороший друг. Насколько я знаю, он живет в отеле «Рэдиссон» на Авеню. Пожалуйста, разузнайте номер его телефона.

Пока Юнассон ждал рентгеновских снимков, явилась Ханна с номером телефона отеля «Рэдиссон». Врач мельком глянул на часы – 01.42 – и взял трубку.

Ночной портье категорически отказывался соединять его в такое время суток с кем бы то ни было из постояльцев «Рэдиссона». Доктору Юнассону пришлось использовать достаточно резкие выражения, чтобы описать ситуацию как экстренную и добиться своего.

– Привет, Фрэнк! – сказал он, когда в трубке на том конце провода наконец-то раздался голос его друга. – Это Андерс. Я узнал, что ты в Гётеборге. Не мог бы ты приехать в Сальгрэнскую больницу и поучаствовать в операции на мозге?

– *Are you bullshitting me?*² – донеслось с другого конца провода.

² Ты что, разыгрываешь меня? (англ.)

Фрэнк Эллис прожил в Швеции много лет и вполне свободно говорил по-шведски, хотя и с американским акцентом. Но предпочитал он все же изъясняться на английском. Так что Андерс Юнассон говорил по-шведски, а Эллис отвечал по-английски.

– Фрэнк, прости, что я пропустил твою лекцию... Но я решил, что ты смог бы преподать мне частный урок. Ко мне поступила женщина с ранением в голову. Входное отверстие непосредственно над левым ухом. Я бы не стал тебя беспокоить, но мне очень нужно *second opinion*³. А ты для меня – самый авторитетный консультант.

– Ты это всерьез? – спросил Фрэнк Эллис.

– Куда уж серьезней... Моей пациентке двадцать пять лет.

– И у нее прострелена голова?

– Ну да. Входное отверстие есть, а выходного нет.

– Но она жива?

– Слабый, но регулярный пульс, дыхание относительно затрудненное, давление сто на семьдесят. У нее, к тому же, огнестрельные ранения плеча и бедра. Но эти две проблемы я беру на себя.

– Звучит весьма оптимистично, – сказал профессор Эллис.

– Оптимистично?

– Если у человека прострелена голова, но он по-прежнему жив, то ситуацию можно считать небезнадежной.

– Ты мог бы ассистировать мне?

– Хмм... должен признаться, что провел вечер в компании близких друзей. Спать лег не раньше часа ночи, и у меня в крови, вероятно, изрядное количество алкоголя...

– Не переживай, я буду оперировать сам. Но мне нужен помощник, который остановит меня, если я начну делать какие-нибудь глупости. Честно говоря, сейчас, когда мне позарез нужен нейрохирург, даже пьяный в дым профессор Эллис, скорее всего, даст мне сто очков вперед.

– О'кей. Я приеду. Но ты будешь мне должен.

– Такси ждет тебя у гостиницы.

Профессор Фрэнк Эллис вздел очки на лоб и почесал в затылке. Он пытался сосредоточиться на мониторе, показывавшем каждый уголок и закоулок мозга Лисбет Саландер. Пятидесятилетнелетний Эллис, с иссиня-черной шевелюрой и начинающейся сединой, с темной бородой, напоминал одного из второстепенных героев сериала «Скорая помощь». Он был подтянут и выглядел так, словно регулярно посещает гимнастический зал.

Фрэнк Эллис чувствовал себя в Швеции, как дома. Он приехал сюда в конце 1970-х годов на стажировку, в качестве молодого ученого, и остался на два года. Потом постоянно приезжал – снова и снова – до тех пор, пока ему однажды не предложили должность профессора Каролинской больницы. К тому времени он уже успел стать мировой знаменитостью.

Андерс Юнассон и Фрэнк Эллис были знакомы четырнадцать лет. Впервые они встретились на семинаре в Стокгольме. Слово за слово, и обнаружилось, что оба они – заядлые любители ловли рыбы на мушку. Андерс пригласил американского коллегу на рыбалку в Норвегию. Они часто встречались и много раз выезжали на природу, но работать вместе им пока не приходилось.

– Мозг – мистическая материя, – многозначительно произнес профессор Эллис. – Я посвятил его изучению двадцать лет. А может, даже и больше.

– Я знаю. Прости, что потревожил тебя, но...

³ Мнение другого врача (англ.).

– Да ничего страшного. – Американец махнул рукой. – С тебя причитается бутылка «Крэггенмора»⁴, когда мы в следующий раз поедем на рыбалку.

– О'кей. Ты просишь не так уж и много.

– Несколько лет назад, когда я работал в Бостоне, ко мне поступила одна девушка – я описал этот случай в «Нью Ингленд джорнал оф медисин»⁵, – такого же возраста, как и твоя пациентка. Она получила тяжелое ранение по дороге в университет – не поверишь, какой-то псих выстрелил в нее из арбалета. Стрела попала в край брови слева, проткнула голову и выскочила почти посередине затылка.

– И она выжила? – спросил изумленный Юнассон.

– Ее привезли в клинику в критическом состоянии. Мы вырезали стрелу и засунули ее голову в томограф. Стрела словно просверлила ей мозг. По идее, девушка должна была умереть или, как минимум, находиться в коме.

– А на самом деле?

– А на самом деле она все время находилась в сознании и, более того, очень хорошо соображала, хотя, конечно, была страшно напугана. Просто у нее из головы торчала стрела – вот и все.

– И что же ты сделал?

– Ничего особенного. Просто взял щипцы, выдернул стрелу и заклеил рану пластырем. И это всё.

– И девушка выжила?

– Ну да. При том, что ее состояние считалось критическим, сказать по правде, ее можно было выписывать в первый же день. Я бы назвал ее самой здоровой из моих пациентов.

Андерс Юнассон подумал, что профессор Эллис его просто разыгрывает.

– А теперь представь себе, – продолжал американец, – в Стокгольме несколько лет назад ко мне поступил сорокадвухлетний пациент. Он ударился головой об оконную раму, и к тому же, не слишком сильно. Ему сразу стало настолько плохо, что «скорая помощь» привезла его в больницу. Ко мне он поступил в бессознательном состоянии, с маленькой шишкой и небольшим кровоизлиянием. Но через девять дней он умер в реанимации, так и не придя в сознание. Я до сих пор ломаю голову над причиной этой смерти. В протоколе патологоанатомического вскрытия мы написали «кровоизлияние в мозг в результате несчастного случая», но никого из нас, конечно, такое заключение не могло удовлетворить. Кровоизлияние не вызывало никаких опасений и локализовалось таким образом, что не могло ни на что повлиять. Тем не менее у него постепенно отказывали печень, почки, сердце и легкие... Понимаешь, с годами я воспринимаю все это как рулетку. И лично мне кажется, что вряд ли когда-нибудь мы сумеем точно разгадать, как именно функционирует мозг... Что ты намерен сейчас делать? – Он постучал ручкой по экрану монитора.

– Я надеялся, что ты мне это объяснишь.

– И все-таки как ты оцениваешь ситуацию?

– Ну, во-первых, скорее всего, это пуля мелкого калибра. Она вошла в висок, продвинулась в мозг сантиметра на четыре и остановилась возле бокового желудочка, где наблюдается кровоизлияние.

– И что же нужно предпринять?

– Пользуясь твоей терминологией, нужно взять щипцы и извлечь пулю тем же путем.

– Очень здравая мысль. Я бы, пожалуй, использовал самый тонкий из имеющихся у тебя пинцетов.

⁴ «Крэггенмор» – марка шотландского односолодового виски, выдержкой не менее 12 лет, с ярко выраженным запахом торфяного дыма.

⁵ Старейший периодический медицинский журнал, наиболее влиятельное и цитируемое периодическое издание по общей медицине в мире.

– И это все, что ты можешь посоветовать?

– А что еще нам остается делать? Конечно, мы можем не трогать пулю, и даже не исключено, что пациентка проживет с нею до ста лет, но риск слишком велик. Это может привести к эпилепсии, или к мигрени, или к любой другой проблеме. Конечно, проводить операцию и сверлить череп через год, когда сама рана уже заживет, будет неуместно. Пуля расположилась в стороне от крупных кровеносных сосудов. И конечно, я бы посоветовал тебе ее вытащить, но...

– Но что?

– Пуля не слишком меня тревожит. Ранения мозга непостижимы – если девушка выжила, получив пулю в голову, то, скорее всего, она переживет и ее удаление. А проблема, скорее всего, сосредоточена вот здесь.

И он показал на участок на мониторе.

– Вокруг входного отверстия образовалось множество костных осколков. По крайней мере, я вижу дюжину фрагментов по несколько миллиметров каждый. А некоторые из них буквально вонзились в ткань мозга. Если ты не будешь осторожен, пациентка может погибнуть.

– Этот фрагмент мозга отвечает за речь и математические способности.

Эллис пожал плечами.

– Мамбо-джамбо! Я понятия не имею, для чего предназначены эти серые клеточки. Ты можешь сделать только то, что ты можешь. За операцию отвечаешь ты. А я постою у тебя за плечом. Могу я переодеться и где-нибудь вымыть руки?

Микаэль Блумквист взглянул на часы. Начало четвертого утра. Его запястья затекли от наручников. На секунду журналист закрыл глаза – он смертельно устал и держался исключительно на автопилоте. Микаэль снова открыл глаза и враждебно посмотрел на комиссара Томаса Польссона. Комиссар тоже взглянул на него с явным неодобрением.

Они сидели за кухонным столом в белом деревенском доме, недалеко от городка Носсебру, в местечке под названием Госсеберга, о котором Микаэль услышал впервые в жизни двенадцать часов назад.

– Ты придурок, – сказал Блумквист.

– Послушай-ка...

– Придурок, – повторил Микаэль. – Я ведь, черт возьми, говорил, что он очень опасен. И я предупреждал, что с ним следует обращаться, как с гранатой с выдернутой чекой, что с ним нужно держать ухо востро. Он убил уже как минимум троих, он движется напролом, как танк, и убивает голыми руками. А ты посылаешь к нему двух деревенских полицейских, словно он заурядный алкаш, который просто перебрал водки в субботний вечер...

Микаэль снова закрыл глаза.

Интересно, какие сюрпризы еще готовит нынешняя ночь?

Сразу после полуночи Блумквист наткнулся на тяжело раненную Лисбет Саландер, вызвал полицию и убедил Службу спасения выслать вертолет на уединенный хутор и эвакуировать Лисбет в Сальгренскую больницу. Он подробно описал ее ранения и пулевое отверстие в голове. К счастью, при этом ему попался кто-то толковый и участливый, и этот толковый и участливый согласился с тем, что ей требуется экстренная медицинская помощь.

И все же спасательного вертолета пришлось ждать больше получаса. Микаэль вывел из гаража, который служил одновременно скотным двором, две машины, включил фары и таким образом осветил поле перед домом, как посадочную площадку.

Персонал вертолета и двое прибывших фельдшеров действовали слаженно и профессионально. Один из них оказывал первую помощь Лисбет Саландер, а второй позаботился об Александре Залаченко, известном также под именем Карла Акселя Бодина. Залаченко был отцом и в то же время злейшим врагом Лисбет Саландер. Он пытался ее убить, но не сумел.

Микаэль обнаружил его в деревянном сарае, с тяжелыми ранениями – его лицо было изуродовано, а нога разрублена топором.

В ожидании вертолета Блумквист не сидел сложа руки. Он достал из шкафа чистую простыню, разрезал ее и наложил первые повязки, отметив при этом, что кровь в пулевом отверстии свернулась, закрыв его на голове наподобие пробки. Микаэль сомневался, можно ли перевязывать голову. И все же обмотал ей голову простыней, не затягивая, чтобы частично защитить рану от инфекции. Кровотечение из пулевых отверстий на бедре и плече он остановил самым простым образом: нашел в шкафу рулон широкого серебристого скотча и заклеил им раны. Затем вытер ей лицо влажным носовым платком и постарался немного обсушить пятна грязи.

В сарай, где находился раненый Залаченко, Микаэль не заходил. Честно говоря, судьба Залы его нисколько не волновала.

Еще до прибытия Службы спасения он позвонил Эрике Бергер и описал ситуацию.

– Сам-то ты не ранен? – спросила Эрика.

– Со мной все в порядке, – ответил Микаэль. – А вот Лисбет ранена.

– Бедняжка, – сказала Эрика Бергер. – Вечером я прочла отчет Бьёрка о проведенном СЭПО⁶ расследовании. Что ты намерен предпринять?

– Я не в состоянии сейчас думать об этом.

Все это время он сидел на полу рядом с диваном и одним глазом следил за Лисбет. Чтобы перевязать раненое бедро, ему пришлось стянуть с нее башмаки и брюки, и рукой он случайно задел брошенную возле дивана одежду. В кармане брюк обнаружился какой-то твердый предмет – им оказался мини-компьютер «Палм Тангстен Т3».

Микаэль сосредоточенно и задумчиво его рассматривал. Услышав звук приближающегося вертолета, он сунул компьютер во внутренний карман своей куртки. Потом, пока никто не появился, наклонился и проверил все карманы Лисбет. Там он нашел еще один комплект ключей от ее квартиры и паспорт на имя Ирене Нессер. Микаэль схватил оба предмета и положил их к себе в сумку, где лежал компьютер.

Первый полицейский патруль с Фредриком Торстенссоном и Гуннаром Андерссоном из Тролльхеттана прибыл через несколько минут после приземления вертолета Службы спасения. Следом появился комиссар патрульной службы Томас Польссон, который сразу же взял командование на себя. Микаэль вышел к ним и начал объяснять что произошло. Польссон показался ему самодовольным и туповатым служакой. С его появлением все пошло наперекосяк.

Польссон даже не пытался вникнуть в то, что говорил Микаэль. Он явно нервничал и усвоил лишь то, что раненая девушка на полу перед кухонным диваном и есть разыскиваемая за тройное убийство Лисбет Саландер, то есть ценная добыча. Польссон трижды спрашивал фельдшера Службы спасения, который занимался пациенткой, нельзя ли ее сразу арестовать. Под конец фельдшер выпрямился и заорал, чтобы Польссон держался на дистанции метра от него.

Тогда комиссар переключился на лежащего в сарае раненого Александра Залаченко. Микаэль слышал, как он докладывал по рации, что Саландер, скорее всего, пыталась убить еще одного человека.

Блумквист так разозлился на Польссона, который демонстративно не слушал его, что повысил голос и даже попытался заставить его безотлагательно позвонить в Стокгольм инспектору уголовной полиции Яну Бублански. Он даже вынул свой мобильник и предложил набрать номер. Но Польссон проигнорировал его совет.

⁶ СЭПО – Служба государственной безопасности Швеции.

Затем Микаэль совершил две ошибки подряд.

Он сообщил, что на самом деле все три убийства совершил некий Рональд Нидерман. Он агрессивен и бесчувствен, как робот, и страдает врожденной анальгезией⁷, а сейчас сидит связанный в канаве по дороге на Носсебру. Микаэль описал, где именно можно найти Нидермана, и попутно посоветовал полицейским мобилизовать для его ареста взвод спецназа. Польссон спросил, каким образом Нидерман очутился в канаве, и Блумквист чистосердечно признался, что сам затолкал его туда, угрожая применить оружие.

– Оружие? – вскинулся комиссар.

До Микаэля так и не дошло, что Польссон – недоумок. Ему следовало бы взять мобильный телефон, самому позвонить Яну Бублански и попросить его как следует прочистить мозги своему коллеге.

Вместо этого Блумквист совершил ошибку номер два: он попытался сдать лежавшее у него в кармане куртки оружие – пистолет «Кольт 1911 Гавернмент», который он обнаружил днем в стокгольмской квартире Лисбет Саландер и благодаря которому скрутил Рональда Нидермана.

Но после чистосердечного признания Польссон сразу арестовал Микаэля за незаконное ношение оружия, а затем велел полицейским Торстенссону и Андерссону отправиться к тому самому месту у Носсебру, о котором твердил Блумквист, и проверить – действительно ли в канаве сидит человек, привязанный к дорожному знаку «Осторожно, лоси!». Если все эти факты подтвердятся, полицейским поручалось надеть на преступника наручники и доставить его на хутор Госсеберга.

Микаэль, конечно, пытался протестовать, объясняя, что Рональд Нидерман – не из тех, кого можно запросто арестовать и снабдить наручниками, что он – по-настоящему опасный убийца. Но и эти аргументы журналиста Польссон предпочел проигнорировать. Тогда Блумквист вышел из себя. Он называл Польссона безмозглым недоучкой и дебилом, и кричал, что Торстенссону с Андерссоном следует плюнуть на его распоряжения. И что если они не вызовут подкрепление, то как пить дать упустят Рональда Нидермана.

Этот демарш завершился плачевно: Микаэля самого заковали в наручники и засунули на заднее сиденье комиссарской машины Польссона. Именно оттуда он, бранясь и чертыхаясь, наблюдал, как уезжают Торстенссон и Андерссон. Его порадовало лишь то, что Лисбет Саландер уже находилась в вертолете, который взмыл над кронами деревьев и исчез по направлению к Сальгрэнской больнице.

Микаэль ощущал себя совершенно беспомощным, его полностью отрезали от источников информации, и теперь он мог лишь надеяться на то, что Лисбет попадет в руки квалифицированных врачей.

Доктор Андерс Юнассон начал с того, что сделал два глубоких разреза до самой черепной кости и отогнул кожу вокруг входного отверстия, зафиксировав их с помощью зажимов. Операционная сестра аккуратно ввела насос для откачки крови. Затем пришлось задействовать бор – для расширения отверстия в черепной кости. Процедура затянулась, и нервы у всех были на пределе.

В конце концов Юнассон высверлил отверстие, позволяющее подобраться к мозгу Лисбет Саландер. Он деликатно ввел зонд и на несколько миллиметров раздвинул канал раны. Затем запустил еще более тонкий зонд и локализовал пулю. Рентгеновский снимок черепа показывал, что пуля, развернувшись, расположилась под углом сорок пять градусов к каналу. Тем же зондом доктор начал осторожно толкать конец пули, и после нескольких неудачных попыток ему удалось немного приподнять ее и развернуть в нужном направлении.

⁷ Анальгезия – врожденная патология, при которой пациент не чувствует боли.

После этого он стал орудовать в ране тонким пинцетом с рифлеными краями; крепко захватив пулю, потянул пинцет вертикально вверх. Вместе с пинцетом врач извлек и кусочек свинца, причем почти без всякого сопротивления. На секунду он поднес ее к свету, убедился, что она, вроде бы, не повреждена, и бросил ее в бикс.

– Промойте, – сказал Юнассон.

Ассистенты сразу выполнили его команду.

Он взглянул на электрокардиограмму и констатировал, что сердце пациентки по-прежнему работает без перебоев.

– Пинцет!

Затем Юнассон опустил мощную лупу со штатива и сосредоточил свое внимание на поверхности раны.

– Осторожно, – предупредил его профессор Фрэнк Эллис.

На протяжении следующих сорока пяти минут Андерс Юнассон извлек с поверхности вокруг входного отверстия не менее тридцати двух костных осколков. Самый мелкий из них почти невозможно было разглядеть невооруженным глазом.

Пока рассерженный Микаэль Блумквист пытался вытащить из нагрудного кармана пиджака телефон, что в наручниках оказалось невыполнимой задачей, в Госсейбергу прибыло еще несколько машин с полицейскими бригадами и техперсоналом. Польссон направил их, чтобы зафиксировать технические доказательства в дровяном сарае и произвести тщательный обыск в жилом доме, где обнаружилось несколько единиц оружия. Микаэль безучастно наблюдал за их маневрами, находясь на заднем сиденье машины комиссара.

Через час до Польссона, похоже, дошло, что полицейские Торстенссон и Андерссон, которых он отправил арестовать Рональда Нидермана, еще не вернулись с задания. Выглядев уже не так самоуверенно, как вначале, он препроводил Микаэля на кухню, где снова велел ему описать дорогу.

Блумквист закрыл глаза.

Они все еще сидели на кухне вдвоем с комиссаром, когда патрульный наряд, посланный в помощь Торстенссону с Андерссоном, сообщил: полицейского Гуннара Андерссона обнаружили мертвым, со свернутой шеей, а его коллега Фредрик Торстенссон жив, но жестоко избит. Обоих нашли в канаве возле дорожного знака «Осторожно, лоси!». Их табельное оружие и полицейскую машину похитили.

Комиссар Томас Польссон, который до той поры еще мог более или менее сориентироваться в ситуации, вдруг понял, что теперь ему придется разбираться с убийством полицейского и побегом вооруженного отморозка.

– Придурок, – повторил Микаэль Блумквист.

– Можешь сколько угодно оскорблять полицейского, но делу это не поможет.

– Согласен. Но я постараюсь, чтобы тебя наказали за преступную халатность. Обещаю тебе также мощный пиар – все газеты напишут о тебе как о самом безмозглom полицейском в Швеции.

Перспектива стать всеобщим посмешищем наконец отрезвила Томаса Польссона.

– Что ты предлагаешь?

– Я требую, чтобы ты позвонил в Стокгольм инспектору Яну Бублански. Немедленно.

Инспектор уголовной полиции Соня Мудиг проснулась от того, что зазвонил мобильный телефон, поставленный на зарядку в другом углу спальни. Она взглянула на будильник, который стоял на трюмо, и с грустью отметила, что еще только начало пятого утра. Потом перевела взгляд на мужа, который продолжал мирно храпеть, – даже если начнется артобстрел, он и ухом не поведет. Соня выбралась из постели и нащупала кнопку ответа на телефоне.

«Ян Бублански, – подумала она, – кому же еще быть».

– В районе Тролльхеттана такая катавасия... – Шеф приветствовал ее, игнорируя такие банальные формальности, как «привет!» и «как дела?». – Поезд Х2000 в Гётеборг отходит в десять минут шестого.

– Но что все-таки случилось?

– Блумквист обнаружил Саландер, Нидермана и Залаченко. Его арестовали за оскорбление полицейского, сопротивление и незаконное ношение оружия. Саландер отправили в Сальгренскую больницу с простреленной головой. И Залаченко тоже там же, у него из ноги торчит топор. Нидерман сбежал, убив этой ночью полицейского.

Соня Мудиг дважды моргнула. Она вдруг почувствовала страшную усталость; сейчас ей хотелось больше всего заползти обратно в постель и взять месяц отпуска.

– Х2000 в десять минут шестого. Принято. Что я должна делать?

– Взять такси и отправиться на Центральный вокзал. С тобой поедет Йеркер Хольмберг. Вы свяжетесь с неким комиссаром Томасом Польссоном из полиции Тролльхеттана, который, очевидно, несет ответственность за многое из ночной эпопеи и, по словам Блумквиста, является – цитирую – «редкостным придурком».

– Ты разговаривал с Блумквистом?

– Да. Насколько я понял, он арестован и сидит в наручниках. Мне удалось уговорить Польссона на несколько минут дать ему трубку. Я сейчас еду на Кунгсхольмен⁸ и постараюсь разобраться, в чем там дело. Будем держать связь по мобильнику.

Соня Мудиг еще раз взглянула на часы. Потом вызвала такси и быстро приняла душ. Почистила зубы, коснулась расческой волос, надела черные брюки, черную футболку и серый пиджак. Засунула табельное оружие в рюкзак и на всякий случай взяла с собой темно-красную кожаную куртку. Не успела она выйти из подъезда, как тут же подъехало такси.

Ей не пришлось искать своего коллегу, инспектора Йеркера Хольмберга. Она рассчитывала застать его в вагоне-ресторане – и не ошиблась. Он даже успел взять ей бутерброд и кофе. Они ели молча минут с пять, после чего Хольмберг отставил свою чашку в сторону и сказал:

– Было бы неплохо поменять профессию.

В четыре часа утра из Гётеборга наконец прибыл инспектор Маркус Эрландер из отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Он взял на себя руководство, сменив Томаса Польссона, на которого явно навьючили столько заданий, что ему было с ними не справиться. Эрландер, полноватый седой мужчина лет пятидесяти, для начала распорядился снять с Микаэля Блумквиста наручники и предложил ему булочки и кофе из термоса. Они засели в гостиной, чтобы побеседовать – один на один.

– Я говорил с Бублански из Стокгольма, – сказал Эрландер. – Мы знаем друг друга уже много лет. И мы оба сожалеем о том, что Польссон обошелся с вами так бесцеремонно.

– Ему сегодня ночью удалось погубить полицейского, – произнес Микаэль.

Эрландер кивнул.

– Я лично был знаком с полицейским Гуннаром Андерссоном. Он служил в Гётеборге до переезда в Тролльхеттан. У него осталась трехлетняя дочь.

– Очень сожалею. Я предупреждал, но он меня не слушал...

Эрландер снова кивнул:

– Да, я так и понял. Вы даже употребляли крепкие выражения, в результате чего и оказались в наручниках. Ведь это вы доконали Веннерстрёма. Бублански считает, что вы очень вездливый журналист и чокнутый частный детектив, но говорите и пишете по делу... Не могли бы вы толком объяснить мне, что, собственно, происходит?

⁸ Кунгсхольмен – остров в Стокгольме, где, в частности, находится Государственное полицейское управление.

– Дело в том, что убили моих друзей – Дага Свенссона и Миа Бергман из Эншеде. А еще – адвоката Нильса Бьюрмана, опекуна Лисбет Саландер, который не являлся моим другом.

Эрландер снова кивнул.

– Как вам известно, полиция еще с Пасхи охотилась за Лисбет Саландер, – продолжал Микаэль. – Ее подозревали в тройном убийстве. Для начала я хотел бы решительно заявить, что Лисбет Саландер не виновна в этих убийствах. Она сама стала жертвой.

– Я не имею ни малейшего отношения к делу Саландер, но после всего того, что написано в прессе, очень сложно поверить в ее невиновность.

– Тем не менее это так. Она невиновна, и всё тут. Настоящий преступник – Рональд Нидерман, который сегодня ночью убил вашего коллегу Гуннара Андерссона. А сам он – на побегушках у Карла Акселя Бодина.

– Того самого Бодина, который сейчас лежит в Сальгренской больнице с топором в ноге?

– Чисто технически топора в ноге у него больше нет. Я полагаю, что рубанула его Лисбет. На самом деле его зовут Александр Залаченко. Он – отец Лисбет, а в прошлом – профессиональный киллер из русской военной разведки. Залаченко переехал в Швецию в семидесятых годах и вплоть до крушения Советского Союза работал на СЭПО. После этого он стал бандитом-фрилансером.

Эрландер задумчиво оглядел своего собеседника, который сидел перед ним на диване. Микаэль Блумквист взмок и казался одновременно и продрогшим, и смертельно уставшим. До сих пор его речь казалась связной и убедительной, хотя комиссар Томас Польссон, к словам которого Эрландер особого доверия не питал, предупреждал, что Блумквист несет какую-то околесицу о русских агентах и немецких наемных убийцах, деятельность которых не входит в сферу влияния шведской уголовной полиции. Теперь Блумквист как раз добрался до той части истории, которой Польссон пренебрег. Однако в сточной канаве у дороги на Носсебру действительно лежали двое полицейских – один мертвый, другой тяжело раненный, и Эрландер все-таки готов был слушать дальше. Правда, в его голосе сквозили нотки недоверия.

– О'кей. Русский агент, стало быть...

Блумквист усмехнулся – до него дошло, как нелепо звучит его история.

– Бывший русский агент. Я могу документально подтвердить каждое свое слово.

– Продолжайте.

– В семидесятых годах Залаченко считали шпионом, представляющим особую ценность для Швеции. Он попросил политического убежища, и СЭПО взяла его под свою эгиду. После развала Советского Союза таких случаев было немало, насколько я могу судить.

– О'кей.

– Повторю: мне неизвестно, что именно произошло здесь этой ночью, но Лисбет выследила отца, с которым не виделась пятнадцать лет. Когда-то он настолько жестоко избил ее мать, что она впоследствии стала инвалидом и позже скончалась от полученных травм. Он пытался убить и Лисбет. И он же, не без участия Рональда Нидермана, инициировал убийства Дага Свенссона и Миа Бергман. К тому же он отвечает за похищение подруги Лисбет Мириам Ву – помните нашумевший «матч» Паоло Роберто в местечке Нюкварн?

– Если Лисбет Саландер пыталась зарубить отца топором, то невиновной назвать ее нельзя...

– Но сама Лисбет Саландер тоже получила три пулевых ранения. Так что, скорее всего, можно утверждать, что она действовала в целях самообороны. Мне вот что интересно...

– Что именно?

– Лисбет была настолько измазана в земле и глине, что ее волосы сваялись в единый комок грязи. Под одеждой у нее было полно песка. Такое впечатление, что она вылезла из могилы. А у Нидермана есть привычка закапывать людей заживо. Полиция Сёдертелье обнаружила две могилы неподалеку от Нюкварна, в лесу рядом со складскими помещениями.

– Уже три – вчера, ближе к ночи, нашли еще одно захоронение... Но если Лисбет Саландер подстрелили и закопали, как же она в таком случае вырвалась наружу, да еще и с топором в руках?

– Я понятия не имею, что произошло, но Лисбет – невероятно сильная девушка. Я пытался убедить Польссона вызвать сюда наряд с собаками...

– Они уже едут.

– Отлично.

– Польссон задержал вас за оскорбление...

– Неверно. Я назвал его придурком, безмозглым придурком и тупицей. Ни один из этих эпитетов не является наказуемым оскорблением – по крайней мере, по отношению к нему.

– Вот как... Но вас арестовали еще и за незаконное ношение оружия.

– Я совершил глупость, пытаясь сдать ему оружие. Больше я насчет этого ничего не скажу, пока не переговорю со своим адвокатом.

– О'кей. Отложим этот вопрос. Есть дела поважнее. Что вам известно о Нидермане?

– Он убийца. С ним явно что-то не в порядке. Он вымахал на два с лишним метра и сложен, как киборг. Спросите у Паоло Роберто, который боксировал с ним. У Нидермана врожденная анестезия. Эта болезнь заключается в том, что от природы он лишен чувствительности к боли. Он немец, родился в Гамбурге и еще юношей был скинхедом. Будучи на свободе, он невероятно опасен.

– Как вы думаете, куда он мог бежать?

– Понятия не имею. Я только знаю, что его можно было бы арестовать, если б не появился этот придурок из Трольхеттана и не начал командовать...

Ближе к пяти часам утра доктор Андерс Юнассон стянул с себя перепачканные латексные перчатки и выбросил их в мусорный бак. Операционная сестра накладывала повязки на пулевую рану на бедре. Операция заняла три часа. Доктор посмотрел на обритую, истерзанную и уже перебинтованную голову Лисбет Саландер. Внезапно его захлестнула нежность к пациентке – такое случалось с ним нередко после операций. Если верить газетам, Лисбет Саландер – психопатка и маньяк-убийца, но лично ему она напоминала подстреленного воробья. Он покачал головой и посмотрел на доктора Фрэнка Эллиса, который с любопытством наблюдал за ним.

– Ты – просто классный хирург, – восхищенно сказал американец.

– Могу я пригласить тебя на завтрак?

– Здесь можно достать блины с вареньем?

– Вафли, – ответил Андерс Юнассон. – У меня дома есть. Я сейчас позвоню жене, оповещу ее, а потом мы вызовем такси. – Тут он запнулся и взглянул на часы. – Впрочем, звонить, наверное, уже не стоит...

Адвокат Анника Джаннини проснулась мгновенно, словно кто-то ее толкнул. Повернув голову направо, она отметила, что часы показывают без двух минут шесть. На восемь утра у нее назначена первая встреча с клиентом.

Она повернула голову налево и глянула на мужа – Энрико Джаннини. Тот беззаботно спал и собирался вставать в лучшем случае около восьми. Анника пару раз моргнула, вылезла из постели, включила кофеварку и отправилась принимать душ. Она долго находилась в ванной комнате, а когда вышла оттуда, то надела черные брюки, белый пуловер и красный пиджак. Потом поджарила себе два тоста, снабдив их сыром, апельсиновым джемом и ломтиками авокадо, и в половине седьмого уселась завтракать в гостиной – по телевизору как раз начинали передавать новости. Она отпила кофе и уже открыла рот, чтобы начать есть, но тут услышала анонсы.

Один полицейский убит, другой тяжело ранен. Нынешней ночью разворачивались драматические события, в результате которых Лисбет Саландер, обвиняемая в убийстве трех человек, задержана полицией.

Анника никак не могла разобраться в происшедшем, поскольку поначалу у нее сложилось впечатление, что полицейского убила Лисбет Саландер. Новости излагались сжато, но постепенно до нее дошло, что за убийство полицейского разыскивается другой человек. По всей стране объявлен в розыск тридцатисемилетний мужчина, личность которого пока еще не установлена. Лисбет Саландер с тяжелыми травмами находится в Сальгренской больнице Гётеборга.

Анника переключилась на второй канал, но так и смогла выяснить, что произошло на самом деле. Достав мобильник, она набрала номер своего брата – Микаэля Блумквиста, – но этот абонент был недоступен. Женщина почувствовала укол страха. Микаэль звонил ей накануне вечером – он как раз направлялся в Гётеборг, чтобы отыскать Лисбет Саландер. И убийцу по имени Рональд Нидерман.

На рассвете один из бдительных полицейских обнаружил за дровяным сараем следы крови. Полицейская собака взяла след и привела к яме, расположенной на поляне, примерно в четырехстах метрах на северо-восток от усадьбы Госсеберга.

Микаэль вместе с инспектором Эрландером отправились туда. Они внимательно изучали это место и почти сразу же обнаружили большое количество крови в самой яме и вокруг нее.

Еще они нашли исцарапанный портсигар, явно использовавшийся вместо лопатки. Эрландер спрятал портсигар в пакет с уликами и пометил находку. Он собрал также образцы крови с пятен на земле. Один из полицейских обратил его внимание на окурок сигареты марки «Пэлл Мэлл» без фильтра, – он лежал в метре от ямы. Окурок тоже поместили в пакет и пронумеровали. Микаэль вспомнил, что видел пачку «Пэлл Мэлл» где-то у мойки, в доме Залаченко.

Эрландер взглянул вверх – по небу ползли тяжелые дождевые облака. Буря, обрушившаяся ночью на Гётеборг, явно приближалась к югу от окрестностей Носсебру – скоро начнется ливень. Эрландер обратился к одному из полицейских и попросил раздобыть брезент, чтобы накрыть яму.

– Мне кажется, что вы не ошиблись, – в конце концов сказал он Микаэлю. – Анализ крови, вероятно, докажет, что здесь лежала Лисбет Саландер, а на портсигаре мы наверняка обнаружим отпечатки ее пальцев. Ее подстрелили и закопали, но она каким-то образом выжила, сумела вылезти на поверхность и...

– ...вернулась на хутор и двинула Залаченко топором по башке, – закончил Микаэль. – Она весьма упертая чертовка.

– Но как ей удалось справиться с Нидерманом, черт подери?

Блумквист пожал плечами. Эта загадка занимала его ничуть не меньше, чем Эрландера.

Глава 2

Пятница, 8 апреля

В начале девятого утра Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг прибыли на Гётеборгский центральный вокзал. Бублански позвонил им и передал новые инструкции – ехать не в Госсебергу, а взять такси и отправиться на площадь Эрнста Фонтелля⁹, к стадиону Ньюа Уллеви, в управление уголовной полиции лена Вестра Гёталанд.

Почти целый час они ждали, пока из Госсеберги не вернулись инспектор Эрландер вместе с Микаэлем Блумквистом. Журналист поздоровался с Соней Мудиг, с которой уже встречался раньше, и пожал руку Йеркеру Хольмбергу. Затем к Эрландеру подошел еще один коллега. Его отчет о поисках Рональда Нидермана оказался кратким.

– Мы собрали поисковую группу, подчиненную полиции лена. Разумеется, объявлен розыск в масштабе всей страны. В шесть утра мы обнаружили в Алингсосе угнанную полицейскую машину. Там след обрывается. Мы подозреваем, что преступник поменял транспортное средство – правда, пока никаких новых заявлений об угоне автомобилей не поступало.

– А как обстоят дела с массмедиа? – спросила Соня Мудиг и, словно извиняясь, бросила взгляд на Блумквиста.

– Всем уже известно об убийстве полицейского. На десять утра мы назначили пресс-конференцию.

– Кто-нибудь в курсе, как обстоят дела у Лисбет Саландер? – спросил Микаэль. Поиски Нидермана его не слишком интересовали.

– Ночью ее прооперировали, извлекли из головы пулю, но она все еще без сознания.

– И каковы прогнозы?

– Ну, вообще-то, пока она не придет в себя, не стоит спешить с выводами. Хирург, который ее оперировал, надеется на благоприятный исход, если не возникнет осложнений.

– А что с Залаченко?

– С Залаченко? – переспросил коллега Эрландера, пока еще не посвященный во все детали этой истории.

– Речь идет о Карле Акселе Бодине.

– А-а... Его тоже прооперировали. Он получил тяжелые травмы – одну черепно-мозговую и одну под коленной чашечкой. Травмы, конечно, тяжелые, но опасности для жизни не представляют.

Микаэль кивнул.

– У вас усталый вид, – сказала Соня Мудиг.

– Да уж... Я третьи сутки на ногах.

– Он заснул прямо в машине, по пути из Носсебру, – сказал Эрландер.

– Вы в состоянии рассказать всю историю – от начала и до самого конца? – спросил Хольмберг. – Похоже, что частные детективы переигрывают полицию со счетом примерно три – ноль.

Микаэль вежливо улыбнулся:

– Хотел бы я услышать такое из уст Бублански.

Они отправились позавтракать в кафетерий, который находился прямо тут же, в здании полиции. Целых полчаса Микаэль рассказывал, как он шаг за шагом, по крупницам собирал досье на Залаченко. Когда журналист закончил, полицейские погрузились в размышления.

– В вашей истории имеются несостыковки, – подытожил Йеркер Хольмберг.

– Вполне возможно, – отозвался Микаэль.

⁹ Эрнст Фонтель (1890–1960) – шведский юрист. В 1930-е годы был шефом полиции Гётеборга.

– Вы не объяснили, каким образом получили доступ к засекреченным рапортам СЭПО о Залаченко.

Блумквист кивнул.

– Я обнаружил их вчера дома у Лисбет Саландер, когда в конце концов выяснил, где она скрывается. А она, в свою очередь, скорее всего, отырла их на даче у адвоката Нильса Бьюрмана.

– Значит, вы обнаружили место, где пряталась Саландер? – спросила Соня Мудиг.

Микаэль снова кивнул.

– И что же?

– Этот адрес вам придется выяснять самим. Лисбет приложила немало усилий, чтобы обеспечить себе укрытие, и я не намерен его сдавать вам.

Мудиг и Хольмберг нахмурились.

– Микаэль... но ведь речь идет о расследовании убийства, – напомнила Соня.

– Разве вы еще не поняли, что Лисбет Саландер невиновна и что полиция самым неподобающим образом попрала ее право на защиту частной жизни? Лига лесбиянок-сатанисток – самая невинная выдумка о ней. Если Лисбет захочет сообщить вам, где живет, то, не сомневаюсь, она это сделает.

– И все же я никак не возьму в толк, – недоумевал Хольмберг, – какое отношение ко всем этим событиям имеет Бьюрман? Вы говорите, что все началось именно с него, потому что он связался с Залаченко и заказал ему убить Саландер... Но ему-то это зачем понадобилось?

Микаэль надолго замолчал, затем сказал:

– Могу только повторить, что он нанял Залаченко, чтобы убить Лисбет Саландер. По их плану она должна была оказаться в том складе под Ньюварном.

– Но ведь он был ее опекуном. Какой у него был мотив для ее убийства?

– Это сложный вопрос.

– Объясните.

– У него имелась веская причина. Лисбет кое-что разузнала о нем. Она представляла угрозу для его репутации и благополучия.

– Что же он такого натворил?

– Мне кажется, будет лучше, если мы предоставим пролить на это свет самой Лисбет.

Блумквист перехватил взгляд Хольмберга.

– Попробую угадать, – предложила Соня Мудиг. – Бьюрман предпринял что-то против своей подопечной.

Микаэль кивнул.

– Предположим, что он подверг ее какой-то форме сексуального насилия?

Журналист пожал плечами и уклонился от комментариев.

– Вам известно о татуировке на животе Бьюрмана?

– О татуировке?

– У него на животе красовалась любительская татуировка с надписью: «Я садистская свинья, подонок и насильник». Мы долго размышляли над тем, откуда она взялась.

Микаэль расхохотался.

– В чем дело?

– Долго же я ломал голову над тем, как именно решила отомстить Лисбет... Но, понимаете ли, я не стану это с вами обсуждать – по той же причине, что и прежде. Речь снова идет о ее частной жизни. Против Лисбет совершили преступление, она оказалась в роли жертвы. И только ей самой решать, что предавать огласке, а о чем умолчать. Сорри. – Он пожал плечами, словно извиняясь.

– О фактах насилия нужно сообщать в полицию, – сказала Соня Мудиг.

– Согласен. Однако преступление совершили два года назад, а Лисбет все еще не сообщила о нем полиции. Стало быть, она не собирается этого делать. Я могу сколько угодно не соглашаться с ней по существу дела, но она должна решить все сама. И потом...

– Да?

– У нее нет особых резонов доверять полиции. В последний раз, когда она попыталась объяснить, какая скотина и свинья этот Залаченко, ее упекли в психиатрическую клинику.

В пятницу около девяти часов утра начальник розыскной группы Ян Бублански вошел в кабинет Рикарда Экстрёма, который возглавлял предварительное следствие. Тот предложил ему сесть в кресло для посетителей, поправил очки и провел рукой по ухоженной бороде. Он очень напрягся. Ему казалось, что ситуация вышла из-под контроля. Целый месяц Экстрём охотился за Лисбет Саландер. Он в деталях описывал ее как маргинальную личность и психопатку, представлявшую опасность для общества, сливал в массмедиа информацию, которая помогла бы ему в предстоящем судебном процессе. Все, казалось, складывалось хорошо.

По правде сказать, он ни на минуту не сомневался в том, что Лисбет Саландер действительно виновна в тройном убийстве и что судебный процесс станет пропагандистским спектаклем, в котором ему выпадет роль главного героя. Но потом кто-то передернул все карты: откуда-то вылез совершенно другой якобы убийца. И тогда так талантливо срежиссированный спектакль из драмы превратился в фарс.

Проклятая Саландер.

– Похоже, мы угодили в какую-то чертовню, – сказал Экстрём. – Что тебе удалось узнать за утро?

– Рональда Нидермана объявили в розыск, но он по-прежнему разгуливает на свободе. Пока он разыскивается лишь за убийство полицейского Гуннара Андерссона, хотя, похоже, нам следует инкриминировать ему еще и те три убийства в Стокгольме. Может, тебе стоит поговорить с журналистами?

Бублански предложил созвать пресс-конференцию исключительно для того, чтобы насолить Экстрёму. Тот как раз ненавидел пресс-конференции.

– Думаю, с этим мы можем пока подождать, – поспешно сказал Экстрём.

Бублански с трудом сдерживал улыбку.

– Собственно говоря, этим должна заниматься полиция Гётеборга, – уточнил Экстрём.

– А у нас в Гётеборге находятся Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг, они уже работают в паре...

– Мы пока знаем об этом деле слишком мало, так что с пресс-конференцией не следует спешить, – довольно резко сказал Экстрём. – Но я хотел бы узнать, насколько ты уверен в том, что Нидерман действительно причастен к убийствам в Стокгольме?

– Я в этом просто убежден. Мне подсказывает это профессиональная интуиция. Но у нас хромает доказательная база. Нет ни свидетелей убийств, ни вещественных доказательств. Магге Лундин и Сонни Ниеминен из мотоклуба «Свавельшё МК» отказываются давать показания и притворяются, что никогда не слышали о Нидермане. Но за убийство полицейского Гуннара Андерссона его, конечно же, посадят.

– Вот именно, – сказал Экстрём. – Самое главное сейчас – убийство полицейского. Но скажи-ка мне, неужели ничего не указывает на причастность Саландер к тем убийствам? И не можем ли мы предположить, что она совершила их на пару с Нидерманом?

– Сомневаюсь. Я воздержался бы и не стал бы предавать эту версию огласке.

– Но тогда какая связь между Лисбет Саландер и этими событиями?

– Это чрезвычайно запутанная история. Микаэль Блумквист, например, с самого начала утверждал, что все дело в персонаже по имени Зала... в Александре Залаченко.

При упоминании имени Микаэля Блумквиста прокурор Экстрём вздрогнул.

– Зала – перебежавший к нам во времена «холодной войны» русский наемный убийца, – продолжал меж тем Бублански. – Он появился здесь в семидесятые годы и тогда же сошелся с женщиной, которая родила ему дочь Лисбет. Жил под прикрытием некоей группировки из СЭПО, занимался темными делишками и ничего и никого не боялся. Некий полицейский из СЭПО проследил за тем, чтобы Лисбет Саландер поместили в детскую психиатрическую клинику, когда она в тринадцатилетнем возрасте угрожала разоблачить Залаченко.

– Да, похоже, это очень мутная история... Вряд ли мы сможем предать огласке такую информацию. Насколько я понимаю, все сведения о Залаченко засекречены.

– И тем не менее так оно и есть. У меня тут документы...

– Можно мне на них взглянуть?

Бублански протянул ему папку с полицейскими отчетами от 1991 года. Экстрём внимательно разглядывал штамп, означавший, что на сведения наложен гриф секретности, и регистрационный номер, который, несомненно, принадлежал Службе государственной безопасности Швеции. Он бегло перелистал папку, содержащую почти сто страниц, пробежал глазами несколько случайных фрагментов и отложил ее в сторону.

– Нам следует пока придержать это дело, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Значит, Лисбет Саландер упекли в психушку за то, что она пыталась убить собственного отца... этого самого Залаченко. А теперь она шарахнула его топором по башке. Конечно, это следует квалифицировать как попытку убийства. К тому же ее необходимо задержать за то, что она стреляла в Магге Лундина в Сталлархольме.

– Ты можешь задерживать кого угодно, но я бы на твоём месте действовал с оглядкой.

– Если вся эта история с СЭПО выйдет на свет божий, грянет жуткий скандал.

Бублански пожал плечами. Его обязанность – раскрывать преступления, а до скандалов ему нет никакого дела.

– А что же этот мерзавец из СЭПО, Гуннар Бьёрк? Что нам известно о нем, какую он играл роль?

– Он – одно из главных действующих лиц. В данный момент он взял больничный по поводу межпозвонковой грыжи и живет в Смодаларё.

– Ладно, по поводу СЭПО мы пока не будем суетиться. Сейчас речь идет об убийстве полицейского, и всё. Не будем раздувать нездоровую сенсацию.

– Но умолчать о том, что случилось, нам теперь тоже не удастся.

– Что ты имеешь в виду?

– Я отправил Курта Свенссона, чтобы он привез Бьёрка на допрос. – Бублански посмотрел на часы. – Вероятно, как раз сейчас он к нему прибыл.

– Что?

– Вообще-то я и сам бы с удовольствием съездил в Смодаларё, но не смог – из-за убийства полицейского.

– Но я не давал санкции на арест Бьёрка.

– Так оно и есть. Но речь не идет об аресте. Я пригласил его на допрос.

– Мне это не нравится.

Бублански подался к нему и сказал с доверительным видом:

– Понимаешь ли, в чем дело, Рикард... Лисбет Саландер с самого детства подвергалась целой серии противоправных действий. Я хочу покончить с этим. Безусловно, ты вправе отстранить меня от руководства расследованием, но в таком случае я буду вынужден подать рапорт.

Рикард Экстрём выглядел так, словно проглотил что-то кислое.

Заместитель начальника отдела Службы государственной безопасности по работе с иностранцами Гуннар Бьёрк находился на больничном. Он открыл дверь летнего дома в Смодаларё и увидел атлетически сложенного, коротко стриженного блондина в черной кожаной куртке.

– Я ищу Гуннара Бьёрка.

– Это я.

– Курт Свенссон, уголовная полиция лена. – Незнакомец показал удостоверение.

– И что же?

– Вас приглашают явиться на Кунгсхольмен, чтобы помочь полиции в расследовании дела Лисбет Саландер.

– Думаю, что это какое-то недоразумение.

– Никакого недоразумения, – сказал Курт Свенссон.

– Уверен, что вы ошиблись. Я тоже полицейский. По-моему, вам следует выяснить все у вашего начальника.

– Именно мой начальник и хочет с вами побеседовать.

– Я должен позвонить...

– Вы сможете позвонить с Кунгсхольмена.

Гуннар Бьёрк вдруг почувствовал, что он не в состоянии сопротивляться.

Все-таки это случилось. Теперь эта история станет достоянием гласности. Проклятый Блумквист. Проклятая Саландер.

– Я арестован? – спросил он.

– Пока нет. Но мы можем постараться, если вы настаиваете.

– Нет, нет, я, конечно, поеду. Разумеется, я хочу помочь своим коллегам.

– Вот и славно, – сказал Курт Свенссон, проходя в дом.

Пока Гуннар Бьёрк надевал верхнюю одежду и выключал кофеварку, полицейский не спускал с него глаз.

В одиннадцать утра Микаэль Блумквист сообразил, что взятая им напрокат машина так и осталась стоять за скотным двором на въезде в Госсебергу, а он настолько измотан, что уже не в силах ехать за ней. Представить, что он смог бы пригнать ее, не являя собою опасности для дорожного движения, было выше его сил. Журналист посоветовался с инспектором Маркусом Эрландером, и тот великодушно предложил ему помощь: криминалисты из Гётеборга пригонят машину, когда будут возвращаться домой.

– Считайте это компенсацией за то, как грубо с вами обошлись нынешней ночью.

Микаэль кивнул, взял такси и поехал в гостиницу «Сити-отель» на Лоренсбергсгатан, рядом с Авеню. Он оплатил себе одноместный номер – 800 крон за ночь, – поднялся наверх и разделся. Затем сел на покрывало, вытащил из внутреннего кармана куртки мини-компьютер Лисбет Саландер «Палм Тангстен Т3» и повертел его в руках. Блумквист не переставал удивляться, что устройство не конфисковали, когда его обыскивал комиссар Томас Польссон. Скорее всего, тот решил, что компьютер принадлежит Микаэлю. Повезло же ему, что его не отвезли в следственный изолятор, а уж там бы его обыскали и все конфисковали бы, это точно. Блумквист призадумался, а затем спрятал «Палм Тангстен Т3» в отделение своей сумки для ноутбука, где уже лежал CD-диск Лисбет с пометкой «Бьюрман», который Польссон тоже не заметил. При этом Микаэль понимал, что с чисто юридической точки зрения он скрывает улики, но Лисбет, скорее всего, не захотела бы, чтобы эти вещи попали в чьи-нибудь руки.

Он включил мобильник и, убедившись, что аккумулятор почти полностью разрядился, подключил зарядное устройство к сети. Затем позвонил сестре – адвокату Аннике Джаннини.

– Привет, сестренка.

– Ты в курсе относительно ночного убийства полицейского? – сразу же спросила Анника.

Блумквист кратко объяснил, что случилось.

– Вот как. Значит, Саландер в реанимации...

– Точно. Только когда она очнется, мы узнаем, насколько серьезно она пострадала. Но ей будет нужен адвокат.

Анника немного подумала.

– Ты считаешь, она захочет воспользоваться моими услугами?

– Скорее всего, она вообще не захочет адвоката. Лисбет не из тех, кто обращается за помощью.

– Похоже, ей нужен адвокат по уголовным делам... Я хочу взглянуть на те документы, что у тебя есть.

– Поговори с Эрикой Бергер, она сделает тебе копию.

После разговора с сестрой Микаэль позвонил Эрике Бергер. По мобильному она не ответила, и Блумквист набрал ее номер в редакции «Миллениума». К телефону подошел Хенри Кортес и сообщил, что Эрики сейчас нет на месте.

Микаэль кратко объяснил, что произошло, и попросил его передать информацию главному редактору «Миллениума».

– О'кей. Что мы должны делать? – спросил Кортес.

– Сегодня – ничего. Мне нужно выспаться. Если ничего непредвиденного не случится, завтра я приеду в Стокгольм. «Миллениум» напечатает свою версию событий в следующем номере, так что у нас почти месяц времени.

После разговора Блумквист бросился в постель и буквально через полминуты уснул.

Моника Спонгберг, заместитель начальника регионального полицейского управления, постучала ручкой по стакану с минералкой, требуя тишины. В ее кабинете за столом для совещаний расселись десять человек: три женщины и семеро мужчин. Здесь присутствовали начальник отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями, его заместитель, три инспектора уголовной полиции, в их числе и Маркус Эрландер, а также пресс-секретарь полицейского управления Гётеборга. На совещание вызвали также руководителя отдела предварительного следствия Агнету Йервас из прокуратуры, а также инспекторов уголовной полиции Стокгольма Соню Мудиг и Йеркера Хольмберга. Коллег из столицы пригласили, чтобы продемонстрировать готовность к сотрудничеству и, возможно, чтобы показать им, как следует проводить образцовое полицейское расследование.

Спонгберг, которая часто оказывалась единственной женщиной в мужском окружении, славилась тем, что не тратит время на формальности и гламурные фразы. Она объявила, что шеф регионального полицейского управления находится в командировке, на конференции Европола в Мадриде. Ему уже сообщили об убийстве полицейского, и он прервал свою поездку, но назад ожидается лишь поздно вечером. Затем она обратилась к начальнику отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями Андерсу Перссону и попросила его коротко охарактеризовать ситуацию.

– С момента убийства нашего коллеги Гуннара Андерссона на дороге в Носсебру прошло чуть больше десяти часов. Мы уже знаем имя убийцы – Рональд Нидерман, но у нас по-прежнему нет его фотоизображения.

– В Стокгольме есть его фотография двадцатилетней давности – нам предоставил ее Паоло Роберто, – но от нее мало толку, – сказал Йеркер Хольмберг.

– О'кей. Как известно, он угнал полицейскую машину, которую обнаружили утром в Алингсосе. Она стояла в переулке, примерно в трехстах пятидесяти метрах от железнодорожной станции. В течение утра никто в этом районе не заявлял об угоне машин.

– Какие меры предприняты?

– Мы проверяем поезда, прибывающие в Стокгольм и Мальмё. Объявлен общегосударственный розыск и оповещена полиция Норвегии и Дании. На данный момент около тридцати полицейских непосредственно занимаются расследованием, так что мы начеку.

– И что же, никаких следов?

– Пока нет. Но типа с такой специфической внешностью, как у Нидермана, не так уж и сложно будет опознать.

– А кто-нибудь знает, как состояние Фредрика Торстенссона? – спросил один из инспекторов отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями.

– Он находится в Сальгренской больнице. Получил тяжелые травмы, примерно как после дорожно-транспортного происшествия. Невозможно представить себе, что такие увечья можно нанести человеческими руками. У него переломы ног и ребер, и к тому же поврежден шейный позвонок. Есть риск, что он может остаться частично парализованным.

Все на несколько секунд задумались о плачевной ситуации с коллегой, а потом Спонгберг обратилась к Эрландеру:

– Но что же на самом деле случилось в Госсеберге?

– В Госсеберге случился Томас Польссон.

В зале раздался дружный стон.

– Неужели не найдется какой-нибудь смельчак, который отправит его на пенсию? Он ведь просто настоящее стихийное бедствие.

– Я очень хорошо знаю Польссона, – сказала Моника Спонгберг. – Но в последние, скажем, два года, я не слышала, чтобы кто-нибудь на него жаловался.

– Тамошний начальник полиции – старый приятель Польссона и, скорее всего, прикрывал его. Возможно, даже из лучших побуждений. Скорее всего, он пытался ему помочь, и я говорю это без всякой иронии. Но сегодня ночью Польссон вел себя настолько неадекватно, что некоторые из его коллег даже подали рапорты.

– Что конкретно он натворил?

Маркус Эрландер метнул беглый взгляд на Соню Мудиг и Йеркера Хольмберга. Ему явно не хотелось выпячивать дефекты в работе своей конторы перед столичными коллегами.

– Самым диким кажется то, что он велел коллеге из технического отдела заняться инвентаризацией дровяного сарая, где мы обнаружили этого типа – Залаченко.

– Инвентаризацией? – переспросила Спонгберг.

– Да, то есть ему хотелось точно знать, сколько там поленьев. Чтобы корректно составить рапорт.

Все потрясенно замолчали, а Эрландер поспешно продолжил:

– Сегодня утром стало известно, что Польссон принимает, по крайней мере, два психофармакологических препарата – «Ксанор» и «Эффексор». На самом деле ему полагается находиться на больничном, но он скрывал свое состояние от окружающих.

– О каком состоянии идет речь? – строго спросила Спонгберг.

– Чем именно он болеет, я, естественно, не знаю – это врачебная тайна. Но препараты, которые он принимает, являются, с одной стороны, сильными антидепрессантами, с другой – стимуляторами. Так что сегодня ночью он просто-напросто перебрал с таблетками.

– О господи, – Спонгберг с трудом удержалась, чтобы не выругаться. Она помрачнела, как туча, вернее, как та буря, которая на рассвете накрыла Гётеборг. – Пришлите Польссона ко мне! И немедленно!

– Теперь сделать это будет не так-то просто. Утром у него началась истерика, и его увезли в больницу с диагнозом переутомление. Нам просто-напросто катастрофически не повезло, что на дежурстве оказался именно он.

– Я хотел бы уточнить, – сказал шеф отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями. – Ведь именно Польссон арестовал ночью Микаэля Блумквиста?

– Он составил рапорт и обвинил его в оскорблении, упорном сопротивлении сотруднику полиции и незаконном ношении оружия.

– А что говорит сам Блумквист?

– Он не отрицает, что оскорбления имели место, но утверждает, что действовал в целях необходимой обороны. Он объясняет, что лишь пытался помешать Торстенссону и Андерссону самостоятельно арестовывать Нидермана, поэтому и употреблял резкие выражения.

– А свидетели есть?

– Полицейские Торстенссон и Андерссон. Честно говоря, я ни на секунду не поверю в обвинения в упорном сопротивлении. Это обыкновенное встречное обвинение с целью предвосхитить жалобу со стороны Блумквиста.

– Неужели сам Блумквист смог в одиночку скрутить Нидермана? – спросила прокурор Агнета Йервас.

– Под угрозой применения оружия.

– Значит, у Блумквиста было оружие... Тогда его задержали по делу. Но где он раздобыл оружие?

– Об этом Блумквист отказывается говорить, пока не посоветуется со своим адвокатом. Но Польссон арестовал Блумквиста как раз в тот самый момент, когда тот пытался сдать оружие полиции.

– Могу я внести неформальное предложение? – осторожно спросила Соня Мудиг.

Все взгляды устремились к ней.

– Я много раз встречалась с Микаэлем Блумквистом во время расследования, и у меня сложилось впечатление, что он, хоть и журналист, но вполне трезвая и здравомыслящая личность. Очевидно, решение о возбуждении дела будете принимать вы... – Она посмотрела на Агнету Йервас, та кивнула. – В таком случае я полагаю, что вы не станете ему инкриминировать оскорбление и оказание сопротивления, это было бы по меньшей мере неразумно.

– Возможно, вы и правы. Но незаконное ношение оружия – серьезное преступление.

– Я бы пока отложила обвинения против Блумквиста. Ведь он самостоятельно расследовал эту историю – шаг за шагом – и на несколько шагов опередил полицию. И для нашей репутации, и в интересах дела будет гораздо полезнее сотрудничать с ним, сохранив хорошие отношения, чем дать ему возможность раскритиковать полицию в средствах массовой информации.

Она замолчала.

Через несколько секунд Маркус Эрландер откашлялся. Раз уж Соня Мудиг рискнула выступить, то и ему не следует отсиживаться.

– Я тоже так считаю. Блумквист и мне кажется здравомыслящим человеком. Я даже просил у него прощения за то, как с ним обращались сегодня ночью. Он, похоже, готов забыть про этот эпизод. И вообще он держится с достоинством. Он вычислил место жительства Лисбет Саландер, но отказывается его называть. Он не боится дискутировать с полицией... Учитывая его позицию и его авторитет, любое его заявление в масс-медиа прозвучит не менее весомо, чем любые инсинуации со стороны Польссона.

– Но ведь он отказывается передать полиции информацию о Саландер?

– Да, он считает, что нам придется добывать информацию у нее самой.

– А о каком оружии идет речь? – спросила Йервас.

– О пистолете «Кольт тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент». Номер серии неизвестен. Я отправил пистолет на экспертизу, и мы пока не знаем, использовали ли его в каких-либо инцидентах на территории Швеции. Если окажется, что да, тогда это меняет дело.

Моника Спонгберг подняла карандаш.

– Агнета! Тебе самой придется решать, инициировать ли предварительное следствие в отношении Блумквиста. Я бы предложила дожидаться отчета экспертов. А пока нам пора двигаться дальше. Этот тип Залаченко... что вы в Стокгольме о нем знаете?

– В том-то и дело, что до вчерашнего дня мы ровным счетом ничего не слышали ни о Залаченко, ни о Нидермане, – ответила Соня Мудиг.

– Мне показалось, что вы разыскиваете у себя банду сатанисток-лесбиянок, – сказал один из гётеборгских полицейских.

Кое-кто из присутствующих улыбнулся.

Йеркер Хольмберг опустил глаза, и отвечать пришлось Соне Мудиг.

– Между нами говоря, у нас в отделе есть собственный Томас Польссон, и история с бандой сатанисток-лесбиянок всплыла как побочный след, и именно по его инициативе.

Затем Мудиг и Хольмберг с полчаса рассказывали о сведениях, которые удалось раздобыть в процессе расследования. Когда они закончили, за столом надолго воцарилось молчание.

– Если насчет Гуннара Бьёрка все подтвердится, то СЭПО это дорого станет, – подытожил заместитель начальника отдела по борьбе с особо опасными преступлениями.

Все присутствующие дружно закивали.

Агнета Йервас подняла руку.

– Насколько я понимаю, ваши подозрения в основном построены на предположениях и косвенных уликах. Но меня как прокурора беспокоит ситуация с реальными доказательствами.

– Мы понимаем, – сказал Йеркер Хольмберг. – В общих чертах мы представляем себе, что произошло, но у нас имеется целый ряд вопросов, на которые следовало бы получить ответы.

– Насколько я поняла, вы занимаетесь эксгумационными раскопками в Нюкварне, под Сёдертелье, – сказала Спонгберг. – О скольких же убийствах, собственно говоря, идет речь?

Йеркер Хольмберг моргнул.

– Мы начали с трех убийств в Стокгольме, по подозрению в которых разыскивалась Лисбет Саландер: были убиты адвокат Бюрман, журналист Даг Свенссон и докторантка Миа Бергман. В лесу, возле склада под Нюкварном, на данный момент обнаружены три захоронения. В одном из них мы нашли расчлененные останки известного наркоторговца и вора. В могиле номер два находится пока не опознанная женщина. Третью могилу мы пока еще не успели обследовать, и, похоже, она самая старая. Помимо этого, Микаэль Блумквист обнаружил связь последних событий с убийством проститутки из Сёдертелье, о котором стало известно несколько месяцев назад.

– Значит, вместе с полицейским Гуннаром Андерссоном в Госсёберге речь идет по меньшей мере о восьми жертвах... Это просто устрашающая статистика. Неужели мы подозреваем во всех убийствах Нидермана? Тогда он просто самый настоящий отморозок и серийный убийца.

Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг обменялись выразительными взглядами – теперь им придется до конца отстаивать свою версию. Слово взяла Соня Мудиг.

– Нам пока не хватает доказательной базы, и тем не менее я и мой шеф – инспектор уголовной полиции Ян Бублански – в целом согласны с Блумквистом в том, что первые три убийства совершил Нидерман. Это означает, что Саландер невиновна. Что касается могил в Нюкварне, то можно сказать: Нидерман связан с этим местом, и об этом свидетельствует похищение Мириам Ву – подруги Лисбет Саландер. Без сомнения, ей уготовили место в четвертой могиле. Но здание склада принадлежит родственнице главы мотоклуба «Свавельшё МК», и, пока останки не идентифицированы, делать выводы преждевременно.

– А вор, которого вы опознали...

– Кеннет Густафссон, сорок четыре года, все знали его как наркоторговца. Начиная с подросткового возраста, был не в ладах с законом. Интуиция подсказывает мне, что речь идет о каких-то внутренних конфликтах. Мотоклуб из Свавельшё причастен к самым разным преступлениям и, в частности, к дистрибуции метамфетамина. Люди, не поладившие со «Свавельшё МК», вполне могли лечь на это кладбище. Но...

– Но что?

– Та проститутка, убитая в Сёдертелье... двадцатидвухлетняя Ирина Петрова.

– И что с ней?

– Вскрытие показало, что ее забили с особой жестокостью, причем такие травмы обычно наносятся бейсбольной битой или чем-то похожим. Правда, характер повреждений неоднозначен, и патологоанатом так и не смог точно определить, какой именно инструмент использовал преступник. Но, со слов Блумквиста, травмы Ирины Петровой вполне могли быть нанесены голыми руками...

– Это мог быть Нидерман?

– Вполне возможно. Но доказательств у нас пока нет.

– Ну, и как же нам действовать дальше? – спросила Спонгберг.

– Мне нужно пообщаться с Бублански, но, естественно, следующий шаг – допрос Залаченко. Мы выясним, что ему известно об убийствах в Стокгольме, а уж вы постараетесь задержать Нидермана.

Один из инспекторов гётеборгского отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями поднял палец.

– А можно узнать, что обнаружили на хуторе Госсенберга?

– Не так уж и много. Мы нашли четыре единицы стрелкового оружия. Пистолет «ЗИГ-Зауэр» в разобранном виде, подготовленный к смазке, валялся на кухонном столе. Польский «Пи-восемьдесят три Ванад» лежал на полу рядом с кухонным диваном. «Кольт тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент» – тот самый, который Блумквист пытался сдать Польссону. И наконец, «браунинг» двадцать второго калибра, который в сравнении с вышеперечисленным кажется чуть ли не детской игрушкой. Мы подозреваем, что в Саландер стреляли именно из него, поскольку она осталась жива после пулевого ранения в голову.

– Что-нибудь еще?

– Мы конфисковали сумку, в которой обнаружили примерно двести тысяч крон. Она находилась на втором этаже, в комнате, которую облюбовал Нидерман.

– Вы уверены в том, что это его комната?

– Там мы нашли одежду размера «икс-икс-эль». Залаченко носит вещи на три размера меньше, «медиум».

– А есть ли какие-нибудь доказательства связи Залаченко с криминальной средой? – спросил Йеркер Хольмберг.

Эрландер покачал головой.

– Конечно, все зависит от того, идентифицируем ли мы конфискованное оружие. Но, за исключением оружия и суперсовременных камер наружного наблюдения, мы не обнаружили у Залаченко ничего, что отличало бы хутор Госсенбергу от любой другой фермы. Обстановка в доме спартанская.

Ближе к полудню в дверь постучал полицейский и передал Монике Спонгберг какую-то бумагу. Она подняла палец.

– Мы получили сигнал об исчезновении человека в Алингсöse. Двухлетнем медсестра стоматологического кабинета по имени Анита Касперссон выехала из дома в семь тридцать утра, чтобы отвезти ребенка в детский сад, после чего должна была прибыть на свое рабочее место к восьми утра, – но так и не прибыла. Она работает у частного стоматолога, который

принимает пациентов примерно в ста пятидесяти метрах от того места, где обнаружили угнанную полицейскую машину.

Эрландер и Соня Мудиг одновременно посмотрели на часы.

– Значит, он имеет фору в четыре часа. Какая у нее машина?

– Темно-синий «рено» девяносто первого года выпуска. Вот номер.

– Нужно немедленно объявить машину в общегосударственный розыск. Сейчас Нидерман может находиться в любом месте между Осло, Мальмё и Стокгольмом.

После краткой дискуссии полицейские завершили совещание, поручив допрос Залаченко Соне Мудиг и Маркусу Эрландеру.

Эрика Бергер вышла из своего кабинета и прошествовала в редакционную мини-кухню. Хенри Кортес нахмурился и проводил ее взглядом. Через несколько секунд она вышла оттуда с кружкой кофе в руке, вернулась к себе и закрыла дверь.

Хенри Кортес даже не мог бы точно сформулировать, что его смутило. В «Миллениуме» работало не так много народу, и сотрудники редакции быстро сближались. Хенри уже четыре года работал на полставки и за это время журнал несколько раз переживал разрушительные ураганы – особенно в тот период, когда Микаэля Блумквиста присудили к трехмесячному заключению за клевету и журнал едва не обанкротился. На его памяти произошло убийство сотрудника журнала Дага Свенссона и его подруги Миа Бергман.

Во время всех этих катаклизмов Эрика Бергер держалась как скала; казалось, ничто не может вывести ее из равновесия. Хенри ничуть не удивился, когда Эрика позвонила и разбудила его рано утром, а потом поручила ему и Лотте Карим срочное задание.

Судя по всему, дело Лисбет Саландер сдвинулось с мертвой точки, а имя Микаэля Блумквиста склонялось в связи с убийством полицейского из Гётеборга. Больше никакой информации пока не было. Лотта Карим находилась в полицейском управлении и пыталась раздобыть хоть какие-нибудь сведения, а Хенри все утро названивал всем подряд и пытался разобраться в том, что произошло ночью. Блумквист на звонки не отвечал, однако благодаря некоторым источникам Хенри удалось восстановить примерный сценарий ночных событий.

Но Эрику Бергер, казалось, все происходящее вокруг ничуть не волновало.

Дверь к себе в кабинет она закрывала крайне редко – лишь когда принимала посетителей или напряженно работала над какой-то темой. В это утро посетителей у нее не было, и она не работала. Хенри несколько раз заходил к ней, чтобы сообщить о новостях, – и заставлял ее в кресле у окна. Погруженная в себя, Эрика равнодушно взидала на людской поток на Гётгатан, и его сообщения она выслушивала рассеянно. Что-то ее тяготило.

Размышления Хенри прервал звонок. Открыв дверь, он увидел Аннику Джаннини. С сестрой Микаэля Блумквиста он встречался несколько раз, хотя и не мог бы сказать, что знает ее близко.

– Привет, Анника, – сказал Кортес. – А Микаэля сегодня здесь нет.

– Я знаю. Мне нужна Эрика.

Когда Анника вошла в кабинет, Эрика Бергер сидела в кресле у окна. Взглянув на посетительницу, она вернулась к реальности.

– Привет. А Микаэля сегодня нет.

Анника улыбнулась.

– Знаю. Мне нужен отчет Бьёрка о расследовании СЭПО. Микке попросил меня изучить его, чтобы впоследствии, возможно, представлять интересы Саландер.

Кивнув, Эрика встала и принесла с письменного стола папку.

Анника уже собиралась уходить, но, немного поколебавшись, передумала и села напротив Бергер.

– Хорошо, а что происходит с тобой?

– Я собираюсь уйти из «Миллениума», но пока не сказала об этом Микаэлю... не рискнула. Он настолько увлекся этой историей с Саландер, что мне так и не выпал удобный случай. Я и другим не могу ничего сообщить, не поговорив сначала с ним. Так что мне, конечно, не по себе.

Анника Джаннини прикусила нижнюю губу.

– Поэтому ты вместо него решила поделиться со мной... Но чем ты намерена заниматься?

– Я буду главным редактором газеты «Свенска моргонпостен».

– Вот это да! В таком случае мне следует тебя поздравить, а тебе не следует рыдать и рвать на себе волосы.

– Сказать по правде, я не планировала оставить «Миллениум» в таком раздразе, в таком хаосе... Просто мне сделали такое предложение, от которого я не смогла отказаться. Я хочу сказать, что такой шанс дважды не выпадает. Мне предложили эту должность как раз перед тем, как застрелили Дага и Миа, и мы просто сбились с ног. Я не смогла признаться. А теперь меня мучает совесть.

– Понимаю тебя. И ты боишься рассказать об этом Микке...

– Я вообще еще никому не рассказывала. Я думала, что начну работать в «Свенска моргонпостен» в конце лета и у меня еще будет время поделиться. А они теперь требуют, чтобы я приступила к работе как можно скорее.

Она замолчала и посмотрела на Аннику с таким видом, будто вот-вот расплачется.

– Так что практически я работаю в «Миллениуме» последнюю неделю. После выходных я уезжаю, а потом... Мне нужен краткосрочный отпуск, чтобы подзарядиться. А с первого мая я уже в «Свенска моргонпостен».

– Что ж, давай представим себе, что тебя переехал автомобиль. Тогда журнал остался бы без главного редактора, и тоже без всякого предупреждения.

Эрика взглянула на нее.

– Но меня ведь не переехал автомобиль. Я была в полном здравии и упорно молчала несколько недель.

– Понимаю, что ситуация сложная, но мне кажется, что Микке, Кристер и все остальные справятся с ситуацией. И я считаю, что ты должна все им рассказать – прямо сейчас.

– Да, но твой чертов братишка торчит сегодня в Гётеборге. Он спит и не отвечает на звонки.

– Знаю. Мало кому удастся так успешно избегать телефонных звонков, как Микаэлю. Однако тут речь идет не о вас с Микке. Я знаю, что вы проработали вместе двадцать лет или около того, что у вас складывались непростые отношения, – но тебе следует подумать о Кристере и прочих.

– Но Микаэль...

– Конечно, Микке взорвется. Но если он не справится с ситуацией после двадцати лет ваших отношений, тогда он не стоит того времени, что ты на него потратила.

Эрика вздохнула.

– Взбодришь. Позови Кристера и всех остальных. Немедленно.

Кристер Мальм явился на собрание, устроенное Эрикой Бергер в маленьком конференц-зале «Миллениума», в подавленном настроении. Его предупредили о собрании всего за несколько минут до начала, как раз когда он, по случаю пятницы, уже собирался покинуть редакцию пораньше. Кристер покосился на Хенри Кортеса и Лотту Карим; они тоже казались растерянными, как и он. Ответственный секретарь редакции Малин Эрикссон тоже ничего не знала, как и репортер Моника Нильссон, и маркетолог Сонни Магнуссон. Не хватало только Микаэля Блумквиста, который находился в Гётеборге.

«Боже, Микаэль ведь ничего не знает, – подумал Кристер. – Интересно, как он отреагирует...»

Эрика Бергер закончила свое выступление, и в конференц-зале воцарилась полная тишина. Мальм покачал головой, встал, обнял Эрику и поцеловал ее в щеку.

– Поздравляю, Рикки. Должность главного редактора «Свенска моргонпостен» – серьезный успех после плавания на нашей маленькой шхуне.

Хенри Кортес бурно зааплодировал. Эрика подняла руки.

– Стоп, – сказала она. – Сегодня я недостойна ваших аплодисментов.

Она сделала короткую паузу и обвела взглядом своих немногочисленных коллег.

– Послушайте, мне ужасно жаль, что все так получилось. Я еще несколько недель назад собиралась вам все рассказать. Но тут произошли эти страшные убийства, и мы потеряли голову. Микаэль с Малин работали как одержимые, и у меня просто не было подходящего случая. Поэтому так и вышло.

До Малин Эрикссон вдруг дошло, что в редакции не так уж и много сотрудников и без Эрики они вряд ли справятся. Бергер всегда казалась твердыней, к которой Малин всегда могла прислониться, стабильной и устойчивой в любых катаклизмах. Ничего удивительного, что этот «Утренний дракон» нанял ее на работу.

Но что же теперь будет? Эрика всегда была в «Миллениуме» ключевой фигурой...

– Есть некоторые моменты, которые нам необходимо обговорить. Я понимаю, что в редакции может возникнуть невротическая обстановка. Мне бы очень хотелось этого избежать, но ничего не поделаешь. Во-первых, я оставляю «Миллениум» не полностью. Я остаюсь совладельцем журнала и буду участвовать в заседаниях правления. В то же время я полностью отказываюсь от права влиять на редакционную работу – иначе может возникнуть конфликт интересов.

Кристер Мальм кивнул. Он никак не мог опомниться.

– Во-вторых... Официально я заканчиваю работать здесь тридцатого апреля, но на деле мой последний рабочий день – сегодня. Всю следующую неделю, как вы знаете, я буду в отъезде – это планировалось давно. И я решила, что не стоит возвращаться, дабы побыть у руля еще несколько дней.

Она ненадолго замолчала.

– Следующий номер уже готов, он существует в электронном виде. Осталось только уточнить кое-какие детали. Он станет моим последним номером, после чего к работе приступит новый главный редактор. Свое рабочее место я освобожу сегодня вечером.

Все замолкли.

– Правление должно обдумать и решить, кто после меня станет главным редактором. Но и вам, в редакции, тоже надо это обсудить.

– Микаэль, – предложил Кристер Мальм.

– Нет. Только не Микаэль. Он станет самым худшим главным редактором. Он идеальный ответственный редактор, он умеет вести расследования и дотягивать бездарные статьи до стадии публикации. Но в должности главного редактора он станет настоящим тормозом для журнала. Главным редактором должен быть человек дела, активный и инициативный. К тому же, Микаэль склонен периодически сосредотачиваться на собственных проблемах и исчезать на целые недели. Он предназначен для чрезвычайных ситуаций, но совершенно непригоден для рутинной каждодневной работы. И вы все это знаете.

Кристер Мальм кивнул.

– Вы с Микаэлем прекрасно дополняли друг друга, и «Миллениум» держался за счет этого.

– Не только за счет этого. Вы помните, как Микаэль почти целый год просидел в Хеде-стаде? Тогда «Миллениум» остался без него. И теперь журнал должен точно так же обойтись без меня.

– О'кей. Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю, чтобы главным редактором стал ты, Кристер...

– Ни в коем случае.

Кристер Мальм замахал обеими руками.

– ...но поскольку я знала, что ты откажешься, то заготовила другую кандидатуру. Малин, ты станешь исполняющим обязанности главного редактора прямо с сегодняшнего дня.

– Я?! – воскликнула Эрикссон.

– Именно ты. Ты проявила себя как незаменимый ответственный секретарь.

– Но я...

– Просто попробуй. Я сегодня же освобожу свой стол. В понедельник утром ты сможешь перебраться в мой кабинет. Майский номер почти готов – мы над ним уже славно потрудились. В июне мы выпустим двойной номер, а потом у нас будет месяц отпуска. Если у тебя не получится, то в августе правление предложит кого-нибудь другого. Хенри, ты перейдешь на полную ставку и заменишь Малин на посту ответственного секретаря. К тому же, вам необходимо нанять нового сотрудника. Но это уже решать вам и правлению.

Она немного помолчала, задумчиво оглядывая своих коллег.

– И вот еще что. Я перехожу в другую газету. Конечно, с практической точки зрения «Свенска моргонпостен» и «Миллениум» не конкуренты, но я не хочу знать о содержании следующего номера ничуть не больше, чем знаю сейчас. Буквально начиная с этой секунды вы будете все решать с Малин.

– А история с Лисбет Саландер, как нам быть с ней? – поинтересовался Хенри Кортес.

– Это вам придется решать с Микаэлем. Я кое-что знаю о Саландер, но в «Свенска моргонпостен» материал не попадет.

Эрика чувствовала себя так, словно сбросила с души камень.

– Это всё, – сказала она.

Сочтя свою миссию выполненной, Бергер встала и без дальнейших комментариев направилась к себе в кабинет.

Подавленные тем, что их судьба так неожиданно и резко изменилась за столь короткое время, сотрудники «Миллениума» сидели, погруженные в молчание.

Через час Малин Эрикссон постучала в дверь кабинета Эрики.

– Послушай-ка!

– Да? – спросила Эрика.

– Сотрудники хотят кое-что тебе сказать.

– Что именно?

– Выйди к нам сюда, в гостиную.

Эрика встала и подошла к двери. Коллеги накрыли стол – торт и кофе.

– Я решил, что мы еще успеем организовать тебе настоящий праздник, – сказал Кристер Мальм. – Но пока придется ограничиться кофе с тортом.

Впервые за этот день она улыбнулась.

Глава 3

Пятница, 8 апреля – суббота, 9 апреля

Александр Залаченко очнулся восемь часов назад.

Соня Мудиг и Маркус Эрландер посетили его к семи часам вечера. Он перенес довольно сложную и многочасовую операцию, во время которой ему починили скулу и зафиксировали ее титановыми штифтами. Его голова была перебинтована так основательно, что виднелся только левый глаз. Врач объяснил, что удар топора раздробил скулу, повредил лобную кость, а также отсек большую часть ткани с правой стороны лица и деформировал глазницу.

Сильная боль донимала Залаченко. И все-таки, несмотря на значительные дозы обезболивающих средств, он сохранял относительную ясность рассудка и мог разговаривать. Однако полицейским велели его не переутомлять.

– Добрый вечер, господин Залаченко, – поздоровалась Соня Мудиг.

Она представилась сама и представила своего коллегу.

– Меня зовут Карл Аксель Бодин, – сквозь сжатые зубы процедил Залаченко. Голос его казался спокойным.

– Я знаю, кто вы. Я прочитала ваше досье в архиве СЭПО.

Соня просто закинула удочку, хотя на самом деле они пока не получили от СЭПО ни единой бумажки о Залаченко.

– Все это дела давно минувших дней, – сказал Залаченко. – Теперь я Карл Аксель Бодин.

– Как вы себя чувствуете? – продолжила Мудиг. – Вы в состоянии говорить?

– Я хочу сообщить о преступлении. Моя дочь пыталась убить меня.

– Мы знаем об этом и со временем проведем расследование, – заверил Эрландер. – А сейчас нам надо поговорить о более важных вещах.

– Что может быть важнее, чем покушение на убийство?

– Мы рассчитываем получить от вас сведения о трех убийствах в Стокгольме и минимум трех убийствах в Нюкварне, а также об одном похищении.

– Я ничего об этом не знаю. Кого убили?

– Господин Бодин, у нас есть веские основания полагать, что в этих преступлениях виновен ваш компаньон – тридцатисемилетний Рональд Нидерман, – сказал Эрландер. – Этой ночью он убил еще и полицейского из Тролльхеттана.

Соня Мудиг удивилась, что Эрландер решил подыграть Залаченко и обратился к нему по фамилии Бодин. Залаченко слегка повернул голову, так, чтобы видеть Эрландера. Его голос теперь звучал менее агрессивно.

– Как это трагично... Я не в курсе дел Нидермана. Я никаких полицейских не убивал. Меня самого этой ночью чуть не убили.

– Рональд Нидерман объявлен в розыск. Какие у вас есть предположения на этот счет? Где он может скрываться?

– Я не знаю, в каких кругах он вращается. Я... – Залаченко на несколько секунд замолчал, и голос его стал почти задушевым. – Должен признаться, что, между нами говоря, временами Нидерман меня тревожил.

Эрландер подался ближе.

– Не могли бы вы выразиться поточнее?

– Мне кажется, он способен проявлять чрезвычайную агрессию. Честно сказать, я его боюсь.

– То есть вы чувствовали, что Нидерман может представлять для вас угрозу? – уточнил Эрландер.

– Именно так. Я немолод, и не могу себя защитить.

– Вы можете объяснить, какие отношения были у вас с Нидерманом?

– Я инвалид. – Залаченко показал на ногу. – Моя дочь пытается убить меня уже во второй раз. Много лет назад я нанял Нидермана в качестве помощника. Я решил, что он сможет меня защитить, но он, по сути дела, стал командовать мною и моей жизнью. Он появляется и исчезает, когда ему угодно, а я и слова сказать не могу.

– В чем заключается его помощь? – спросила Соня Мудиг. – Он делает то, с чем вы не можете справиться сами?

Залаченко окинул Соню Мудиг долгим взглядом, его единственный свободный от повязок глаз буквально просверлил ее.

– Насколько я поняла, десять лет назад ваша дочь швырнула зажигательную бомбу в вашу машину, – сказала Соня Мудиг. – Вы можете объяснить, что ее толкнуло на такой поступок?

– Спросите об этом у моей дочери. Она психически ущербна. – Его голос вновь зазвучал враждебно.

– Вы хотите сказать, что даже не представляете, по какой причине Лисбет Саландер набросилась на вас в тысяча девятьсот девяносто первом году?

– Моя дочь психически больна. Этот факт задокументирован.

Мудиг наклонила голову набок. Она отметила, что ее вопросы вызывают у Залаченко более агрессивную и враждебную реакцию. Эрландер тоже это заметил.

О'кей... *Good cop, bad cop*¹⁰.

– Разве ее действия не связаны с тем эпизодом, – повысила голос Соня, – когда вы так жестоко избили ее мать, что она получила неизлечимые травмы головного мозга?

Залаченко невозмутимо взирал на Мудиг.

– Это беспочвенная трепотня. Ее мать занималась проституцией. И кто-нибудь из ее клиентов мог надрать ей задницу. А я просто случайно к ним заглянул.

Соня подняла брови.

– Значит, вы ни в чем не виноваты?

– Разумеется.

– Залаченко... Я хочу убедиться, правильно ли я вас поняла. Вы отрицаете, что избивали свою тогдашнюю подругу – Агнету Софию Саландер, мать Лисбет Саландер? Хотя этот эпизод послужил предметом обстоятельного и засекреченного расследования, проведенного Гуннаром Бьёрком – вашим тогдашним куратором из СЭПО?

– У меня нет никаких судимостей. Мне даже не предъявлялось никаких обвинений. Я не могу отвечать за то, что какой-то придурок из Службы безопасности оговорил меня в своих отчетах. Если бы меня в чем-нибудь подозревали, то, по крайней мере, вызывали бы на допросы.

От такой наглости Соня Мудиг просто потеряла дар речи. Казалось даже, что на лице Залаченко, скрытом повязкой, сквозила улыбка.

– Итак, я хотел бы сообщить о том, что моя дочь пыталась меня убить.

Мудиг вздохнула.

– Я, кажется, начинаю понимать, почему Лисбет Саландер так хотелось всадить вам топор в голову.

Эрландер кашлянул.

– Простите, господин Бодин, может, вернемся к тому, что вам известно о Рональде Нидермане?

Из коридора, в котором находилась палата Залаченко, Соня Мудиг позвонила инспектору Яну Бублански.

¹⁰ Хороший полицейский, плохой полицейский (англ.).

– Ничего, – сказала она.

– Ничего? – переспросил тот.

– Он передал в полицию заявление на Лисбет Саландер, обвинив ее в жестоком избиении и попытке убийства. Он утверждает, что не имеет никакого отношения к убийствам в Стокгольме.

– А как получилось, что Лисбет Саландер была закопана на его участке в Госсеберге, он объяснил?

– Говорит, что был простужен и проспал почти целый день. Если в Саландер стреляли в Госсеберге, то это, вероятно, дело рук Рональда Нидермана.

– Хорошо. Какие факты у нас есть?

– В нее стреляли из «браунинга» двадцать второго калибра, поэтому ей удалось выжить. Мы нашли пистолет. Залаченко признает, что оружие принадлежит ему.

– Вот оно что... То есть иными словами, он знает, что на пистолете есть отпечатки его пальцев.

– Именно. Но утверждает, что в последний раз видел пистолет, когда тот лежал в ящике письменного стола.

– Стало быть, вышеупомнутый Рональд Нидерман взял оружие, пока Залаченко спал, и выстрелил в Саландер... Сможем ли мы доказать обратное?

Соня Мудиг несколько секунд подумала, а потом ответила:

– Он очень неплохо разбирается в шведском законодательстве и методах работы полиции. Ни в чем не признается и жертвует Нидерманом, словно пешкой. Даже не знаю, что мы сможем доказать. Я попросила Эрландера отправить его одежду на экспертизу, чтобы проверить ее на наличие следов пороха, но он, конечно, будет уверять, что два дня назад тренировался на полигоне в стрельбе.

Лисбет Саландер ощущала запахи миндаля и этанола. Казалось, что у нее во рту спирт, и она попробовала сглотнуть, но не смогла шевельнуть языком – тот будто полностью утратил чувствительность. Лисбет пыталась открыть глаза, но не смогла. Откуда-то со стороны, издалека, до нее доносился голос, который, казалось, обращался к ней, но разобрать слова ей не удавалось. Вдруг она услышала этот голос ясно и отчетливо.

– Мне кажется, она просыпается.

Лисбет почувствовала, что кто-то касается ее лба, и попыталась отмахнуться от чужой назойливой руки. Тут она почувствовала острую боль в левом плече и расслабила мышцы.

– Вы меня слышите?

Отстань.

– Вы можете открыть глаза?

Что это за кретин до меня докопался?

Наконец Лисбет приоткрыла глаза.

Сначала она увидела только отдельные световые точки, а потом в поле ее зрения возникла некая фигура. Она попыталась сосредоточить взгляд, но фигура куда-то уплывала. Лисбет казалось, что у нее сильное похмелье и что кровать вот-вот перевернется.

– Пшл, – произнесла она.

– Что вы сказали?

– Кртн, – сказала она.

– Отлично. Не могли бы вы снова открыть глаза?

Саландер слегка приоткрыла глаза и сквозь ресницы увидела незнакомое лицо. Теперь она могла разглядеть каждую деталь: над ней склонился светловолосый мужчина с ярко-голубыми глазами и резкими чертами лица.

– Привет. Меня зовут Андерс Юнассон. Я доктор. Вы находитесь в больнице. Вы получили серьезные травмы и сейчас проснулись после операции. Вы можете назвать свое имя?

– Пшландр, – сказала Лисбет Саландер.

– Хорошо. Я попрошу вас оказать мне одну услугу. Посчитайте до десяти.

– Раз, два, четыре... нет... три, четыре, пять, шесть...

И она снова отключилась.

Доктор Андерс Юнассон остался доволен ее ответами. Она назвала свою фамилию и смогла считать. Это явный признак того, что ее ментальные способности не утрачены и что она не проснется овощем. Он записал время пробуждения – 21.06, примерно через шестнадцать часов после завершения операции. Андерс Юнассон проспал большую часть дня и вернулся в Сальгренскую больницу около семи вечера. Вообще-то сейчас была не его смена, но у него накопилась масса неотложной бумажной работы.

И все же он не удержался и зашел в реанимацию, чтобы взглянуть на пациентку, которой ранним утром сделал операцию на мозге.

– Дайте ей еще немного поспать, но внимательно следите за кардиограммой. Есть риск того, что в мозгу может образоваться отек. Похоже, у нее возникла острая боль в плече, когда она попыталась двинуть рукой. Если она проснется, давайте ей по два миллиграмма морфина в час.

Покидая больницу через главный вход, врач почувствовал себя бодрым и счастливым.

Лисбет Саландер вновь проснулась, когда стрелки часов приближались к двум часам ночи. Она медленно открыла глаза и увидела луч света на потолке. Через несколько минут девушка повернула голову и поняла, что ее шею украшает фиксирующий воротник. Голова гудела, а при попытке поменять положение корпуса Лисбет ощутила резкую боль в плече и снова закрыла глаза.

«Больница, – подумала она. – Интересно, что я тут делаю?»

Лисбет почувствовала страшную слабость. Сначала ей было трудно сосредоточиться, но затем она начала вспоминать какие-то фрагменты...

Когда она вспомнила, как выбиралась из могилы, ее на несколько секунд охватила паника. Она стиснула зубы и стала усердно дышать. Жива... Правда, она не знала, радоваться этому или печалиться.

Лисбет не могла вспомнить события в их последовательности, но какие-то отдельные сцены мелькали перед глазами... Сарай, она в бешенстве замахнулась топором и рассекла лицо своему отцу, Залаченко... Она не знала, жив он или мертв.

Лисбет никак не могла вспомнить, что же случилось с Нидерманом. Вроде бы она удивилась, что он со всех ног бросился бежать, а почему – так и осталось для нее загадкой.

Вдруг она вспомнила, что видела этого Чертова Калле Блумквиста. Лисбет усомнилась, не привиделось ли ей все это, но она помнила кухню – наверное, это была кухня в Госсеберге – и вроде как видела, как он к ней приближается...

«Должно быть, у меня были галлюцинации», – решила она.

Казалось, что события в Госсеберге происходили давным-давно или вообще привиделись ей в каком-то дурацком сне. Лисбет вернулась к настоящему времени.

Она ранена, в этом нет никаких сомнений. Девушка подняла правую руку и пощупала голову – та была полностью забинтована. Вдруг Лисбет вспомнила. Нидерман. Залаченко. У старого ублюдка тоже оказался пистолет – «браунинг» калибра 0.22. По сравнению с другими видами огнестрельного оружия он более или менее не страшен, поэтому она и осталась жива.

«Мне прострелили голову, – вспомнила Лисбет. – Я могла засунуть в дырку палец и дотронуться до своего мозга».

Теперь она удивлялась тому, что осталась жива, но, странное дело, ее это почти не волновало – ей было все равно. Если смерть и есть та черная пустота, из которой она только что вынырнула, то волноваться не о чем. Особой разницы нет.

После этих эзотерических размышлений Лисбет закрыла глаза и снова провалилась в сон.

Она дремала всего несколько минут, а потом услышала движение и приоткрыла глаза. Над нею склонилась медсестра в белом халате, и Лисбет снова закрыла глаза, притворяясь спящей.

– Кажется, вы не спите, – сказала сестра.

– Ммм, – произнесла Лисбет Саландер.

– Привет, меня зовут Марианн. Вы понимаете, что я говорю?

Лисбет попыталась кивнуть, но обнаружила, что ее голова четко зафиксирована воротником.

– Нет, не пытайтесь шевелиться. Не бойтесь. Вы были ранены, но вас уже прооперировали.

– Можно воды?

Марианн дала ей попить через трубочку. Пока Лисбет поглощала воду, она заметила, что с правой стороны от нее возник еще один силуэт.

– Здравствуйте, Лисбет. Вы меня слышите?

– Ммм, – ответила Саландер.

– Я доктор Хелена Эндрин. Вы знаете, где вы находитесь?

– Больница.

– Вы в Сальгренской больнице Гётеборга. Вас прооперировали, и сейчас вы находитесь в реанимации.

– Мм.

– Вам нечего бояться.

– Мне прострелили голову.

Доктор Эндрин сделала краткую паузу.

– Правильно. Вы помните, что произошло?

– У старого мерзавца был пистолет.

– Именно так.

– Двадцать второго калибра.

– Вот как? Я этого не знала.

– Насколько серьезно меня ранили?

– Прогнозы вполне оптимистичные. Вы поступили в тяжелом состоянии, но мы считаем, что у вас хорошие шансы полностью выздороветь.

Лисбет оценивала полученную информацию. Сосредоточив взгляд на докторе Эндрин, она отметила, что изображение расплывается.

– А что произошло с Залаченко?

– С кем?

– Со старым мерзавцем. Он жив?

– Вы имеете в виду Карла Акселя Бодина?

– Нет. Я имею в виду Александра Залаченко. Это его настоящее имя.

– Мне об этом ничего не известно. Но пожилой мужчина, поступивший одновременно с вами, получил тяжелые травмы. Впрочем, его жизнь вне опасности.

Сердце Лисбет дрогнуло. Она обдумывала то, что сказал врач.

– Где он?

– В соседней палате. Но вам сейчас незачем о нем беспокоиться. Лучше сосредоточиться на том, чтобы поправиться.

Лисбет закрыла глаза. На секунду она даже подумала о том, чтобы встать с кровати, найти подходящее оружие и добить этого мерзавца, но затем отбросила эти мысли. Она даже веки поднимает с трудом. Значит, она так и не убила Залаченко... Он опять избежал наказания...

– Я хочу вас осмотреть. Потом можете поспать, – сказала доктор Эндрин.

Когда Микаэль Блумквист проснулся, ему показалось, что он проспал целую вечность.

Нескольких секунд он не мог понять, где находится, пока не вспомнил, что снял номер в «Сити-отеле». В комнате было темно, как в подземелье. Журналист включил бра и взглянул на часы: три часа ночи. Он спал пятнадцать часов подряд.

Микаэль вылез из постели и отправился в туалет, потом задумался. Наконец он понял, что больше не уснет, и решил принять душ, затем надел джинсы и водолазку цвета красного вина, которой явно требовалась стирка. Он вдруг почувствовал, что страшно проголодался, и позвонил в лобби – узнать, нельзя ли, несмотря на неурочный час, заказать кофе с бутербродами. Оказалось, что можно.

Надев мокасины и пиджак, Блумквист спустился вниз, к портье, купил кофе и завернутый в полиэтиленовую пленку бутерброд – ржаную лепешку с сыром и паштетом, – и вернулся обратно в номер. Не переставая жевать, он включил свой ноутбук, вошел в Интернет и открыл сайт газеты «Афтонбладет»¹¹.

Главная новость оказалась вполне ожидаемой – схватили Лисбет Саландер. Впрочем, несмотря на некоторый налет сенсационности, новость все-таки препарировалась весьма деликатно. За убийство полицейского разыскивался тридцатисемилетний Рональд Нидерман, и полиции не терпелось допросить его и в связи с убийствами в Стокгольме. О статусе Лисбет Саландер полиция пока никак не высказалась, а имя Залаченко вообще не упоминалось. Его называли исключительно шестидесятипятилетним владельцем усадьбы в Госсеберге, и СМИ все еще придерживались версии, согласно которой он оказался жертвой.

Проглотив все эти новости, Микаэль включил мобильный телефон. Оказалось, что за это время он получил двадцать новых сообщений. Три из них призывали позвонить Эрике Бергер. Два оказались от Анники Джаннини. Четырнадцать поступило от репортеров различных газет, и одно – от Кристера Мальма, который высказался афористически кратко:

«Будет лучше, если ты вернешься первым же поездом».

Микаэль напрягся – стилистика, нетипичная для Кристера Мальма, который отправил эсэмэску накануне, в семь вечера. Микаэлю захотелось кому-нибудь позвонить, но он вовремя вспомнил, что сейчас три часа ночи, и удержался. Вместо этого посмотрел в Интернете расписание поездов. Первый поезд в Стокгольм отправлялся в 05.20.

Блумквист открыл новый документ в «Ворде», закурил и три минуты посидел, уставившись в пустой экран компьютера. В конце концов он начал набирать текст:

Ее зовут Лисбет Саландер, и вся Швеция узнала о ней из пресс-конференций полиции и заголовков вечерних газет. Ей 27 лет, ее рост составляет 150 сантиметров. Ее описывали как психопатку, убийцу и лесбиянку-сатанистку. Небылицы и клевета, которые распространяли о ней пресса и полиция, не знали границ. В своем последнем номере «Миллениум» опубликует историю о том, как чиновники организовали заговор против Лисбет Саландер ради того, чтобы защитить патологического садиста и убийцу.

Микаэль набирал текст без спешки и почти не вносил исправлений в первый вариант. Так, не отрываясь от текста, он поработал пятьдесят минут, и за это время набрал две с лиш-

¹¹ Популярная ежедневная вечерняя шведская газета.

ним страницы, на которых в основном излагал события той ночи, когда он обнаружил тела Дага Свенссона и Миа Бергман, и пытался объяснить, почему полиция избрала Лисбет Саландер на роль предполагаемого убийцы. Он цитировал заголовки вечерних газет о лесбиянках-сатанистках. Авторы многих статей откровенно намекали на то, что убийства связаны с пикантными подробностями нетрадиционного секса.

Наконец Микаэль бросил взгляд на часы, поспешно закрыл ноутбук, упаковал вещи в сумку, спустился в лобби и попросил счет за номер. Расплатившись кредиткой, он взял такси и поехал на центральный вокзал Гётеборга.

В поезде Блумквист сразу же отправился в вагон-ресторан и заказал кофе и бутерброд. Затем снова загрузил ноутбук и прочитал текст, который успел написать рано утром в гостинице. Он настолько увлекся изложением истории Залаченко, что не заметил инспектора уголовной полиции Соню Мудиг, пока та не кашлянула и не спросила, можно ли ей составить ему компанию. Микаэль поднял взгляд и закрыл ноутбук.

– Домой? – спросила Мудиг.

Блумквист кивнул.

– Вы, видимо, тоже.

Она кивнула в ответ.

– Мой коллега останется в городе еще на сутки.

– Вы что-нибудь слышали о состоянии Лисбет Саландер? Я все это время проспал.

– Она очнулась только вчера вечером; врачи полагают, что она выкарабкается и полностью поправится. Ей просто невероятно повезло.

Микаэль кивнул. До него вдруг дошло, что он и не беспокоился за нее – просто не сомневался в удачном исходе. Все остальные варианты он даже не принимал в расчет.

– Неужели произошло еще что-нибудь интересное? – спросил он.

Соня Мудиг с сомнением посмотрела на него. Она словно прикидывала, какую информацию можно доверить репортеру, который фактически знает об этой истории больше, чем она сама. С другой стороны, она первая под села к нему за стол, да и, вероятно, более сотни репортеров уже успели разнюхать, чем занимается полиция.

– Я бы не хотела, чтобы меня цитировали, – сказала она.

– Я спрашиваю исключительно из любопытства.

Соня кивнула. По ее словам, полиция охотится за Рональдом Нидерманом по всей стране и, в частности, в районе Мальмё.

– А Залаченко? Вы его допросили?

– Да.

– И?..

– Это чисто служебная информация, которую я не имею права разглашать.

– Перестаньте, Соня. Мне станет известно все, о чем вы с ним разговаривали, примерно через час после того, как я доберусь до редакции в Стокгольме. К тому же я не намерен использовать в своей работе ни слова из того, что вы мне расскажете.

Мудиг долго колебалась, потом посмотрела ему в глаза.

– Он подал в полицию заявление на Лисбет Саландер за то, что она якобы пыталась его убить. Возможно, ее арестуют за насильственные действия или за попытку убийства.

– А она, скорее всего, будет апеллировать к праву на необходимую оборону.

– Очень на это надеюсь, – произнесла Соня.

Микаэль пристально взглянул на нее.

– Очень непривычно слышать это от полицейского, – сказал он.

– Бодин... Залаченко скользкий, как угорь, и за словом в карман не полезет. Он всегда найдет, что сказать в свое оправдание. Я не сомневаюсь в том, что все обстоит так, как вы

рассказывали нам вчера. Это означает, что Саландер неоднократно становилась жертвой противоправных действий с тех пор, как ей исполнилось двенадцать.

Микаэль кивнул.

– Эту историю я и собираюсь опубликовать, – сказал он.

– Возможно, что не все смогут разделить вашу точку зрения...

Соня сделала паузу. Микаэль ждал.

– Полчаса назад я говорила с Бублански. Я узнала от него не так много, но, похоже, предварительное следствие по обвинению Саландер в убийстве ваших друзей закрыто. Теперь в фокусе внимания Нидерман.

– И это означает, что...

Блумквист не договорил. Его вопрос так и повис в воздухе. Соня Мудиг пожала плечами.

– Но кто же будет заниматься расследованием дела Саландер?

– Этого я не знаю. То, что произошло в Госсеберге, находится прежде всего в компетенции Гётеборга. Но я думаю, что прежде чем выдвинуть обвинение, кому-нибудь в Стокгольме поручат собрать воедино весь материал.

– Понимаю. Давайте поспорим, что СЭПО возьмет расследование под свой контроль?

Мудиг покачала головой.

Когда поезд уже приближался к Алингсосу, Микаэль подался к своей собеседнице.

– Соня... Мне кажется, вы понимаете, чем все это чревато. Если история Залаченко будет предана огласке, разразится грандиозный скандал. Сотрудники СЭПО в свое время вступили в сговор с психиатром, чтобы упечь Лисбет Саландер в психушку. Им остается только упорно настаивать на том, что она действительно психопатка и что ее не зря принудительно поместили в лечебницу в девяносто первом году.

Мудиг кивнула.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы разрушить их планы, – продолжал Микаэль. – Лисбет Саландер так же нормальна, как и мы с вами. Своеобразна – это да, не без этого, однако ее интеллектуальные способности не вызывают никаких сомнений.

Соня снова кивнула. Блумквист сделал паузу, чтобы она усвоила то, что он сказал.

– Мне потребуется помощь – кого-нибудь, на кого я смогу полагаться, – сказал он.

Она посмотрела ему в глаза и покачала головой:

– Не в моей компетенции определять, страдает ли Лисбет Саландер психическим недугом.

– Да, но в вашей компетенции решать, подвергалась ли она противоправным действиям или нет.

– И что вы предлагаете?

– Я не прошу, чтобы вы закладывали своих коллег. Я прошу, чтобы вы снабжали меня информацией, если обнаружите, что Лисбет снова грозит опасность стать жертвой противоправных действий.

Соня Мудиг молчала.

– Я не прошу, чтобы вы сообщали мне технические детали следственных действий или что-то в этом роде. Все на ваше усмотрение. Но я хотел бы знать, на какой стадии находится судебное преследование Лисбет Саландер.

– Меня могут запросто уволить с работы.

– Вы – мой источник. Я ни за что вас не выдам и не причиню вам хлопот. – Блумквист достал блокнот и написал адрес электронной почты. – Это мой анонимный почтовый ящик. Если захотите что-нибудь сообщить мне, можете им воспользоваться. Только не пишите со своего обычного официального адреса. Создайте собственный временный аккаунт на «Хотмейле».

Соня Мудиг взяла листок и положила во внутренний карман пиджака. Она ничего ему не обещала.

Субботним утром в семь часов инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер был разбужен телефонным звонком. До него доносились голоса из телевизора, с кухни долетал запах кофе – жена уже хлопотала по дому. Инспектор добрался до своей квартиры в городке Мёльндаль только к часу ночи и проспал всего часов пять, а перед тем провел на ногах почти двадцать два часа. Так что, протягивая руку к телефону, он чувствовал себя разбитым.

– Мортенссон, патрульная служба, ночное дежурство. Ты уже успел проснуться?

– Нет, – ответил Эрландер. – Я только недавно заснул. Что стряслось?

– Есть новости. Нашли Аниту Касперссон.

– Где?

– На подъезде к селению Сеглора, к югу от Буроса.

Эрландер визуализировал в своем воображении карту.

– Значит, он отправляется на юг, – сказал он. – Выбирает обходные пути. Должно быть, проехал по шоссе сто восемьдесят над Буросом и свернул на юг... А мы сообщили в Мальмё?

– Да, и в Хельсингборг, и в Ландскруну, и в Треллеборг. И в Карлскруну. Я имею в виду паром на восток.

Эрландер встал, озабоченно потирая шею.

– У него теперь почти сутки форы. Он мог уже уехать из страны. А как нашлась Касперссон?

– Она постучалась в дверь виллы на въезде в Сеглору.

– Не понял...

– Она постучалась...

– Я слышал. Ты хочешь сказать, что она жива?

– Извини. Я устал и выражаюсь не совсем четко. Анита Касперссон дотащила до Сеглоры сегодня ночью, в три часа десять минут и начала колотить ногами в дверь дома. Семья, которая спала, перепугалась не на шутку. Она была босая, продрогшая, со связанными за спиной руками. Сейчас она находится в больнице в Буросе, к ней уже приехал муж.

– Черт побери! Просто мы все исходили из того, что она уже на том свете.

– Сюрприз...

– Позитивный сюрприз.

– А теперь наступило время для неприятных сюрпризов. Здесь уже с пяти утра находится заместитель начальника регионального управления Моника Спонгберг. Она распорядилась, чтобы ты поскорее просыпался и ехал в Бурос допрашивать Аниту Касперссон.

Микаэль решил, что в субботнее утро в редакции «Миллениума» никого нет. Когда поезд Х2000 уже миновал мост Орстабрун и приближался к Стокгольму, он позвонил Кристеру Мальму.

– С какой стати ты послал мне такой панический сигнал?

– А ты уже позавтракал? – поинтересовался Кристер.

– В поезде.

– О'кей. Приезжай ко мне домой, и я спроворю что-нибудь более серьезное.

– А вообще, о чем речь?

– Расскажу лично.

Микаэль доехал на метро до станции «Медборгарплатсен» и прогулялся до улицы Алльхельгонгатан. Дверь ему открыл друг Кристера Арнольд Магнуссон.

Последний начинал свою карьеру в Королевском драматическом театре и стал одним из самых популярных актеров Швеции. При встрече с ним в реальной жизни Микаэль всякий раз смущался – ему никак не удавалось отделаться от ощущения, что он смотрит на какую-то рекламную афишу. Обычно Блумквиста никогда не впечатляли знаменитости, но Арнольд

Магнуссон обладал характерной внешностью и ассоциировался с некоторыми персонажами из фильмов и телесериалов. Особенно с горячим, но справедливым комиссаром уголовной полиции Гуннаром Фриском из суперпопулярного сериала. Микаэлю казалось, что и Арнольд, и Гуннар Фриск следуют одному и тому же стереотипу поведения.

– Привет, Микке, – сказал Арнольд.

– Привет.

– Пошли на кухню.

Арнольд впустил его в квартиру.

Кристер Мальм поставил на стол только что испеченные вафли, варенье из морошки и свежесваренный кофе. Не успел Микаэль сесть, как у него уже потекли слюнки, и он сразу накинулся на вафли. Мальм стал расспрашивать о событиях в Госсейберге, и Микаэль пересказал основные детали. Только приступая к третьей вафле, он собрался с духом и спросил, что же именно произошло.

– Пока ты находился в Гётеборге, у нас в «Миллениуме» возникла небольшая проблема, – сказал Кристер.

Блумквист поднял брови.

– Какая?

– Ничего особенного. Просто Эрика Бергер стала главным редактором «Свенска моргонпостен». Вчера был ее последний день в «Миллениуме».

Микаэль так и не донес вафлю до рта. Ему понадобилось некоторое время, чтобы оценить масштаб новости.

– Почему она ничего не сказала раньше? – наконец спросил он.

– Потому что хотела сообщить тебе об этом первому, а ты оказался вне досягаемости и в течение нескольких недель был совершенно недоступен. Она наверняка считала, что у тебя и без того полно проблем с делом Саландер. А поскольку ей хотелось рассказать тебе первому, она, естественно, ничего не говорила и всем нам, а время шло и шло... Так что постепенно ее начинала мучить совесть, и в конце концов ей уже просто стало невмоготу. А мы ничего не замечали.

Микаэль закрыл глаза.

– Черт возьми, – сказал он.

– Вот именно. А теперь все получилось наоборот – ты узнал об этом последним из всей редакции... Мне захотелось рассказать тебе об этом, чтобы ты понял, как обстояло дело, и не подумал, что кто-то действовал за твоей спиной.

– А я так и не думаю. Но, боже мой... Здорово, конечно, что она получила эту должность, если ей так хотелось работать в «Свенска моргонпостен»... Но нам-то, черт возьми, что теперь делать?

– Начиная со следующего номера мы поручаем Малин исполнять обязанности главного редактора.

– Малин?

– Если, конечно, ты не хочешь быть главным редактором...

– Нет, я пока еще не совсем офонарел.

– Я почему-то так и думал. Стало быть, главным редактором будет Малин.

– А кто будет ответственным секретарем?

– Хенри Кортес. Он уже проработал у нас четыре года, так что ему уже пора бы покинуть курсы начинающих журналистов.

Микаэль обдумывал эти новости.

– А от моего мнения уже ничего не зависит? – наконец поинтересовался он.

– Почти ничего, – сказал Кристер.

Блумквист сухо усмехнулся.

– О'кей. Пусть будет так, как вы решили. Малин – боец, но ей не хватает решимости, а Хенри частенько порет горячку. Нам придется не спускать с них глаз.

– Ну, мы и не будем спускать.

Микаэль сидел, молча думая о том, как им будет не хватать Эрики. Будущее журнала представлялось ему весьма туманным.

– Мне надо позвонить Эрике и...

– Думаю, не стоит.

– Как это?

– Она спит в редакции. Можешь пойти и разбудить ее.

Микаэль обнаружил Эрику Бергер на раздвижном диване в ее собственном кабинете. Она спала сном младенца. Всю ночь Эрика опустошала ящики письменного стола и книжные полки, собирая свои личные вещи и бумаги, которые ей хотелось сохранить; в итоге получилось пять больших коробок. Микаэль долго смотрел на Эрику из дверей, а потом вошел, сел на край дивана и разбудил ее.

– Какого черта ты не пошла спать ко мне домой, раз уж не успевала вернуться домой? – спросил он.

– Привет, Микаэль, – сказала Эрика.

– Кристер мне все рассказал.

Она уже начала что-то говорить, но Блумквист наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Ты сердишься?

– Я просто взбешен, – сухо сказал он.

– Прости меня. Я просто не смогла отказаться от такого предложения. Но сейчас мне кажется, что я поступаю неблагородно и бросаю «Миллениум» в самый неподходящий момент, как раз когда надо выпутываться из крайне тяжелой ситуации.

– Я не чувствую себя вправе упрекать тебя в том, что ты бежишь с корабля. Ведь два года назад я и сам ушел отсюда, оставив тебя одну в еще более сложной ситуации, чем сейчас.

– Это разные вещи. Ты взял тайм-аут. А я уйду насовсем, да еще и скрывала это... Прости меня, мне ужасно жаль.

Микаэль помолчал, а потом улыбнулся.

– Ничего не попишешь. Значит, пришло время. *A woman's gotta do what a woman's gotta do and all that crap*¹².

Эрика улыбнулась. Она говорила ему то же самое, когда он уезжал в Хедебю. Блумквист протянул руку и по-дружески потрепал ее по волосам.

– То, что ты хочешь уйти из нашего психодрома, я могу понять. Но мне потребуется некоторое время, чтобы смириться с тем, что тебе захотелось возглавить самую чопорную газету Швеции, предназначенную для твердолобых консерваторов.

– Кстати, там работает довольно много барышень.

– Да ты только взгляни на первую полосу. Там же все *anno dazumal*¹³. Вот уж не думал, что ты чокнутая мазохистка... Может, пойдем глотнем кофе?

Эрика села.

– Я должна узнать, что же все-таки произошло ночью в Гётеборге.

– Я уже начал писать свой опус на эту тему, – сказал Микаэль. – Когда мы его опубликуем, это будет настоящая сенсация.

– Не мы. Теперь уже вы.

¹² Женщина должна делать то, что должна, и прочая фигня (англ.).

¹³ С незапамятных времен (нем.).

– Знаю. Мы опубликуем его накануне судебного процесса. Надеюсь, ты не собираешься забрать этот материал с собой в «Свенска моргонпостен»? На самом деле мне бы хотелось, чтобы ты написала кое-что об истории Залаченко, пока еще в «Миллениуме».

– Микке, я...

– Я понимаю. Это будет прощальная колонка главного редактора. Можешь написать ее, когда появится вдохновение. Конечно, мы ее не опубликуем до суда, когда бы его ни назначили.

– По-моему, это не слишком удачная идея. Но о чем я должна, по-твоему, написать?

– О морали, – сказал Микаэль. – Это будет эпопея о том, как одного из наших сотрудников убили только потому, что государство проигнорировало свои обязанности пятнадцать лет назад.

Блумквист мог больше ничего не объяснять. Эрика Бергер уже точно знала, что он имеет в виду. Она призадумалась: ведь когда убили Дага Свенссона, она стояла у руля корабля.

А ведь Микаэль прав – она действительно должна написать статью.

– О'кей, – сказала Эрика. – Последнюю колонку главного редактора.

Глава 4

Суббота, 9 апреля – воскресенье, 10 апреля

К часу дня в субботу прокурор Мартина Франссон из Сёдертелье уже приняла решение. События на лесном кладбище под Нюкварном принимали очень серьезный оборот. Начиная со среды, когда Паоло Роберто провел там, на складе, боксерский матч с Рональдом Нидерманом, сотрудники уголовного отдела много часов подряд трудились сверхурочно.

Пришлось расследовать как минимум три убийства, жертвы которых были захоронены в окрестностях Нюкварна, одно похищение и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью подруги Лисбет Саландер – Мириам Ву. Да еще и поджог. К эпизоду в Нюкварне примыкал и инцидент в Сталлархольме. Вообще-то им занимались полицейские округа Стренгнес, лена Сёдерманланд, но ключевым персонажем там был Карл Магнус Лундин из «Свавельшё МК». Лундин и сейчас находился в больнице, в Сёдертелье, – с загипсованной ногой и стальным штырем в челюсти. В целом же всеми убийствами занималась полиция лена, а значит, последнее слово останется за столицей.

В пятницу решался вопрос о процедуре задержаний. Лундин непосредственно причастен к событиям в Нюкварне. В конце концов выяснилось, что склад принадлежит компании «Медимпорт», которой в свою очередь владеет Аннели Карлссон, пятидесяти двух лет, проживающая в Пуэрто-Банус, в Испании. Она доводилась кузиной Магге Лундину, ни к каким преступлениям не была причастна и в данном случае скорее всего просто выполняла роль ширмы.

Мартина Франссон захлопнула папку с материалами предварительного следствия. Дело все еще находилось на начальной стадии, и, чтобы передать его в суд, требовалось заполнить еще несколько сотен страниц. Но некоторые вопросы требовали своего немедленного разрешения. Мартина Франссон взглянула на коллег из полиции.

– У нас хватает доказательств, чтобы возбудить дело против Лундина за участие в похищении Мириам Ву. Паоло Роберто подтвердил, что именно Лундин сидел за рулем фургона. Я также намерена задержать его как вполне вероятного участника поджога. С обвинением в убийстве трех человек, раскопанных на этом участке, мы пока подождем – до тех пор, по крайней мере, пока все останки не будут идентифицированы.

Полицейские кивали. Они и не сомневались, что она примет именно такое решение.

– А как мы поступим с Сонни Ниеминеном?

Мартина Франссон листала досье Ниеминена, которое лежало у нее на столе.

– У него вполне впечатляющий послужной список. Грабежи, незаконное ношение оружия, драки, причинение тяжкого вреда здоровью, убийства, наркобизнес... Его задержали вместе с Лундином недалеко от Сталлархольма. Я ни капли не сомневаюсь в том, что он замешан, – иначе просто быть не может. Но проблема заключается в том, что у нас нет против него никаких улик.

– Он утверждает, что никогда не бывал на складе в Нюкварне и что просто поехал с Лундином покататься на мотоциклах, – сказал инспектор из Сёдертелье, занимавшийся Сталлархольмом. – Он утверждает, что понятия не имел, зачем Лундин туда поехал.

Мартина Франссон теперь размышляла: не удастся ли ей как-нибудь навязать это дело столичному прокурору Рикарду Экстрёму?

– Ниеминен отказывается рассказывать, что произошло, но категорически отрицает свою причастность к преступлению, – продолжал инспектор по уголовным делам.

– Выглядит так, будто они с Лундином стали в Сталлархольме невинными жертвами, – сказала Мартина Франссон, раздраженно постукивая пальцами по столу. – А Лисбет Саландер? – произнесла она неуверенно. – Ведь речь идет о девушке, с виду похожей на подростка,

ростом сто пятьдесят сантиметров. Вряд ли ей хватило бы физических сил, чтобы справиться с Ниеминеном и Лундином.

– Если только она не была вооружена. Пистолет может отчасти компенсировать ее скромные физические данные.

– Но это не совсем соответствует картине случившегося.

– Вот именно. Она использовала слезоточивый газ и ударила Лундина ногой в пах и в лицо – и с таким остервенением, что раздробила ему яичко, а потом и челюсть. Выстрел в стопу, вероятно, последовал уже после избиения. Но почему-то мне не верится, что пистолет принадлежал ей.

– Лаборатория судебной экспертизы идентифицировала оружие, из которого стреляли в Лундина. Польский пистолет «Пи-восемьдесят три ванад» с патронами от «макарова». Его обнаружили в Госсеберге под Гётеборгом, на нем остались отпечатки пальцев Лисбет Саландер. Мы почти со стопроцентной уверенностью можем предположить, что она привезла его с собой в Госсебергу.

– Все верно. Но номер серии показывает, что пистолет четыре года назад похитили во время ограбления оружейного магазина в Эребру. Грабителей потом задержали, но от оружия они успели отделаться. Среди них была одна местная знаменитость, он баловался наркотиками и вращался в кругах, близких к «Свавельшё МК». Мне все-таки хотелось бы верить, что этот пистолет принадлежал либо Лундину, либо Ниеминену.

– Возможно, пистолет находился у Лундина, а Саландер решила его разоружить, выстрелила и попала ему в ступню. Я имею в виду, что она в любом случае не собиралась его убивать. Он ведь жив.

– Или прострелила ему ногу из садистских побуждений, как знать... Но каким образом она справилась с Ниеминеном? У него же нет видимых повреждений.

– На самом деле, есть. У него два маленьких ожога на груди.

– Как они появились?

– Скорее всего, благодаря электрошокеру.

– Значит, Саландер имела при себе электрошокер, баллон со слезоточивым газом и еще пистолет? На сколько же все это потянет... Нет, я почти убеждена в том, что оружие привез с собой Лундин или Ниеминен, а она просто его отобрала. При каких именно обстоятельствах ранили Лундина, мы не сможем до конца прояснить, пока когда кто-нибудь из участников инцидента не заговорит.

– О'кей.

– Стало быть, мы задерживаем Лундина, – на тех основаниях, которые я уже перечислила. И напротив, на Ниеминена у нас ничего нет. Поэтому я и намереваюсь после обеда отпустить его восвояси.

Сонни Ниеминен покидал следственный изолятор полицейского управления в Сёдерте-лье в мерзком настроении. У него пересохло в горле, и он первым делом заглянул в табачную лавку, купил бутылку «Пепси» и на ходу опрокинул ее в себя прямо из горла. Потом купил еще пачку сигарет «Лаки страйк» и коробку жевательного табака. Включил мобильный телефон, убедился, что тот заряжен, и набрал номер тридцатитрехлетнего Ханса-Оке Валтари, являвшегося *sergeant at arms*¹⁴ в клубе «Свавельшё МК» и, соответственно, третьим лицом по ранжиру. Валтари ответил после четырех гудков.

– Это я, Ниеминен. Я на свободе.

– Поздравляю.

– А ты где?

¹⁴ Лицо, ответственное за проведение силовых акций клуба, его «главный оружейник» (англ.).

– В Нючёпинге.

– Какого черта ты там делаешь?

– Когда вас с Магге схватили, мы решили залечь на дно и глянуть, как ляжет фишка.

– Ну, теперь ты знаешь, как она легла. А где все остальные?

Ханс-Оке Валтари объяснил, где находятся остальные пять членов «Свавельшё МК». Эта информация несколько не порадовала Сонни Ниеминена.

– А кто же, блин, занимается делами, пока вы все попрятались, как бабы?

– Ты несправедлив. Вы с Магге отправляетесь на какие-то разборки, о которых нам ничего не известно. И ни с того ни с сего вдруг ввязываетесь в перестрелку с этой сукой, объявленной в розыск. В итоге Магге подстрелили, а тебя схватила полиция. И вдобавок полицейские откапывают трупы на нашем складе в Нюкварне.

– И что с того?

– Мы подумали, что вы с Магге от нас что-то скрывали.

– Интересно, что же мы могли от вас скрывать? Ведь мы же добываем заказы для фирмы.

– Но я ни разу не слышал о том, что склад является еще и лесным кладбищем. Откуда там взялись мертвецы?

Сонни Ниеминену захотелось послать его подальше, но он сдержался. Ханс-Оке Валтари, конечно, ублюдок, но сейчас ситуация отнюдь не располагала к тому, чтобы затевать ссору. Нынче требовалось единство. После того как Ниеминен все отрицал на пяти полицейских допросах, было бы просто идиотизмом разглашать свою причастность по мобильнику, находясь при этом в двухстах метрах от здания полиции.

– Забудь о мертвецах, – сказал он. – Мне об этом ничего не известно. Но Магге все-таки влип. Он еще какое-то время посидит за решеткой, а в его отсутствие я возьму командование на себя.

– О'кей. Что будем делать? – спросил Валтари.

– Так... Кто приглядывает за собственностью, если вы все попрятались по подвалам?

– Бенни Карлссон, он остался и держит позиции. В тот самый день, когда вас арестовали, полиция проводила в доме обыск. Они ничего не нашли.

– Бенни К.! – воскликнул Ниеминен. – Бенни К. – новобранец, и он еще сопляк сопляком.

– Да не волнуйся ты так. Ему помогает этот чертов блондин, с которым вы с Магге частенько общаетесь.

Внезапно похолодев, Сонни Ниеминен огляделся и на несколько метров отошел от дверей табачной лавки.

– Что ты сказал, повтори? – Он перешел почти на шепот.

– Блондин, с которым вы с Магге якшаетесь, вдруг объявился у нас и попросил помочь ему с убежищем.

– Черт возьми, Валтари! Его же разыскивают по всей гребаной Швеции за убийство полицейского.

– Да... Поэтому-то ему и потребовалось убежище. А что нам было делать? Он же ваш с Магге приятель.

Сонни Ниеминен на время закрыл глаза. Рональд Нидерман несколько лет снабжал «Свавельшё МК» кое-какой работенкой, приносящей сносный доход. Но никакой он не друг. Он опасный ублюдок и психопат, за которым к тому же гоняется полиция с собаками. Сонни Ниеминен ни на секунду не доверял Рональду Нидерману. А еще лучше, если бы он объявился с пулей в башке, тогда полиция хоть немного от них отстала бы.

– И что вы с ним сделали?

– Бенни К. вызвался позаботиться о нем. Он повез его к Виктору.

Кассир и финансовый эксперт клуба Виктор Йоранссон жил неподалеку от города Йерна. Йоранссон закончил экономическую гимназию и, когда начинал свою карьеру, работал финан-

совым консультантом у одного югославского мафиозо – владельца кабаков, пока всю банду не посадили за экономические преступления. Магге Лундин повстречался с ним в Кумле, в тюрьме, в начале 1990-х годов. Йоранссон – единственный в клубе «Свавельшё МК», кто ходил в цивильном шмотье.

– Валтари, садись в машину и приезжай за мной в Сёдертелье. Я буду ждать тебя возле станции через сорок пять минут.

– Вот как... К чему такая спешка?

– А к тому, что мы должны как можно скорее взять ситуацию под свой контроль.

Всю дорогу до Свавельшё Ханс-Оке Валтари не сводил глаз с Сонни Ниеминена, а тот сидел, словно воды в рот набрал. Общаться с Магге Лундином всегда было гораздо легче, чем с Ниеминеном. Внешне он вполне благообразен и кажется покладистым, но легко заводится и чертовски опасен, особенно когда напьется. Сейчас он абсолютно трезв, но перспектива работать под его началом Валтари нисколько не устраивала. Магге всегда удавалось каким-то образом укротить Ниеминена. И как он поведет себя, когда станет исполняющим обязанности президента клуба, еще неизвестно.

В здании клуба Бенни К. не оказалось. Ниеминен дважды попытался позвонить ему на мобильник, но тщетно.

Они направились к дому Ниеминена, расположенному примерно в километре от клуба. Полиция провела там обыск, но не обнаружила никаких улик, связанных с Нюкварном, да и вообще никаких намеков на криминал. Поэтому Ниеминена и выпустили на свободу.

Он принял душ и переоделся, пока Валтари безропотно ждал его на кухне. Затем они прошли метров сто пятьдесят вглубь леса за хутором Ниеминена и сняли слой земли, скрывавший закопанный там сундук, в котором хранились шесть единиц огнестрельного оружия, и в том числе автомат АК5, а также приличный запас патронов и около двух килограммов взрывчатки. Ниеминен хранил собственный склад боеприпасов. В сундуке, помимо прочего, хранились два польских пистолета марки «Р-83 Ванад», из той же партии, что и отобранный Лисбет Саландер у Ниеминена в Сталлархольме.

Ниеминен старался не думать о Лисбет Саландер – мысли о ней просто бесили его. Пока он сидел в изоляторе в Сёдертелье, у него в голове постоянно прокручивалась сцена – они с Магге Лундином прибывают на дачу Нильса Бьюрмана и обнаруживают во дворе Лисбет Саландер...

Но события начали разворачиваться по какому-то нереальному сценарию. Они поехали вместе с Магге Лундином – с целью поджечь проклятую дачу Бьюрмана. А отправил их туда этот белобрысый подонок. И тут они наткнулись на эту чертову соплюшку – она была одна, ростом полтора метра и худая, как спичка. Ниеминен даже подумал: интересно, сколько же она на самом деле весит. Но потом все их планы пошли наперекосяк и началась стихийная оргия жестокости, которую они с Магге совершенно не ожидали.

С чисто технической точки зрения Сонни мог бы объяснить, что произошло на самом деле. У Саландер имелся баллончик со слезоточивым газом, которым она брызнула в лицо Магге Лундину. Тот, конечно, мог бы это предусмотреть, но уж куда там... Она дважды пнула его ногой, а чтобы свернуть ногой челюсть, особых физических данных не требуется. Она застигла его врасплох. Это понятно.

Но потом она справилась и с ним, с Сонни Ниеминеном – а ведь драться с ним не сразу полезут даже дюжие и хорошо натренированные мужики. Саландер оказалась очень мобильной, она легко и стремительно передвигалась. Он попытался вытащить оружие, но она справилась с ним с такой легкостью, словно прихлопнула комара. Это было унижительно. У нее оказался электрошокер. Она...

Очнувшись, Сонни почти ничего не помнил. Магге Лундин лежал с простреленной ногой, а вокруг было полно полиции. Легавые Стренгнеса и Сёдертелье чуть не переругались между собой; в конце концов его отвезли в изолятор в Сёдертелье. А еще Саландер угнала «Харли-Дэвидсон» Магге Лундина и срезала с его, Сонни, кожаной куртки эмблему «Сва-вельшё МК» – ту самую, благодаря которой люди уступали ему очередь в кабак и которая придавала ему совершенно невероятный для среднестатистического шведа статус. Саландер попросту его унизила.

Внезапно Ниеминена охватило бешенство. Во время допросов в полиции он так и не раскололся, да ему и в голову не пришло бы поделиться с кем-нибудь о том, что случилось в Сталлархольме. До этого момента ему не было до Лисбет Саландер никакого дела. Она была просто второстепенным проектом, которым Магге Лундину поручил заниматься все тот же чертов Нидерман. Но теперь он страстно возненавидел ее – и это удивляло его самого, обычно он сохранял хладнокровие и аналитические способности. Наверняка в будущем ему представится шанс стереть это позорное пятно со своей биографии. Но сперва необходимо навести порядок, ведь Саландер и Нидерман совместными усилиями повергли «Сва-вельшё МК» в хаос и разорение.

Ниеминен достал оба польских пистолета, зарядил их и передал один Валтари.

– У нас есть какой-нибудь план?

– Нам надо поехать и потолковать с Нидерманом. Он сам по себе, а не один из нас. И полиция им еще ни разу не заинтересовалась. Я не знаю, как он себя поведет, когда его схватят, а если он заговорит, то заложит нас всех. Тогда мы и чихнуть не успеем, как нас закроют.

– Ты хочешь сказать, что нам придется...

Ниеминен уже решил, что с Нидерманом нужно покончить, но решил пока не пугать Валтари, пока они не доберутся до места.

– Не знаю. Но его необходимо прощупать. Если он задумал удрать за границу, то мы ему в этом поможем. Но, пока существует риск, что его схватит полиция, он представляет для нас угрозу.

Ниеминен с Валтари въехали во двор усадьбы Виктора Йоранссона неподалеку от Йерна. Опустились сумерки, но света в доме они не увидели. Уже одно это предвещало неприятности. Они немного подождали в машине.

– Может, их нет дома, – предположил Валтари.

– Еще бы. Они с Нидерманом оттопыриваются в кабаке, – сострил Ниеминен и открыл дверь машины.

Входная дверь в дом оказалась не заперта. Ниеминен включил верхний свет, и они обошли все комнаты. Всюду чистота и порядок – вероятно, кошелка, с которой живет Йоранссон, как там ее зовут, отличается аккуратностью.

В подвале, в прачечной, они обнаружили Виктора Йоранссона и его подругу.

Ниеминен наклонился и осмотрел трупы, потом осторожно протянул палец и дотронулся до тела женщины, имени которой не помнил. Она уже успела окоченеть, а значит, они мертвы уже примерно сутки.

Чтобы определить причину смерти, Ниеминену не требовалось заключения патологоанатома. Женщине сломали шею, развернув голову на 180 градусов. Она была полностью одета – в футболку и джинсы – и не имела никаких других повреждений, которые он мог бы разглядеть.

Зато Виктор Йоранссон лежал лишь в трусах. Его забили до смерти. Все тело украшали синяки и кровоподтеки; руки были переломаны и торчали в разные стороны, как перебитые еловые ветки. Было видно, что его избивали долго и жестоко, фактически пытали. А умер он, насколько мог судить Ниеминен, от сильного удара в горло – гортань провалилась глубоко в шею.

Ниеминен встал, поднялся по лестнице из подвала и вышел на улицу. Валтари последовал за ним. Сонни пересек двор, подошел к хлеву, расположенному метрах в пятидесяти от дома, скинул крюк и открыл дверь.

Там стояла темно-синяя машина – «рено» модели 1991 года.

– На какой машине ездил Йоранссон? – спросил Ниеминен.

– На «саабе».

Ниеминен кивнул, вытащил из кармана куртки ключи и отпер дверь в глубине хлева. Ему достаточно было лишь беглого взгляда, чтобы понять, что он опоздал, – двери тяжелого шкафа для хранения оружия были распахнуты.

Лицо Ниеминена искривила гримаса.

– Около восьмисот тысяч крон, – сказал он.

– Что? – спросил Валтари.

– В этом шкафу хранился весь капитал «Свавельшё МК» – около восьмисот тысяч крон. Наши деньги.

Только трое знали, где хранятся деньги клуба «Свавельшё МК», – Виктор Йоранссон, Магге Лундин и Сонни Ниеминен. Они хранились бы тут до тех пор, пока их не вложили бы во что-нибудь или отмыли бы. Значит, их украл Нидерман. Ему понадобились наличные, и он знал, что деньгами занимается Йоранссон. Теперь он пустился в бега.

Ниеминен закрыл дверь и медленно вышел из хлева. Он был погружен в раздумья, пытаясь оценить масштабы катастрофы. Часть доходов «Свавельшё МК» обращена в ценные бумаги, доступ к которым имелся у него самого, и еще часть можно восстановить с помощью Магге Лундина. Но значительная часть капитала была размещена в тех местах, о которых знал лишь Йоранссон, если только он не оставил четкие инструкции Магге Лундину, в чем Ниеминен сомневался – Магге никогда не отличался интересом к экономическим вопросам. По самым приблизительным подсчетам Ниеминена, со смертью Йоранссона клуб «Свавельшё МК» лишился почти шестидесяти процентов своих доходов. Это была практически катастрофа. И самое главное, что для повседневных расходов требовалась наличность.

– Что же нам теперь делать? – спросил Валтари.

– Сейчас мы пойдем и сообщим в полицию о том, что случилось.

– В полицию?

– Да, черт возьми. В доме полно моих «пальчиков». Я хочу, чтобы Йоранссона с его кошелкой обнаружили поскорее, тогда судмедэксперты смогут установить, что они умерли, пока я сидел в изоляторе.

– Ясно.

– Ну, вот и славно. Разыщи-ка мне Бенни К. Мне нужно с ним поговорить... само собой, если он еще жив. А потом мы приступим к поискам Рональда Нидермана. Надо привлечь к этому делу всех до единого наших людей в клубах по всей Скандинавии. Я хочу получить голову этого гада на блюдечке с голубой каемочкой. Он наверняка рассекает на машине Йоранссона. Разузнай ее номера.

В субботу, в два часа дня Лисбет Саландер проснулась от того, что какой-то доктор ее ощупывал.

– Доброе утро, – сказал он. – Меня зовут Бенни Свантессон, я врач. Вам больно?

– Да, – ответила Лисбет Саландер.

– Вам сейчас дадут болеутоляющее. Но сперва я хочу вас осмотреть.

Он сдавливал, ощупывал, пальпировал ее израненное тело. Лисбет рассвирепела еще до того, как он завершил осмотр, но решила, что у нее слишком мало сил и ей лучше промолчать, чем начинать свое пребывание в Сальгренской больнице с конфликта.

– Как мои дела? – спросила она.

– Думаю, все будет в порядке, – ответил врач и что-то записал, потом поднялся. От этой информации ей было ни жарко ни холодно.

Когда он ушел, появилась медсестра, которая помогла Лисбет разобраться с судном, после этого раненая снова заснула.

Александр Залаченко, он же Карл Аксель Бодин, обедал. Он мог есть исключительно жидкую пищу – малейшие движения мускулов лица отзывались адской болью в челюсти и скуле, а о том, чтобы что-то жевать, и мечтать не приходилось. Во время проведенной той ночью операции ему скрепили скулу двумя титановыми винтами.

Но с этой болью он смирился. К ней ему было не привыкать. Ничто не могло сравниться с той болью, которую ему пришлось терпеть – на протяжении многих недель и месяцев подряд – пятнадцать лет назад, после того как он воспламенился, как факел, в машине на Лундагатан. На разных стадиях лечения он прошел через все муки ада.

Теперь врачи решили, что его жизни ничто не угрожает. Но поскольку пациент получил серьезные травмы, и с учетом солидного возраста, его на несколько дней оставили в отделении интенсивной терапии.

В субботу его навестили четыре посетителя.

Около десяти утра явился инспектор Эрландер, но на этот раз он оставил дома эту акулу Соню Мудиг, а вместо нее привел с собой гораздо более симпатичного инспектора уголовной полиции Йеркера Хольмберга. Они задавали примерно те же вопросы о Рональде Нидермане, что и накануне вечером. На этот раз Залаченко как следует продумал линию защиты и не допустил ни единой ошибки. Когда они начали донимать его расспросами о его возможной причастности к траффикингу и другой преступной деятельности, он опять-таки все отрицал. Он – инвалид, вышел на пенсию по болезни и даже не понимает, о чем они толкуют. Залаченко взвалил всю вину на Рональда Нидермана и предлагал свою помощь в том, чтобы вычислить местонахождение сбежавшего убийцы полицейского. К сожалению, на практике он не слишком-то дееспособен. К тому же он даже не представляет, с кем Нидерман контактирует и у кого может скрываться...

Около одиннадцати Залаченко навестил прокурор, который формально уведомил его, что он подозревается в участии в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью или попытке убийства Лисбет Саландер. В ответ Залаченко стал терпеливо объяснять, что жертвой преступления на самом деле является он и что именно Лисбет Саландер пыталась убить его. Прокурор предложил правовую помощь – ему могут предоставить государственного защитника. Залаченко согласился подумать.

Правда, он не собирался ничего обдумывать. У него уже имелся адвокат, и не далее как утром Залаченко первым делом позвонил ему и попросил немедленно приехать. Так что третьим посетителем у его больничной койки оказался Мартин Тумассон. Он вошел неторопливо, с беззаботным видом пригладил рукой копну светлых волос, поправил очки и поздоровался за руку со своим клиентом. Тумассон был полноват, но выглядел очень респектабельно. Его, правда, подозревали в сотрудничестве с югославской мафией и следствие по этому поводу еще не завершилось, но в то же время он имел репутацию успешного адвоката.

Залаченко узнал о Тумассоне пять лет назад, о его услугах ему рассказал знакомый бизнесмен. Тогда ему потребовалось реструктурировать некоторые фонды, связанные с принадлежащей ему небольшой финансовой компанией в Лихтенштейне. Речь шла о весьма скромных суммах, но Тумассон сработал успешно, и Залаченко удалось ускользнуть от уплаты налогов. После этого он еще пару раз прибегал к его услугам. Тумассон понимал, что капиталы Залаченко нажиты преступным путем, но его это, похоже, нисколько не смущало. В конце концов Залаченко решил реструктурировать всю свою деятельность и организовать новое предприятие, принадлежавшее ему самому и Нидерману. Он предложил Тумассону стать третьим парт-

нером (негласно) и взять на себя заботу о финансовой стороне дела. Тот, не раздумывая, согласился...

– Ох, господин Бодин, выглядите вы неважно!

– Еще бы! Меня жестоко избили и попытались убить, – сказал Залаченко.

– Я вижу. Насколько я понимаю, это дело рук некоей Лисбет Саландер...

Залаченко понизил голос.

– Наш партнер Нидерман, как вы уже знаете, попал как кур в ощип...

– Понимаю.

– Полиция подозревает, что я замешан в этом деле...

– Вы непричастны, разумеется. Вы – жертва, и очень важно, чтобы СМИ считали так же.

А у фрёкен Саландер весьма сомнительная репутация... Я займусь этой проблемой.

– Спасибо.

– Но позвольте сразу же оговориться – я не являюсь адвокатом по уголовным делам. Тут вам потребуется помощь компетентного специалиста. Я порекомендую адвоката, услугами которого вы сможете воспользоваться.

Четвертый посетитель прибыл в одиннадцать часов вечера и лихо преодолел кордон из медсестер, показав удостоверение и заявив, что у него неотложное дело. Когда его проводили в палату Залаченко, пациент еще не спал, проводя время в размышлениях.

– Меня зовут Юнас Сандберг, – представился он и протянул руку, которую Залаченко проигнорировал.

На вид гостю можно было дать лет тридцать пять. Песочного цвета волосы, одет неофициально: джинсы, клетчатая рубашка и кожаная куртка. Секунд пятнадцать Залаченко молча разглядывал его.

– Я как раз размышлял над тем, когда же кто-нибудь из вас появится.

– Я работаю в Службе безопасности Главного полицейского управления, – сказал Юнас Сандберг и показал удостоверение.

– Не уверен, – произнес Залаченко.

– Простите?

– Может, ты там и числишься, но вряд ли ты там работаешь.

Юнас Сандберг помолчал, огляделся и придвинул к кровати стул.

– Я специально пришел так поздно, чтобы не привлекать внимания. Мы обсуждали, чем можно вам помочь, и нам необходимо согласовать планы на будущее. Меня прислали к вам, что я выслушал вашу версию и понял, каковы ваши намерения, с тем чтобы мы смогли выработать общую линию действий.

– И как, по-твоему, такая линия действий может выглядеть?

Юнас Сандберг задумчиво взглянул на мужчину, который лежал на больничной койке, потом развел руками.

– Господин Залаченко... Боюсь, что уже запущен процесс, опасные последствия которого пока трудно спрогнозировать. Мы обсудили ситуацию. Могила в Госсекторе и трехкратное покушение на Лисбет Саландер трудно оправдать. Но надежда все-таки остается. Конфликт между вами и вашей дочерью может послужить объяснением тому, что вы опасались угрозы с ее стороны и поэтому предприняли столь отчаянные шаги. Правда, боюсь, что вам все-таки придется отбыть какой-нибудь условный срок в тюрьме.

Залаченко внезапно развеселился и, вероятно, расхохотался бы, не будь это невозможно в его нынешнем состоянии. На его губах появилась гримаса – все остальные проявления эмоций причиняли ему сильную боль.

– Значит, в этом и заключается наша общая линия действия?

– Господин Залаченко, наша цель – минимизировать потери. Нам с вами нужно прийти к общему знаменателю. Мы сделаем все, чтобы помочь вам с адвокатом и с другими вопросами. Но нам требуется ваше содействие и некие гарантии.

– Гарантию ты от меня получишь. Вы должны позаботиться о том, чтобы меня никто не трогал. – Он энергично махнул рукой. – Нидерман – козел отпущения, а его не найдут, это я вам обещаю.

– Но есть технические улики, которые...

– Плевать на технические улики. Весь вопрос в том, как будет вестись следствие и какие оно выявит факты. А моя гарантия заключается в следующем: если вы не избавите меня от неприятностей, я созову пресс-конференцию. Я знаю имена, даты и события. Думаю, мне не надо напоминать, кто я такой.

– Вы не понимаете...

– Я прекрасно понимаю. Ты – всего лишь шестерка. Передай все, что я сказал, своему боссу. Он поймет. Передай ему, что у меня есть все копии... Я могу вас закопать.

– Мы должны попытаться прийти к соглашению...

– Я все сказал. Катись отсюда. И передай им, чтобы в следующий раз ко мне прислали кого-нибудь повзрослее и посolidнее, с кем я мог бы потолковать.

Залаченко отвернулся, так что встретиться с ним взглядом стало невозможно. Юнас Сандберг посмотрел на него, потом пожал плечами и поднялся со стула. Он уже почти дошел до двери, когда снова услышал голос Залаченко:

– И еще кое-что...

Сандберг обернулся.

– Саландер.

– И что с ней?

– Ее нужно убрать.

– Что вы имеете в виду?

Сандберг на секунду напрягся. Залаченко не смог сдержать улыбки, хотя боль и врезала ему по челюсти.

– Я понимаю, у вас кишка тонка, вы чересчур трусливы, чтобы ее убить. Да у вас и ресурсов на такое не хватит. Кому можно такое поручить, уж не тебе ли? Но ее необходимо убрать. Ее свидетельства нужно аннулировать. Саландер нужно запереть в психушке, причем пожизненно.

Лисбет Саландер услышала в коридоре, рядом со своей палатой, шаги. Она не смогла расслышать имя Юнаса Сандберга, и никогда раньше не слышала его шагов.

Дверь ее палаты весь вечер простояла открытой, поскольку медсестры навещали ее почти каждые десять минут. Лисбет слышала, как он подошел к сестре, прямо перед дверью в палату, и объяснил, что ему надо повидать господина Карла Акселя Бодина по неотложному делу. Она поняла, что он предъявил удостоверение, но при этом не называлось ни имя посетителя, ни тип документа.

Сестра попросила его подождать и отправилась проверить, не спит ли господин Карл Аксель Бодин. Лисбет Саландер сделала вывод, что удостоверение оказалось весомым.

Она слышала, как сестра повернула по коридору налево. Чтобы достигнуть цели, ей понадобилось сделать семнадцать шагов. А незнакомый посетитель, преодолевая через некоторое время то же расстояние, сделал всего четырнадцать шагов. В среднем получалось пятнадцать с половиной шагов. Оценив длину шага в шестьдесят сантиметров и помножив ее на пятнадцать с половиной, Лисбет определила, что Залаченко находится в палате, расположенной в девятистах тридцати сантиметрах налево по коридору. Расчет, конечно, приблизительный.

Ширина ее палаты составляла примерно пять метров, следовательно, Залаченко находится через две двери от нее.

Согласно показаниям электронных часов на тумбочке, визит продлился ровно десять минут.

Юнас Сандберг ушел, а Залаченко еще долго не мог заснуть.

Он решил, что вряд ли посетитель назвал ему свое настоящее имя, поскольку знал по своему опыту, что шведские начинающие шпионы особенно склонны к использованию псевдонимов, даже когда в этом нет никакой надобности. В любом случае, Юнас (или как его там зовут) появился потому, что «Секция» взяла ситуацию с ним, с Залаченко, на заметку. С учетом реакции СМИ теперь всю эту историю едва ли можно будет замять. В то же время этот визит стал подтверждением факта: они забеспокоились. Тут уж ничего не поделаешь.

Залаченко взвешивал все плюсы и минусы, оценивал свои шансы, принимал и отвергал альтернативные решения. Совершенно очевидно, что все складывалось не в его пользу. Иначе он сейчас находился бы дома, в Госсексберге, Рональд Нидерман сбежал бы за границу и жил бы там припеваючи, а Лисбет Саландер лежала бы в сырой земле. Залаченко никак не мог понять, каким образом ей удалось вылезти из могилы, добраться до хутора и нанести ему два удара топором. Так она превратила его относительно спокойную стабильную жизнь в сущий ад. Эта дрянь проявила катастрофическую живучесть.

Зато он хорошо понимал, что случилось с Рональдом Нидерманом и почему тот бросился бежать со всех ног вместо того, чтобы расправиться с Саландер. Залаченко знал, что у Нидермана не всё в порядке с головой – ему часто мерещатся призраки. Уже не раз приходилось вмешиваться, когда Нидерман действовал иррационально и забивался в угол, дрожа от страха.

Залаченко это не могло не беспокоить. Он считал, что раз Рональда Нидермана еще не поймали, значит, в первые сутки после бегства из Госсексберга он действовал правильно. Возможно, он решит добраться до Таллина, где ему помогут члены криминальной группы Залаченко. Но разве можно узнать заранее, когда Нидерман впадет в ступор? Вот что внушало беспокойство. А если приступ прихватит его во время бегства, то он может натворить всяких глупостей, и тогда его схватят. Добровольно Нидерман не сдастся, а значит, может убить полицейских, и тогда уж точно погибнет сам.

Такой исход дела тревожил Залаченко. Он не желал смерти Нидермана – ведь тот был его сыном. С другой стороны, Рональд не должен попасть в руки полиции живым, как это ни печально. Он еще никогда не попадал за решетку, и Залаченко не мог предвидеть, как Нидерман отреагирует на допросы. Он подозревал, что Рональд, как это ни прискорбно, не сможет хранить молчание. Следовательно, лучше, чтобы полицейские его уложили. Конечно, для Залаченко это станет трагедией, он будет оплакивать сына, но альтернатива еще хуже – ему самому придется провести остаток жизни в тюрьме.

Итак, Нидерман в бегах уже двое суток, и его пока не поймали. Это неплохо. Это признак того, что Нидерман в полном порядке, а в таком случае он неуловим.

В отдаленной перспективе Залаченко переживал, сможет ли Нидерман обойтись самостоятельно, когда рядом не будет отца, который направлял его по жизни. С годами он заметил, что если не инструктировал Нидермана или предоставлял ему полную свободу и шанс принимать решения самостоятельно, тот впадал в состояние апатии и безразличия.

Залаченко не впервые испытывал чувство раскаяния и стыда из-за того, что его сын наделен такими качествами. Рональд Нидерман, безусловно, очень одарен, он обладает физическими данными, благодаря которым все его боятся. Кроме того, он толковый и хладнокровный организатор. Проблема в том, что ему не хватает лидерских черт. Ему приходится обязательно объяснять, что именно нужно организовать.

Но теперь Залаченко не в состоянии помочь сыну – ему следует для начала позаботиться о себе самом. Он и сам оказался в сложной ситуации, пожалуй, сложнее, чем когда-либо.

На адвоката Тумассона нет никакой надежды – это стало ясно после его сегодняшнего визита. Тумассон – дока по части бизнеса, но при всех его способностях проку от него будет мало.

Да еще и визит этого Юнаса Сандберга...

Разведчик мог бы предложить гораздо более надежный спасательный трос. Хотя трос этот мог превратиться в петлю. Нужно виртуозно разыграть все карты и взять ситуацию под контроль. Без контроля сейчас все сорвется.

Конечно, он может надеяться только на собственные силы. Сейчас ему требуется медицинская помощь, но через несколько дней – ну, скажем, через неделю – он будет в порядке. Если ситуация обострится, то он, вероятно, сможет рассчитывать только на себя. Стало быть, ему придется ускользнуть прямо из-под носа у кружащей рядом полиции. Для этого понадобятся крыша, новый паспорт и наличные. Всем этим его сможет снабдить Тумассон. Но чтобы сбежать, сперва нужно оклематься.

В час ночи к нему наведалься ночная сестра, но Залаченко притворился спящим. Когда женщина закрыла за собой дверь, он с трудом сел на кровати, свесил ноги и долго оставался без движения, проверяя, не закружится ли голова. Потом осторожно поставил левую ногу на пол. Удар топора пришелся на правую, ранее уже поврежденную, ногу. Залаченко потянулся за протезом, который находился в тумбочке возле кровати, и прикрепил его к обрубку ноги. Потом поднялся. Стоя на левой, здоровой ноге, он опустил на пол правую. Но еще не успел на нее опереться, как почувствовал пронзительную боль.

Он стиснул зубы и сделал шаг. Ему не хватало костылей, но, конечно же, больница вскоре его ими снабдит. Держась за стену, он доковылял до двери. На это ушло несколько минут, и после каждого шага ему приходилось делать паузу, ожидая, пока боль немного ослабит свои тиски.

Стоя на одной ноге, Залаченко слегка приоткрыл дверь, выглянул в коридор, никого не увидел и высунул голову. Слева доносились тихие голоса. Комната ночных медсестер располагалась метрах в двадцати по другую сторону коридора.

Он повернул голову направо и в конце коридора увидел выход.

Еще днем Залаченко спрашивал о самочувствии Лисбет Саландер – как-никак, она приходилась ему дочерью. Персонал явно получил инструкции не обсуждать здоровье пациентов, и сестра ответила, что состояние Лисбет стабильно. Но при этом она непроизвольно бросила беглый взгляд в левую сторону коридора. Лисбет Саландер явно находится в одной из палат между его собственной палатой и медсестринской комнатой.

Залаченко осторожно закрыл дверь, доковылял до кровати и отстегнул протез. Когда он наконец нырнул под одеяло, то был мокрый, как мышь.

Инспектор уголовной полиции Йеркер Хольмберг вернулся в Стокгольм в середине воскресного дня – усталый, голодный и измотанный. Он доехал на метро до станции «Родхюсет», добрался до полицейского управления на Бергсгата и прошел прямо в кабинет Яна Бублански. Соня Мудиг и Курт Свенссон уже были там. Бублански созвал совещание в воскресенье, поскольку знал, что руководитель предварительного следствия Рикард Экстрём занят в это время другими делами и находится в другом месте.

– Спасибо, что пришли, – сказал Бублански. – Думаю, нам пора все толком обсудить и попробовать разобраться в этом триллере. Йеркер, у тебя есть какие-нибудь новости?

– Ничего нового, только то, что я уже рассказал по телефону. Залаченко не помог нам сдвинуться ни на йоту. Он якобы ни в чем не повинен, и помочь ничем не может. На самом же деле...

– Да?

– Соня, ты оказалась права. Он – один из самых гнусных типов, с какими мне приходилось встречаться. Я понимаю, что это звучит абсурдно – полицейский не должен использовать такие термины, – но в этой его способности просчитывать все до мелочей кроется нечто жуткое.

– О'кей, – кашлянул Бублански. – Что мы знаем? Соня?

Мудиг усмехнулась.

– Этот раунд выиграли частные детективы. Я не смогла обнаружить Залаченко ни в одной официальной базе данных. А Карл Аксель Бодин родился в сорок первом году в Уддевалле, в семье Марианны и Георга Бодина. Они существовали на самом деле, но погибли в катастрофе в сорок шестом году. Карла Акселя Бодина воспитывал дядя в Норвегии. Так что, естественно, о нем не имеется никаких сведений вплоть до семидесятых годов, когда он вернулся домой, в Швецию. Версию Микаэля Блумквиста о том, что он беглый агент ГРУ из России, проверить, похоже, не удастся. Но почему-то я склонна верить журналисту.

– И что из этого следует?

– Из этого следует, что его, как пить дать, снабдили фальшивыми документами. И тут не могло обойтись без участия властных структур.

– Значит, все-таки СЭПО?

– Блумквист в этом уверен. Но как именно они это сделали, я не знаю. Ведь необходимо было подделать свидетельство о рождении и ряд других документов, и разместить их в официальные шведские регистры. Я не берусь высказывать свое мнение о законности подобных действий. Все, вероятно, зависит от того, кто принимал такое решение. Правда, чтобы проделать все это легальным путем, им надо было разжиться разрешением на правительственном уровне.

В кабинете повисла тишина – четыре инспектора обдумывали сказанное.

– О'кей, – сказал Бублански. – Мы – четверо тупоголовых полицейских. Если в этом деле замешаны правительственные чиновники, я не собираюсь вызывать их на допрос.

– Да уж, это, пожалуй, могло бы привести к конституционному кризису, – подытожил Курт Свенссон. – В США членов правительства можно вызывать на допрос в обычный суд, но у нас приходится действовать через конституционный комитет.

– Зато мы могли бы побеседовать с главой правительства, – заметил Йеркер Хольмберг.

– С главой? – переспросил Бублански.

– С Турбьёрном Фельдином. Тогда он был премьер-министром.

– Супер. Мы ворвемся к бывшему премьер-министру, где бы он сейчас ни находился, и спросим, не сфальсифицировал ли он документы для беглого русского шпиона... Звучит как-то слишком по-голливудски.

– Фельдин живет в Осе, муниципалитет Хернёсанд. Я родился в тех местах. Мой отец – член Партии центра и хорошо знает Фельдина. Да и сам я несколько раз с ним встречался – и в детстве, и уже будучи взрослым. Он производит впечатление вполне нормального человека.

Три инспектора изумленно воззрились на Йеркера.

– Значит, ты знаком с Фельдином? – произнес Бублански.

Хольмберг кивнул.

Бублански выпятил губы.

– Честно говоря, – продолжал Хольмберг, – если б нам удалось пообщаться с бывшим премьер-министром, это помогло бы нам разрешить некоторые проблемы... Я могу съездить к нему и поговорить. Конечно, он может ничего не сказать. Но мы ничем не рискуем. А если он пойдет нам навстречу, мы, как вариант, сэкономим довольно много времени.

Бублански задумался, а потом покачал головой. Краем глаза он увидел, что Соня Мудиг и Курт Свенссон тоже призадумались, а затем кивнули.

– Спасибо, Хольмберг, я подумаю. Но, мне кажется, с этой идеей мы лучше пока повременим. Так что давайте с самого начала. Соня?..

– Если верить Блумквисту, Залаченко приехал сюда в семьдесят шестом году. Насколько я понимаю, получить такую информацию Блумквист мог только от одного человека.

– От Гуннара Бьёрка, – заключил Курт Свенссон.

– И что же нам сообщил Бьёрк? – спросил Йеркер Хольмберг.

– Он был не слишком разговорчив. Ссылается на секретность и говорит, что не имеет права обсуждать что-либо без согласия своего начальства.

– А кто его начальники?

– Молчит как рыба об лед.

– И что нам с ним теперь делать?

– Я задержал его за нарушение закона о борьбе с сексуальными услугами. Даг Свенссон передал нам вполне убедительные документы. Экстрём не на шутку разгневался, но, поскольку я составил официальное заявление, он не рискнет прекратить предварительное следствие, – сказал Курт Свенссон.

– Значит, его обвиняют в нарушении закона о борьбе с сексуальными услугами... Думаю, он отделается пустяковым штрафом.

– Скорее всего. Зато его дело находится в нашей компетенции, и мы можем снова вызвать его на допрос.

– Но теперь получается, что мы вторглись на территорию Службы безопасности, а это может вызвать некоторую турбулентность...

– В том-то и дело – ничего крамольного не произошло бы, если б не Служба безопасности. Вполне возможно, что Залаченко – действительно русский шпион, перебежавший к нам и получивший политическое убежище. Возможно и то, что он работал на СЭПО в качестве разведчика или источника информации. И по каким-то причинам его настоящее имя скрывали, а самого его снабдили фальшивыми документами. Однако тут возникли три проблемы. Во-первых, расследование девяносто первого года, которое завершилось незаконной изоляцией Лисбет Саландер. Во-вторых, персона Залаченко с тех пор не имеет никакого отношения к государственной безопасности – он самый обычный гангстер, скорее всего, причастный к нескольким убийствам и к другим преступлениям. И в-третьих, нет никаких сомнений в том, что Лисбет Саландер подстрелили и закопали на его земле в Госсексберге.

– Кстати, мне бы очень хотелось почитать отчет об этом знаменитом расследовании, – сказал Йеркер Хольмберг.

Бублански сразу приуныл.

– Экстрём забрал его в пятницу, а когда я попросил отчет обратно, он пообещал снять с него копию, да так и не снял. Он позвонил мне и сказал, что беседовал с генеральным прокурором и что возникла некая проблема. По мнению генерального прокурора, гриф секретности означает, что расследование не подлежит огласке и копированию. Он потребовал сдать ему все копии, пока расследование еще не закончено. Так что Соне пришлось сдать свою копию.

– Значит, материалов этого расследования у нас больше нет?

– Значит, нет.

– Черт возьми, – сказал Хольмберг. – Мне это не нравится.

– Вот именно, – поддержал его Бублански. – А вообще-то это означает, что кто-то нам противодействует, к тому же весьма оперативно и эффективно. И как раз тогда, когда мы наконец-то продвинулись вперед.

– Мы должны выяснить, кто действует против нас, – сказал Хольмберг.

– Постойте, – произнесла Соня Мудиг. – У нас есть еще и Петер Телеборьян. Он помогал нам в расследовании о Лисбет Саландер.

– Точно, – сказал Бублански, понизив голос. – И что же он сообщил?

– Он очень беспокоился за ее безопасность и хотел ей помочь. Но затем после всех сантиментов заявил, что она представляет серьезную опасность и потенциально способна оказать сопротивление. Наша версия во многом базировалась на его данных.

– И он, кстати, здорово напугал Ханса Фасте, – заметил Хольмберг. – Что, кстати, слышно о Фасте?

– Он взял отпуск, – ответил Бублански. – Однако нам следует решить, куда нам двигаться дальше...

Ближайшие пару часов они обсуждали самые разные варианты. В конце концов родилось лишь одно практическое решение: Соня Мудиг на следующий день снова поедет в Гётеборг, чтобы поговорить с Лисбет Саландер. Когда совещание наконец закончилось, Соня Мудиг и Курт Свенссон вместе направились в сторону гаража.

– Я вдруг подумал... – сказал Курт и замолчал.

– Что? – спросила Соня.

– Когда мы беседовали с Телеборьяном, ты единственная из всей группы задавала вопросы и высказывала возражения.

– Ну да.

– А чутье тебя не подводит, – сказал он.

Курт Свенссон не отличался особой склонностью раздавать комплименты, а Соня уж точно впервые услышала от него что-то похожее на одобрение. Поэтому, когда он ушел, Мудиг так и продолжала стоять у своей машины – она просто остолбенела.

Глава 5

Воскресенье, 10 апреля

Ночь с субботы на воскресенье Микаэль Блумквист и Эрика Бергер провели в постели. Они просто лежали и разговаривали, в основном обсуждая детали истории Залаченко.

Микаэль настолько доверял Эрике, что ее переход на работу в конкурирующее издание его нисколько не смущал. Ей даже в голову не могло бы прийти каким-то образом использовать этот материал. Эту «топовую» новость раздобыл «Миллениум», и Эрика, конечно, сожалела о том, что не она будет редактором этого номера. Было бы очень уместно таким образом завершить годы работы в «Миллениуме».

Они обсуждали и перспективы – и общие, и частные. Эрика решила остаться совладельцем «Миллениума» и сохранить за собой место в правлении. Но они оба понимали, что она, естественно, не сможет участвовать в текущей редакционной работе.

– Может, я поработаю на «Драконе» несколько лет и... Кто знает, вдруг ближе к пенсии я и вернусь в «Миллениум», – заявила она.

Они обсуждали и собственные запутанные отношения. Оба сошлись на том, что на практике ничего не изменится, просто встречаться так часто, как раньше, они, разумеется, не смогут. Все снова будет как в восьмидесятые годы, когда «Миллениума» еще не было и в помине, и работали они в разных местах.

– Только нам придется заранее резервировать время, – констатировала Эрика с грустной улыбкой.

В воскресенье утром ей нужно было ехать домой к мужу, Грегеру Бекману, и они попрощались.

– Даже не знаю, что и сказать, – произнесла Эрика. – Но похоже, что ты полностью погрузился в свой материал, а все остальное отодвинул на задний план. А сам-то ты знаешь, что когда ты работаешь, то ведешь себя как настоящий психопат?

Микаэль улыбнулся и обнял ее.

После ее ухода он все утро звонил в Сальгренскую больницу. Его интересовало состояние Лисбет Саландер. Но ответа Блумквист так и не добился. В конце концов он позвонил инспектору Маркусу Эрландеру, который сжалился над ним и сообщил, что, с учетом обстоятельств, состояние Лисбет можно считать неплохим и врачи оценивают данную ситуацию с осторожным оптимизмом. Микаэль поинтересовался, можно ли ему навестить Лисбет. Эрландер ответил, что по распоряжению прокурора Лисбет Саландер находится под арестом и посетителей к ней не допускают. К тому же состояние девушки пока не позволяет ее допрашивать. Микаэль только смог добиться от Эрландера обещания, что тот позвонит ему, если состояние Лисбет ухудшится.

Проверяя список звонков у себя в мобильнике, Блумквист обнаружил там сорок два неприятных вызова и сообщения от разных журналистов, которые отчаянно пытались с ним связаться. Новость о том, что он обнаружил Лисбет Саландер и вызвал Службу спасения, и к тому же принимал самое непосредственное участие в дальнейших событиях, в последние сутки активно обсуждалась в медиапространстве.

Микаэль стер все сообщения от репортеров, позвонил сестре – Аннике Джаннини – и договорился вместе пообедать.

Потом он позвонил Драгану Арманскому, исполнительному директору и оперативному управляющему охранной фирмы «Милтон секьюрити». Арманский оказался дома, на острове Лидингё.

– Похоже, что вам удастся инициировать шумиху в прессе, – сухо сказал он.

– Извините, что не позвонил вам раньше. Я получил сообщение о том, что вы меня разыскиваете, но был очень занят...

– Мы в «Милтон секьюрити» проводили собственное расследование. Хольгер Пальмгрен сказал мне, что вы раздобыли кое-какую информацию, и, похоже, вы нас обскакали.

Микаэль не знал, как лучше сформулировать вопрос.

– Я могу вам доверять? – спросил он.

Этот вопрос озадачил Арманского.

– В каком смысле?

– Вы на стороне Саландер или нет? Могу я полагать, что вы желаете ей добра?

– Разумеется, я ей друг. Но вы же знаете, это не значит, что она мне друг.

– Знаю. Но меня интересует, готовы ли вы встать в ее угол ринга и начать боксировать с ее врагами? В этом бою вам придется провести парочку раундов...

Арманский задумался и ответил:

– Я на ее стороне.

– Могу ли я сообщать вам информацию и обсуждать с вами разные вопросы, не опасаясь, что это просочится в полицию или еще куда-нибудь?

– Я не могу участвовать ни в каких криминальных экспериментах, – ответил Арманский.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Вы можете полностью полагаться на меня, если не занимаетесь преступной деятельностью или чем-то подобным.

– Хорошо. Нам необходимо встретиться.

– Я собираюсь приехать вечером в город. Поужинаем вместе?

– Нет, сегодня я занят. Но очень хотел бы встретиться с вами завтра вечером. Нам с вами – и, возможно, еще кое с кем – надо просто сесть и спокойно пообщаться.

– Что ж, пожалуйста, приходите к нам в «Милтон секьюрити». В шесть вечера?

– И вот еще что. Через два часа я встречаюсь со своей сестрой, Анникой Джаннини. Она, возможно, согласится стать адвокатом Лисбет, но, естественно, не может работать бесплатно. Я готов выплатить часть ее гонорара из собственного кармана. А «Милтон секьюрити» сможет поучаствовать?

– Лисбет требуется адвокат по уголовным делам очень высокого класса. Ваша сестра, пожалуй, не самый удачный выбор, уж простите меня. Я, было дело, просил главного юриста «Милтон секьюрити» подобрать подходящую кандидатуру. Лично я вижу в этой роли Петера Альтина. Или кого-то еще такого же уровня.

– Не могу согласиться. Лисбет нужен совершенно другой адвокат. Когда мы поговорим, вы поймете, что я имею в виду. Но могли бы вы, если потребуется, оплатить услуги ее защитника?

– Я уже думал о том, что наша фирма должна нанять адвоката...

– Так как же, в конце концов, – да или нет? Я знаю, что произошло с Лисбет. И примерно знаю, кто за этим стоит и почему. И у меня есть план мести.

Арманский засмеялся.

– О'кей. Я готов выслушать ваши предложения. Но если оно мне не понравится, я оставляю за собой право не участвовать.

– Ты обдумала мое предложение? Ты будешь представлять интересы Лисбет Саландер? – спросил Микаэль сразу после того как поцеловал сестру в щеку и им принесли бутерброды и кофе.

– Да. И, к сожалению, вынуждена отказаться. Ты знаешь, я ведь не специалист по уголовным делам. Даже если с нее сейчас сняли обвинения в убийствах, за которые ее разыскивали,

ей предъявят целый перечень новых, и ей понадобится гораздо более опытный и авторитетный профессионал, специалист по уголовному праву.

– Не согласен. Ты известный адвокат, и тебя все знают как специалиста по защите прав женщин. Я уверен, что ты именно тот адвокат, который ей нужен.

– Микаэль... Мне кажется, ты просто не понимаешь, через что ей предстоит пройти. Это непростое уголовное дело, а не рядовой эпизод избиения женщины или совершения развратных действий. Если я возьмусь ее защищать, это может окончиться катастрофой.

Микаэль улыбнулся.

– Мне кажется, ты упустила самое главное. Если бы Лисбет обвиняли, например, в убийстве Дага и Миа, я нанял бы адвоката типа Сильберского или еще какую-нибудь знаменитость с поля уголовного права. Но на этом процессе речь пойдет совсем о других вещах. И ты самый идеальный кандидат, какого я могу себе представить.

Анника вздохнула.

– Тогда объясни, пожалуйста.

Они проговорили почти два часа. Когда Микаэль изложил свои соображения, сестра сдалась. Блумквист достал мобильник и снова позвонил в Гётеборг Маркусу Эрландеру.

– Привет! Это снова Блумквист.

– У меня нет никаких новостей о Саландер, – раздраженно сказал инспектор.

– Что, вероятно, в данной ситуации надо считать хорошей новостью. Зато у меня есть новости о ней.

– Неужели?

– Именно. У Лисбет появился адвокат по имени Анника Джаннини. Она сидит напротив меня, и я передаю ей трубку.

Микаэль протянул телефон через стол.

– Добрый день. Меня зовут Анника Джаннини, и меня попросили представлять интересы Лисбет Саландер. Так что мне необходимо пообщаться с моей клиенткой, чтобы получить ее согласие на мое участие в судебном процессе. И еще мне нужен телефон прокурора.

– Я понял, – сказал Эрландер. – Насколько мне известно, там уже связались с государственным защитником.

– Хорошо. А кто-нибудь спрашивал у самой Лисбет Саландер, какие у нее планы?

Эрландер колебался.

– Честно говоря, у нас еще не было возможности обменяться с ней хотя бы словом. Мы надеемся поговорить с ней завтра, если позволит ее состояние.

– Что ж, хорошо. Тогда позвольте мне заявить, что пока фрёкен Саландер не изъявит другого желания, вы можете считать меня ее адвокатом. Вы не имеете права допрашивать ее в мое отсутствие. Но можете навестить ее и спросить, согласна ли она видеть меня в качестве своего адвоката. Вы меня поняли?

– Да, – вздохнул Эрландер.

Он не был уверен, все ли тут безупречно с юридической точки зрения.

– Мы хотели бы для начала спросить у Лисбет Саландер, есть ли у нее какая-нибудь информация о местонахождении Рональда Нидермана – убийцы полицейского. Можем ли мы задать ей этот вопрос, даже если вас при этом не будет?

Анника задумалась.

– Хорошо... Вы можете расспросить ее о фактах, способных помочь полиции в поисках Нидермана. Но вы не имеете права задавать ей вопросы относительно возбуждения дела или выдвигаемых против нее обвинений. Обещаете?

– Обещаю.

Маркус Эрландер встал из-за письменного стола, поднялся этажом выше и постучал в дверь кабинета руководителя предварительного следствия Агнеты Йеварс. Он пересказал ей содержание своего разговора с Анникой Джаннини.

– Я не знала, что у Лисбет Саландер есть адвокат.

– Я тоже не знал. Но Джаннини нанял Микаэль Блумквист. Сама Лисбет Саландер тоже вряд ли об этом знает.

– Но Джаннини – не адвокат по уголовным делам, она защищает права женщин. Я однажды слушала ее лекцию, она профессионал высокого класса, но совершенно не годится для этого случая.

– Это все на усмотрение Саландер.

– Возможно, мне придется опротестовать кандидатуру адвоката в суде. Даже в интересах самой Саландер, ей нужен настоящий защитник, а не какая-то знаменитость, которая пиарит себя. К тому же Саландер признана недееспособной. Даже не знаю, как лучше поступить...

– Что будем делать?

Агнета Йеварс задумалась.

– Получается сплошная неразбериха. Даже непонятно, кто в конце концов будет заниматься этим делом... Возможно, его передадут в Стокгольм, Экстрему. Но адвокат ей в любом случае необходим... Ну, хорошо, спросите у нее, согласна ли она, чтобы ее защищала Джаннини.

Вернувшись домой около пяти вечера, Микаэль включил компьютер и вернулся к тому тексту, который он начал писать в гостинице в Гётеборге. Журналист просидел за работой семь часов и только после этого обнаружил, что в статье есть белые пятна. Придется расследовать еще некоторые эпизоды. Имеющиеся документы не давали ответа на вопрос, кто же именно из СЭПО помимо Гуннара Бьёрка принимал участие в заточении Лисбет Саландер в сумасшедший дом. Для него так и оставалось неясным, какие отношения связывают Бьёрка и психиатра Петера Телеборьяна.

Около полуночи Микаэль выключил компьютер и лег в постель. Впервые за много недель он почувствовал, что может расслабиться и спокойно поспать. Теперь всё под контролем. И хотя ему еще придется ответить на массу вопросов, уже имеющихся у него материалов достаточно, чтобы вызвать шквал эмоций в массмедиа.

Ему захотелось немедленно позвонить Эрике Бергер и поделиться новостями, но он вспомнил, что она больше не работает в «Миллениуме».

Спать ему расхотелось.

С поезда, прибывшего на Стокгольмский центральный вокзал из Гётеборга в 19.30, осторожно выполз тип с коричневым портфелем и немного постоял посреди толпы, чтобы сориентироваться. Он выехал из Лахольма в начале девятого утра, а когда прибыл в Гётеборг, то сделал небольшую остановку, чтобы пообедать со старым приятелем, а затем продолжил путь в Стокгольм. В столице он не был два года, и вообще не планировал снова приезжать сюда. И хотя прожил здесь большую часть своей профессиональной жизни, он всегда чувствовал себя в Стокгольме заморской птицей, а после выхода на пенсию это чувство с каждым визитом только усиливалось.

Мужчина медленно двинулся через вокзал, купил вечерние газеты и два банана в киоске «Пресс-бюро», и задумчиво посмотрел вслед поспешно проследовавшим мимо него двум мусульманкам в паранджах. Против женщин в парандже он ничего не имел. Какое ему дело до того, что людям нравится странно одеваться? Впрочем, то, что им непременно понадобилось так странно одеваться посреди Стокгольма, его все-таки немного задевало.

Мужчина прошел метров триста до гостиницы «Фрейс-отель», расположенной на Васатаган, рядом со старинным зданием почты. Теперь во время своих редких визитов в Стокгольм он всегда останавливался именно в этой гостинице – и в центре, и вполне уютно. Кроме того, дешево, что немаловажно для него, поскольку поездку он оплачивал сам. Номер он забронировал днем раньше, представившись Эвертом Гульбергом.

Поднявшись в номер, мужчина сразу отправился в туалет. В его возрасте уже приходилось часто посещать это заведение. Уже много лет ему не удавалось спать беззаботно и беспробудно.

Выйдя из туалета, он снял шляпу – темно-зеленую английскую фетровую шляпу с маленькими полями, и ослабил узел галстука. Со своим ростом сто восемьдесят четыре сантиметра и весом шестьдесят восемь килограммов он отличался худобой и хрупким телосложением. На нем был пиджак в мелкую клеточку и темно-синие брюки. Мужчина открыл коричневый портфель, достал две рубашки, запасной галстук и белье и выложил их в стоящий в номере комод. Затем повесил пальто и пиджак на плечики, в шкафу, за дверь в комнату.

Еще слишком рано, чтобы лечь спать, но слишком поздно, чтобы отправиться на вечернюю прогулку, которая, впрочем, едва ли доставила бы ему удовольствие. Он уселся в кресло – непременно принадлежность гостиничного номера, и огляделся. Включил телевизор, но при этом убрал громкость до нуля. Хотел было позвонить на ресепшен и заказать кофе, но решил, что слишком поздно. Вместо этого открыл бар и плеснул себе в бокал из миниатюрной бутылочки виски «Джонни Уокер», слегка разбавив водой. Затем взялся за вечерние газеты и внимательно прочитал всю хронику погони за Рональдом Нидерманом и репортажи о деле Лисбет Саландер. Через некоторое время он достал блокнот в кожаном переплете и кое-что записал.

Бывшему начальнику отдела Службы государственной безопасности Эверту Гульбергу было семьдесят восемь лет, и последние четырнадцать лет он официально числился на пенсии. Но шпионы бывшими не бывают – они просто уходят в тень.

Гульбергу исполнилось девятнадцать лет, когда закончилась война. Его привлекала карьера на флоте. Он отслужил в армии помощником командира и его отправили получать офицерское образование. Традиционно после учебы всех посылали на флот, но его распределили в Карлскруну¹⁵ разведчиком-сигнальщиком при разведывательном управлении флота. Эверт, конечно, понимал, что в задачи радиотехнической разведки входит следить за тем, что происходит по другую сторону Балтийского моря. Работа показалась ему скучной и неинтересной, но в военной школе переводчиков он выучил русский и польский языки. Благодаря знанию этих языков, в 1950 году его перевели в Службу государственной безопасности. В то время третье подразделение Государственного полицейского управления возглавлял гламурный и корректный Георг Тулин. Когда Эверт Гульберг начинал там служить, совокупный бюджет тайной полиции не превышал 2,7 миллиона крон, а число сотрудников составляло девять человек. Когда он в 1992 году оформил пенсию, бюджет Службы государственной безопасности превышал 350 миллионов крон, и даже он точно не знал, сколько сотрудников насчитывается в «Фирме».

Так Гульберг и провел свою жизнь на тайной службе – то ли Его Величеству, то ли социал-демократическому «народному дому». В этом и заключалась ирония судьбы, поскольку на каждых выборах он фанатично голосовал за Умеренную коалиционную партию. И только в 1991 году сознательно проголосовал против нее, поскольку считал Карла Бильдта¹⁶ реаль-

¹⁵ Карлскруна – административный центр шведского лена Блекинге. Заложен Карлом XI как главная, а теперь и единственная, база шведского флота на 33 островах у берега Балтийского моря. Название в переводе означает «корона Карла».

¹⁶ Карл Бильдт (р. 1949) – шведский политик и дипломат, премьер-министр Швеции с 1991 по 1994 г., лидер Умеренной коалиционной партии Швеции с 1986 по 1999 г. В 1995–1997 гг. занимал посты спецпредставителя ЕС в бывшей Югославии

ной политической катастрофой. В тот год Гульберг от отчаяния отдал свой голос за Ингвара Карлссона¹⁷. Годы правления «лучшего правительства» Швеции оправдали его худшие опасения. Правительство, возглавляемое Умеренной коалиционной партией, пришло к власти в период коллапса Советского Союза. И, по мнению Гульберга, едва ли можно было представить себе режим, хуже подготовленный к использованию возникших на восточном направлении новых политических шансов для использования искусства шпионажа. Напротив, правительство Бильдта из соображений экономии сократило «советский» отдел и сосредоточилось на международных распрях в Боснии и Сербии – можно подумать, что Сербия когда-нибудь представляла угрозу для Швеции. В результате профессиональных информаторов в Москву так и не внедрили. А когда климат снова похолодеет, что, согласно Гульбергу, неизбежно, к Службе безопасности и военному разведывательному управлению опять станут предъявлять непомерные политические требования, словно они могут как волшебники, при необходимости, наколдовать агентов.

Первые два года работы в русском отделе третьего подразделения Государственного полицейского управления Гульберг провел за письменным столом. Он получил чин капитана и затем начал постепенно изучать обстановку на месте. В 1952–1953 годах он занимал должность атташе по вопросам авиации при шведском посольстве в Москве. Любопытно, что он шел по стопам другого известного шпиона – несколькими годами раньше в его должности работал легендарный полковник ВВС Стиг Веннерстрём¹⁸.

Вернувшись в Швецию, Гульберг служил в контрразведке и через десять лет оказался одним из тех относительно молодых сотрудников Службы безопасности, которые под оперативным руководством Отто Даниэльссона арестовывали Веннерстрёма и сопровождали его к месту пожизненного заключения – в тюрьму Лонгхольмен.

Когда в 1964 году, при Пере Гуннаре Винге, тайную полицию реорганизовали в отдел безопасности Государственного полицейского управления, ГПУ/Безопасность, началось расширение штатов. Гульберг к тому времени проработал в Службе безопасности четырнадцать лет и считался одним из самых доверенных и надежных ветеранов.

Он ни при каких обстоятельствах не называл Службу государственной безопасности СЭПО, используя в формальной обстановке наименование ГПУ/Без, а в неформальной – только Без. Среди коллег Гульберг мог также упомянуть место своей работы как «Предприятие», или «Фирму», или попросту «Отдел», но только не СЭПО. Причина была проста. На протяжении многих лет «Фирма» занималась так называемым персональным контролем, то есть проверкой и регистрацией шведских граждан, которых подозревали в коммунистических и предательских взглядах. Понятия «коммунист» и «изменник родины» употреблялись в «Фирме» как синонимы. Ставшее впоследствии популярным сокращение «СЭПО» было создано потенциально предательским коммунистическим журналом «Кларте»¹⁹ как негативное обозначение полицейских – гонителей коммунистов. Естественно, ни Гульберг, ни кто-

и Верховного представителя в Боснии и Герцеговине, в 1999–2001 гг. был специальным посланником Генерального секретаря ООН на Балканах. С 2006 по 2014 гг. – министр иностранных дел Швеции.

¹⁷ Ингвар Карлссон (р. 1934) – шведский политик, с 1982 по 1986 г. – вице-премьер, а затем премьер-министр Швеции (с 1986, после убийства Улофа Пальме, по 1991 и с 1994 по 1996 г.), лидер Социал-демократической партии Швеции (с 1986 по 1996 г.). В начале 1990-х гг. благодаря его усилиям в стране было образовано «самое женское» правительство мира, в котором из 22 министров было 11 женщин.

¹⁸ Стиг Веннерстрём (1906–2006) – полковник ВВС Швеции, осужденный по обвинению в шпионаже в 1964 г. В 1951 г. дослужился до чина полковника. В 1940–1941 и 1949–1952 гг. работал военно-воздушным атташе Швеции в Москве. В 1950-е гг. выдал планы обороны шведских ВВС и целиком проект истребителя Saab 35 Draken Советскому Союзу. С 1952 г. работал военным атташе в Вашингтоне.

¹⁹ КЛАРТЕ – международное объединение деятелей культуры, созданное Анри Барбюсом в 1919 г. Сюда входили Г. Уэллс, А. Франс, Б. Шоу, Э. Синклер, Р. Тагор и др. Группа издавала журнал «Кларте» (1921–1928).

либо другой из ветеранов слово «СЭПО» не использовал. Он никак не мог понять, почему его бывший начальник П. Г. Винге назвал свои мемуары «Глава СЭПО 1962–1970 гг.».

На дальнейшую карьеру Гульберга оказала влияние реорганизация 1964 года.

Само по себе появление ГПУ/Без означало, что тайная полиция превращалась в современную полицейскую организацию, как об этом упоминалось в служебной записке Министерства юстиции. Соответственно, понадобилось изменить штатное расписание. Постоянно требовались новые сотрудники, и их нужно было все время проверять. Тем временем враг получил благоприятные возможности для внедрения своей агентуры. Это, в свою очередь, означало необходимость ужесточения внутреннего контроля – тайная полиция уже не могла больше оставаться неким внутренним клубом, состоявшим из отставных офицеров, где все друг друга знали и где протекция и знатные родители играли важную роль.

В 1963 году Гульберга перевели в другую структуру – вместо контрразведки он стал заниматься проверкой персонала, чему, после разоблачения Стига Веннерстрёма, придавалось особое значение. Именно в этот период взгляды населения стали предметом пристального изучения. И к концу 1960-х годов уже были составлены досье примерно на триста тысяч шведских граждан с подозрительными политическими симпатиями. Но контроля за шведскими гражданами было недостаточно. Следовало оптимизировать систему внутренней безопасности ГПУ/Без.

Дело Веннерстрёма оказало деморализующий эффект на ряды тайной полиции. Если полковник из штаба обороны, к тому же советник правительства по вопросам, связанным с ядерным оружием и политикой безопасности, мог работать на русских, – то откуда было взяться уверенности в том, что русские не имели агента на столь же ключевой позиции в Службе государственной безопасности? Где гарантии, что начальники и руководители среднего звена «Фирмы» на самом деле не работают на русских? Иными словами: кто должен шпионить за шпионами?

В августе 1964 года Эверта Гульберга вызвали на вечернее совещание к заместителю руководителя Службы государственной безопасности, начальнику отдела Хансу Вильгельму Франке. Кроме него, в совещании участвовали два человека из руководства «Фирмы» – заместитель руководителя канцелярии и финансовый директор.

День еще не закончился, а жизнь Гульберга круто изменилась. Начальство избрало его для особой миссии. Он получил новую должность – начальника только что образованного отдела с рабочим названием «Спецсекция», сокращенно СС. Для начала Гульберг переименовал его в группу «Спецаналитиков», но и это название продержалось всего несколько минут – пока финансовый директор не заметил, что СА звучит, мягко говоря, не лучше, чем СС. Окончательно организацию решили назвать «Секция спецанализов», ССА, а в повседневной речи просто «Секция», в отличие от названий «Отдел» или «Фирма», подразумевавших Службу государственной безопасности в целом.

Идея создания «Секции» принадлежала Франке. Он называл ее последним рубежом обороны. По его замыслу, «Секция» должна была представлять собой суперзасекреченную структуру, размещенную на стратегически важных узлах «Фирмы», но абсолютно невидимую, не фигурирующую ни в служебных, ни в финансовых документах, чтобы ее невозможно было идентифицировать.

Миссия группы – блюсти безопасность нации.

Для осуществления своей идеи Франке обладал достаточной властью. Для создания скрытой структуры ему требовалась помощь финансового директора и руководителя канцелярии, но все трое были солдатами старой гвардии и соратниками по многочисленным разборкам с врагом.

В первый год структура состояла из Гульберга и троих специально отобранных сотрудников. За последующие десять лет «Секция» постепенно расширялась и достигла численности в одиннадцать человек, двое из которых были административными секретарями старой школы, а остальные – профессиональными охотниками за шпионами. Структура организации отличалась демократичностью: Гульберг – руководитель, остальные – сотрудники, почти ежедневно встречавшиеся со своим начальником. Эффективность работы ставилась выше престижа и бюрократических формальностей.

Формально Гульберг подчинялся целому ряду лиц, чей статус был ниже начальника канцелярии Службы безопасности, которому он должен был подавать ежемесячные отчеты. Но на практике Гульберг занимал уникальную позицию и был наделен экстраординарными полномочиями. Он, и только он, имел право принимать решение о контроле за верхушкой СЭПО. При желании Гульберг мог под лупой разглядывать жизнь самого Пера Гуннара Винге (что и было сделано в свое время). Он мог инициировать собственные расследования или прослушивание телефонов, не объясняя цели и не докладывая об этом начальству. Образцом для подражания ему служил легендарный американский шпион Джеймс Хесус Энглтон²⁰, занимавший аналогичную должность в ЦРУ, с которым ему даже довелось познакомиться лично.

В организационном плане «Секция» являлась микроструктурой внутри «Отдела», работавшей вне всей остальной Службы безопасности, над ней и параллельно с ней. Секция обрела даже географическую самостоятельность: у нее имелся офис на Кунгсхольмене, но из соображений безопасности на практике она работала в частной квартире из одиннадцати комнат, в районе Эстермалм. Квартиру перестроили в своеобразную крепость, которая никогда не оставалась без присмотра, поскольку в две ближайшие ко входу комнаты переехала на постоянное жительство преданная сотрудница, секретарь Элеанор Баденбринк. Она была бесценным кадром, и Гульберг питал к ней безграничное доверие.

Он со своими сотрудниками не фигурировал ни в каких формальных бумагах Службы безопасности, которые представлялись в Государственное полицейское управление или в Министерство юстиции. Их деятельность финансировалась из «специального фонда». Даже начальник ГПУ/Без ничего не знал о самых тайных из тайных агентах, которые занимались самыми щепетильными делами.

Итак, к сорока годам Гульберг занимал такую позицию, что мог, никому не отчитываясь, начинать расследования в отношении кого угодно.

Конечно, он с самого начала отдавал себе отчет в том, что положение «Секции спецанализов» уязвимо в политическом отношении. Их должностные обязанности не были четко определены, а документация велась весьма нерегулярно.

В сентябре 1964 года премьер-министр Таге Эрландер подписал директиву, согласно которой «Секции спецанализов» выделялись бюджетные средства, а ее задачи определялись как проведение расследований особо деликатного свойства, важных с точки зрения безопасности государства. Эту директиву приняли к сведению, наряду с двенадцатью подобными делами, о которых заместитель начальника ГПУ/Без Ханс Вильгельм Франке доложил на одном из вечерних совещаний. Документ сразу пометили грифом секретности и внесли в имеющую аналогичный гриф особую учетную книгу ГПУ/Без.

Подпись премьер-министра означала, что «Секция» обрела юридический статус. Ее первый годовой бюджет составлял всего 52 000 крон. Столь скромный бюджет сам Гульберг считал гениальным ходом – в результате старт «Секции» представал пустяковым делом. На практике же подпись премьер-министра означала, что тот одобрил идею создания группы, которая

²⁰ Джеймс Хесус Энглтон (1917–1987) – руководитель контрразведывательных операций Центрального разведывательного управления США с 1954 по 1975 г. Ушел в отставку в результате скандала, связанного с незаконной слежкой ЦРУ за гражданами США внутри страны.

отвечала бы за «внутренний персональный контроль». Подпись могла, однако, означать и то, что премьер-министр не возражает против создания группы, которая отвечала бы за проверку «лиц, требовавших особо деликатного подхода» и за пределами Службы безопасности – например, самого премьер-министра. Последний момент как раз и мог стать потенциальным тормозом.

Эверт Гульберг отметил, что «Джонни Уокер» у него в бокале закончился. Особой склонности к алкоголю у него никогда не наблюдалось, но после долгого дня и долгого путешествия он решил, что на нынешнем этапе его жизни не имеет никакого значения, выпьет он один бокал виски или два. Так что вполне можно повторить, если уж на то пошло. Он налил себе еще порцию из миниатюрной бутылочки «Гленфиддик».

Самым деликатным из всего, чем ему пришлось заниматься, было, разумеется, дело Улофа Пальме.

День выборов 1976 года Гульберг запомнил от начала и до конца, в деталях и подробностях. Впервые в современной истории в Швеции к власти пришло буржуазное правительство. К сожалению, премьер-министром стал Турбьёрн Фельдин, а не Йёста Буман – выдвиже-нец старой закалки, который намного больше годился для этой должности. Но самое главное, Пальме потерпел поражение, и Гульберг мог теперь вздохнуть с облегчением.

Соответствовал ли Улоф Пальме должности премьер-министра или нет – эту тему очень любили обсуждать за обедом в самых тайных коридорах ГПУ/Без. В 1969 году Пера Гуннара Винге отправили в отставку после того, как тот обвинил Пальме в принадлежности к агентам влияния русской шпионской организации КГБ. Тогда в «Фирме» точку зрения Винге разделяли многие, но, к сожалению, во время своего визита в провинцию Норрботтен он рискнул открыто излагать свои взгляды в беседе с губернатором Рагнарсом Лассинантти. Губернатор дважды вскинул брови, а затем проинформировал правительственную канцелярию. В результате чего Винге велели явиться для индивидуальной беседы.

К досаде Эверта Гульберга, вопрос о возможных контактах Пальме с советской разведкой так и остался без ответа. «Секция» любой ценой пыталась докопаться до истины и отыскать решающие улики, *smoking gun*²¹, но так не смогла обнаружить никаких доказательств. С точки зрения Гульберга это свидетельствовало не столько о невиновности Пальме, сколько о его исключительном интеллекте и холодном расчете, благодаря которым он не совершал ошибок, типичных для других русских шпионов. Год за годом Пальме водил их за нос. В 1982 году, когда он вновь стал премьер-министром, этот вопрос снова обрел актуальность, но после того как прогремел выстрел на Свеавеген²², он так и остался риторическим – теперь уже навеки.

В 1976 году «Секции» пришлось столкнуться с массой проблем. В ГПУ/Безопасности лишь немногие знали о ее существовании. Тем не менее на «Секцию» обрушилась волна критики. За прошедшее десятилетие из Службы безопасности по подозрению в политической неблагонадежности уволили в общей сложности шестьдесят пять человек. В большинстве случаев представленная документация не содержала неопровержимых доказательств, и в результате некоторые высшие чины в ведомстве стали поговаривать о том, что «Секция» состоит из параноиков, сторонников «конспиративных теорий».

Гульберг до сих пор не мог успокоиться, вспоминая одно из дел, которое разбирала «Секция». Речь шла об одном принятом в 1968 году в ГПУ/Безопасность человеке, которого лично Гульберг считал явно неподходящим. Инспектор уголовного розыска Стиг Берглинг, лейтенант

²¹ Неопровержимые доказательства (англ.).

²² Свеавеген – улица в районах Васастан и Норрмальм, одна из главных улиц в центре Стокгольма, на которой произошло убийство Улофа Пальме.

шведской армии, как выяснилось позже, оказался полковником советской военной разведки ГРУ. Гульберг четыре раза пытался добиться увольнения Берглинга, и всякий раз его попытки игнорировались. И только в 1977 году, когда Берглинга стали подозревать уже и за пределами «Секции», ситуация изменилась. Лучше поздно, чем никогда.

Дело Берглинга стало беспрецедентным скандалом в истории шведской службы безопасности.

В первой половине 1970-х годов в адрес «Секции» начала раздаваться все более резкая критика, в середине десятилетия Гульбергу неоднократно предлагали урезать бюджет, а кое-кто даже осмеливался утверждать, что их деятельность никому не нужна.

Эта критика означала, что будущее «Секции» оказалось под вопросом. В то время приоритетным направлением в ГПУ/Безопасность считалась угроза терроризма – применительно к шпионажу, дело во всех отношениях скучное, касавшееся в основном сбившейся с пути молодежи, которая связалась с арабскими или пропалестинскими элементами. Службу безопасности прежде всего волновал вопрос, надо ли выделять дополнительные ассигнования отделу персонального контроля для проверки проживающих в Швеции иностранных граждан, или же и в дальнейшем считать это прерогативой отдела по работе с иностранцами.

В результате сей бюрократической и несколько эзотерической дискуссии «Секция» решила, что ей необходим еще один сотрудник, который пользовался бы доверием и смог бы форсировать ее деятельность по контролю – а на деле, по шпионажу – за сотрудниками отдела по работе с иностранцами.

Выбор пал на молодого человека, который работал в ГПУ/Безопасность с 1970 года и чей послужной список, а также политическая благонадежность позволяли считать, что он сможет успешно стать сотрудником «Секции». В свободное время этот молодой человек участвовал в работе организации «Демократический альянс», которую социал-демократические СМИ оценивали как крайне правую. «Секция» не считала данный фактотягчающим обстоятельством. Трое ее сотрудников уже состояли в «Демократическом альянсе», сама «Секция» сыграла определенную роль в его создании и даже оказывала «Союзу» некоторую финансовую поддержку. Нового сотрудника отобрали для «Секции» именно через эту организацию. Его звали Гуннар Бьёрк.

Эверту Гульбергу невероятно повезло: в тот самый день выборов 1976 года, когда Александр Залаченко решил остаться в Швеции и явился с просьбой предоставить ему политическое убежище в полицейский участок района Норрмальм, там как раз дежурил молодой Гуннар Бьёрк, сотрудник отдела по работе с иностранцами. Так и получилось, что Залаченко сразу попал в руки самого засекреченного агента.

Бьёрк оказался на высоте. Он сразу оценил роль Залаченко, прервал допрос и спрятал перебежчика в номере гостиницы «Континенталь». Причем Гуннар Бьёрк позвонил, чтобы сообщить об инциденте, не своему формальному начальнику из отдела по работе с иностранцами, а Эверту Гульбергу. Телефонный звонок раздался как раз тогда, когда помещения для голосования уже закрылись и, судя по всем сводкам, Пальме должен был проиграть. Гульберг как раз только что явился домой и уселся перед телевизором в ожидании результатов выборов. Поначалу он не слишком серьезно воспринял сообщение взволнованного дежурного, но затем все же отправился в отель «Континенталь», расположенный в двухстах пятидесяти метрах от гостиничного номера, где он на тот момент находился. И взял на себя командование делом Залаченко.

Начиная с этой минуты жизнь Эверта Гульберга радикальным образом изменилась. Слово «секретность» приобрело совершенно новое содержание и вес. Он решил создать вокруг перебежчика новую структуру.

В «Группу Залаченко» Гульберг автоматически включил Гуннара Бьёрка. Такое решение казалось оправданным и уместным, поскольку тот уже знал о существовании агента. Лучше было впустить его «внутрь», чем, рискуя безопасностью, оставить «снаружи». В результате Бьёрка передислоцировали с официального места работы, из отдела по работе с иностранцами, за письменный стол в квартире в районе Эстермалм.

В этой драматической ситуации Гульберг решил проинформировать лишь одного человека в ГПУ/Безопасность – шефа канцелярии, который и так уже знал о деятельности «Секции». Шеф канцелярии размышлял несколько суток, после чего заявил Гульбергу, что значение перебежчика слишком велико, поэтому необходимо проинформировать начальника ГПУ/Безопасность, а также правительство.

Недавно возглавивший ГПУ/Без бюрократ на тот момент знал о существовании «Секции спецанализов», но имел довольно смутное представление о том, чем она, собственно, занимается. Его назначили, чтобы разобраться с последствиями разоблачения деятельности Информационного бюро²³, и он уже рассчитывал на более высокий пост в полицейской иерархии. Из откровенной беседы с шефом канцелярии глава ГПУ/Без узнал, что «Секция» – тайная группа, созданная по решению правительства, которая выведена за рамки общей деятельности, и что расспрашивать о ней не следует. Поскольку управление на тот момент возглавлял человек, который в принципе не задавал вопросов, которые способны спровоцировать неприятные ответы, он понимающе кивнул, смирившись с существованием некой структуры под названием ССА и с тем, что ему нет до нее никакого дела.

Гульбергу не нравилась идея информировать начальника о Залаченко, но у него не осталось выбора. Подчеркнув жесткую необходимость абсолютной секретности, он заручился согласием и составил инструкции, согласно которым даже начальник ГПУ/Безопасность не имел права обсуждать эту тему у себя в кабинете, не предприняв особых мер предосторожности. Было решено, что «Секция спецанализов» займется Залаченко.

О том, чтобы информировать премьер-министра, который уходит в отставку, не могло быть и речи. А приступающий к своим обязанностям премьер занимался исключительно назначением министров и переговорами с остальными буржуазными партиями.

Только через месяц после назначения нового состава правительства начальник ГПУ/Безопасность вместе с Гульбергом поехал в Русенбад²⁴ и проинформировал нового премьер-министра. Гульберг категорически возражал против того, чтобы вообще ставить правительство в известность, но глава ГПУ/Без настоял на своем – утаить важные сведения от премьер-министра было бы безответственно с конституционной точки зрения. Напрягая свои ораторские способности, Гульберг пытался убедить премьера в том, что информация о Залаченко не должна выйти за пределы его кабинета – ни министр иностранных дел, ни министр обороны, ни кто-либо другой из членов правительства не должны ничего знать.

Новость о том, что русский шпион такого уровня попросил политического убежища в Швеции, буквально потрясла Фельдина. Он заявил, что даже из соображений справедливости обязан обсудить этот вопрос хотя бы с лидерами остальных двух партий, входящих в правительство. Гульберг был готов к такому повороту и разыграл козырную карту. Он перешел почти на шепот и сообщил, что в этом случае будет вынужден немедленно подать прошение об отставке. Эта угроза отрезвила Фельдина. По сути, она означала: если произойдет утечка информации и русские направят карательный отряд для ликвидации Залаченко, то премьер-министр будет нести за это персональную ответственность. А уж если человека, отвечавшего за безопасность перебежчика, вынудили уволиться, такое разоблачение обернется для Фельдина политической и медийной катастрофой.

²³ Информационное бюро – разведывательная структура при Министерстве обороны Швеции.

²⁴ Здание правительства в Стокгольме.

Фельдин, еще не слишком освоивший новую для себя роль премьер-министра, сдался. Он одобрил директиву, согласно которой ответственность за безопасность и дебрифинг²⁵ Залаченко возлагалась на «Секцию». Он также гарантировал, что информация о русском перебежчике не выйдет за пределы его кабинета. Все эти распоряжения немедленно зафиксировали в секретных архивах. Таким образом, Фельдин подписал директиву, которая лишала его права обсуждать этот вопрос. Иными словами, ему предстояло просто забыть о Залаченко.

Правда, Фельдин настоял на том, чтобы один из сотрудников его администрации, особо доверенный статс-секретарь, был проинформирован и смог взять на себя посреднические функции в делах, связанных с перебежчиком. Гульбергу пришлось с этим смириться. Он без труда мог бы справиться со статс-секретарем. Начальник ГПУ/Без остался вполне доволен. Теперь дело Залаченко обрело легитимный характер, а в данном случае это означало, что он снимал с себя всякую ответственность.

Гульберг тоже остался доволен. Ему удалось очертить вокруг себя некий эзотерический круг, находясь в котором, он полностью контролировал потоки информации. Он, и только он, теперь контролировал все, что связано с Залаченко.

Вернувшись к себе в кабинет, Гульберг сел за письменный стол и составил список людей, обладавших информацией о русском перебежчике. Список включал его самого, Гуннара Бьёрка, оперативного руководителя «Секции» Ханса фон Роттингера, его заместителя Фредрика Клинтонна, секретаря «Секции» Элеанор Баденбринк, а также двух сотрудников, в задачу которых входило записывать и анализировать информацию, полученную от Залаченко. Всего семеро. Про себя он назвал их «Внутренней группой».

За пределами «Секции» информацией обладали начальник ГПУ/Без, его заместитель и шеф канцелярии. Плюс премьер-министр и статс-секретарь. Итого двенадцать человек. Никогда еще сведения о столь секретной информации не удавалось ограничить столь избранной группой.

Но потом Гульберг помрачнел. В тайну был посвящен еще один человек, тринадцатый. В тот роковой день рядом с Гуннаром Бьёрком находился юрист Нильс Бьюрман. Но никому бы не пришло в голову включить его в состав «Секции» – он не являлся сотрудником Службы безопасности, а просто проходил практику в ГПУ/Без. Бьюрман не обладал ни знаниями, ни должным статусом. Гульберг взвешивал разные варианты и предпочел просто отсечь его от этой истории. Он пригрозил молодому адвокату пожизненным заключением за государственную измену, если тот хоть словом обмолвится о Залаченко, а также подкупил его обещанием в будущем снабжать его работой и даже лестью, что внушило Бьюрману чувство собственной значимости.

Гульберг проследил за тем, чтобы начинающий юрист получил место в солидной адвокатской фирме с достойной репутацией, и благодаря его стараниям Бьюрмана буквально завалили перспективными делами. Правда, тот оказался такой посредственностью, что просто не воспользовался предоставленными ему возможностями. Через десять лет он ушел из адвокатской фирмы и начал собственную практику, а спустя некоторое время открыл адвокатскую контору с единственной секретаршей на площади Уденплан.

Все последующие годы Гульберг держал Бьюрмана в поле зрения. Он перестал наблюдать за ним только в конце 1980-х годов, когда начался распад Советского Союза и дело Залаченко утратило актуальность.

Для начала «Секция» рассчитывала благодаря Залаченко разобраться в загадке Пальме – она неотрывно занимала Гульберга. Соответственно, Пальме стал первой темой, которую Гульберг зондировал во время долгого допроса перебежчика.

²⁵ В данном случае имеется в виду цикл бесед с перебежчиком с целью получения от него информации.

Однако надежды его не оправдались, поскольку Залаченко никогда в Швеции не работал и вообще ничего не знал об этой стране. Правда, до него доходили слухи о некоем «Красном всаднике» – высокопоставленном шведском или, возможно, скандинавском политике, работавшем на КГБ.

Гульберг составил список лиц, имеющих отношение к Пальме. В него входили Карл Лидбум, Пьер Шори, Стен Андерссон, Марта Ульвскуп и еще несколько человек. До конца жизни Гульберг будет раз за разом возвращаться к этому списку, но так и не получит ответа на свои вопросы.

Внезапно он стал одним из избранных. Его тепло приветствовали в элитарном клубе хорошо знавшие друг друга игроки, контакты между которыми осуществлялись на основе личной дружбы и доверия, а не через официальные каналы, в соответствии с бюрократическими правилами. Ему даже повезло встретиться с самим Джеймсом Хесусом Энглтоном и выпить виски в одном из закрытых клубов в Лондоне с шефом МИ-6.

Он стал одним из великих.

Гульберг никогда не смог бы похвастаться своими успехами, даже в мемуарах, которые опубликовали бы посмертно. Анонимность и скрытность – оборотные стороны его профессии. И еще постоянный страх, что Враг начнет следить за ним и за его маршрутами, и что он невольно выведет русских на след Залаченко.

Хотя по части конспирации и безопасности сам Залаченко вел себя как собственный злейший враг.

В первый год его анонимно поселили в служебной квартире, принадлежавшей «Секции». Ни в каких регистрах или официальных документах он не числился, и в «Группе Залаченко» считали, что впереди у них немало времени, чтобы срежиссировать его будущее. Только весной 1978 года перебежчик получил паспорт на имя Карла Акселя Бодина, а заодно и легенду. Его прошлое, зафиксированное в шведских регистрах, было от начала до конца фикцией. Но эта фикция внушала доверие и могла выдержать любую проверку.

Впрочем, зря они так старались. К этому времени Залаченко уже связался с этой проклятой шлюхой Агнетой Софией Саландер, носившей прежде фамилию Шёландер. Кстати, он даже посмел назвать ей свою настоящую фамилию – Залаченко.

Гульберг считал, что у бывшего шпиона в голове все помутилось. Он даже подозревал, что порою тому хочется, чтобы его разоблачили. Ему, казалось, требовалась эстрада и публичные выступления. Иначе объяснить его идиотскую тупость было трудно.

В его жизни появились шлюхи, он практиковал беспробудные запои, провоцировал инциденты с применением грубой силы, драки с охранниками ресторанов и многими другими. Залаченко попадал в шведскую полицию – трижды за пьянство и дважды за драки в ресторанах. И каждый раз «Секции» приходилось ограждать его от неприятностей и следить за тем, чтобы протоколы уничтожались, а записи в журналах изменялись. Гульберг приставил к нему Гуннара Бьёрка, чтобы тот почти круглосуточно курировал перебежчика. Все это было сопряжено с дополнительными сложностями, но ситуация оставалась безальтернативной.

А ведь все могло бы сложиться вполне удачно. В начале 1980-х годов Залаченко усмирили, и он начал приспособливаться к нормальной жизни. Но шлюху Саландер он так и не бросил; к тому же у них родились дочери, Камилла и Лисбет.

Лисбет Саландер.

Даже просто произносить ее имя Гульбергу было дискомфортно.

Еще когда девочкам было по девять или по десять лет, Лисбет вызывала у Гульберга чувство тревоги. Чтобы понять, что она не вполне нормальная, не обязательно быть психиатром. Гуннар Бьёрк докладывал, что она нетерпима по отношению к Залаченко, проявляет к нему жестокость и агрессию и, к тому же, похоже, несколько его не боится. Она была не слишком-то

словоохотлива, но демонстрировала свое недовольство самыми разными способами. Лисбет, конечно же, могла бы стать серьезным препятствием для спецслужб, но даже в самых смелых фантазиях Гульберг не мог представить себе, чем все в конце концов обернется. Больше всего на свете он боялся, что ситуация в семействе Саландер вызовет внимание социальных служб и спровоцирует какое-нибудь разбирательство, и тогда-то они сфокусируют свое внимание на персоне Залаченко. Он не раз настаивал, чтобы Залаченко оставил свою семью и вообще держался от нее подальше. Тот обещал, но все делал по-своему. У него появлялись и другие шлюхи. Почему-то они просто липли к нему. Но через несколько месяцев он всегда снова возвращался к Агнете Софии Саландер.

Чертов Залаченко.

Разве может шпион позволить своему пенису управлять своим поведением? Но Залаченко, казалось, пренебрегал всеми нормами и правилами, или, по крайней мере, считал себя выше их. Если бы он хотя бы просто трахал эту шлюху, еще ничего, но ведь он регулярно причинял своей подруге тяжкие телесные повреждения. Он, казалось, даже воспринимал это как забаву, как способ поиздеваться над своими опекунами из «Группы Залаченко», и избивал ее каждый раз только для того, чтобы доставить им неприятности.

В том, что Залаченко – не только подонок, но и психопат, Гульберг уже не сомневался, но выбирать ему не приходилось. У него был один-единственный перебежчик из агентов ГРУ, так что он не мог ими разбрасываться. И тот пользовался тем, что у Гульберга нет никакого выбора.

Он вздохнул. «Группа Залаченко» играла роль отряда чистильщиков, и от этого никуда не деться. Русский знал, что может позволить себе всякие вольности, а его кураторы потом утрясут его проблемы. Особенно он злоупотреблял своей безнаказанностью в отношении Агнеты Софии Саландер.

Предупреждения поступали с разных сторон. Когда Лисбет Саландер едва исполнилось двенадцать лет, она отделала папашу ножом. Раны оказались несерьезными, но его отвезли в больницу Святого Георгия, и «Группе Залаченко» пришлось немало потрудиться, чтобы все замять. В тот раз Гульберг затеял со своим подопечным очень серьезный разговор. Он обстоятельнейшим образом объяснял ему, что тот больше никогда не должен контактировать с семейством Саландер, и Залаченко пообещал. Больше полугода он не приближался к своей семье, но потом поехал домой к Агнете Софии Саландер и избил ее с такой жестокостью, что остаток своей жизни она провела в стенах лечебницы.

Но Гульбергу даже в страшном сне не могло присниться, что Лисбет Саландер окажется маньячкой и психопаткой, и что она способна изготовить самодельную зажигательную бомбу. В тот день разыгрался настоящий триллер.

Началась череда расследований, и вся «Операция Залаченко», то есть вся «Секция», повисла на очень тонком волоске. Если бы Лисбет заговорила, то Залаченко могли бы разоблачить. В таком случае под угрозой провала оказались бы операции, которые проводили в Европе последние пятнадцать лет. И потом, возник бы риск того, что «Секцию» начали бы тщательно проверять. Этому следовало воспрепятствовать любой ценой.

Гульберг не мог успокоиться. На фоне их публичной проверки дело Информационного бюро показалось бы просто невинной забавой. Если бы к архивам «Секции» открыли публичный доступ, то обнаружили бы обстоятельства, не вполне совместимые с конституцией, не говоря уже о многолетней слежке за Улофом Пальме и другими известными социал-демократическими деятелями. Даже спустя несколько лет после убийства Пальме эта тема носила весьма деликатный характер. В результате организовали бы комиссии по расследованию, а самого Гульберга и нескольких других сотрудников «Секции» обвинили бы в преступной деятельности. Более того, самые шустрые журналисты запустили бы версию, согласно которой за убийством Пальме стояла «Секция». А это, в свою очередь, привело бы к очередной серии разобла-

чений и обвинений. И самое ужасное заключалось в том, что за эти годы руководство Службы безопасности сменилось столько раз, что о существовании «Секции» не знал даже самый высший руководитель ГПУ/Без. Все контакты с ГПУ/Без в тот год застревали на столе нового заместителя начальника канцелярии, а он уже десять лет как являлся постоянным соучастником «Секции».

Сотрудников «Группы Залаченко» охватили панические настроения и страх. Нежелательное развитие событий предотвратил Гуннар Бьёрк – он завербовал психиатра, которого звали Петер Телеборьян.

Телеборьяна ангажировали по совершенно другому поводу – его пригласили в отдел контрразведки ГПУ/Безопасность консультантом по делу некоего предпринимателя, которого подозревали в промышленном шпионаже. Контрразведчики решили как можно более деликатно выяснить, как он поведет себя в стрессовой ситуации. Телеборьян – молодой перспективный психиатр – не болтал всякой чепухи и предлагал конкретные и деловые варианты. Благодаря его рекомендациям Служба безопасности смогла предотвратить самоубийство и обратить этого шпиона в двойного агента, поставлявшего своим работодателям дезинформацию.

После атаки Саландер на Залаченко Бьёрк привлек Телеборьяна к работе «Секции» как консультанта по особо важным делам. И теперь его помощь требовалась больше, чем когда-либо раньше.

Проблема решалась очень простым путем. Карла Акселя Бодина отправляли на реабилитационное лечение. Агнета София Саландер поступила в клинику на длительный срок, поскольку получила тяжелейшую травму головного мозга. Все полицейские отчеты аккумуляровались в ГПУ/Безопасность и через заместителя руководителя канцелярии передавались в «Секцию».

Петер Телеборьян только что получил должность заместителя главного врача в детской психиатрической клинике Святого Стефана в Уппсале. Всего-то и требовалось заключение судебно-психиатрической экспертизы, которое Бьёрк с Телеборьяном сочинили на пару. Затем они получили краткое и не слишком противоречивое заключение районного суда. Теперь речь шла о том, как представить дело. Конституционные нормы никто не нарушал. Ведь речь все-таки шла о государственной безопасности, народ должен был это понять.

А то, что Лисбет Саландер – невменяемая, было совершенно очевидно и не подлежало сомнению. Несколько лет в закрытой психиатрической лечебнице наверняка пошли бы ей на пользу. Гульберг кивнул и распорядился приступить к проведению операции.

Все детали пазла оказались на своих местах, и произошло это в то время, когда «Группу Залаченко» уже собирались распустить. Советский Союз прекратил свое существование, и вместе с ним канула в прошлое эпоха величия Залаченко. Перебежчик стал маргиналом и вышел из употребления.

«Группа Залаченко» выбила для него щедрое выходное пособие из фондов Службы безопасности. Они обеспечили и оплатили ему самое достойное реабилитационное лечение, а еще через полгода со вздохом облегчения отвезли Карла Акселя Бодина в Арланду²⁶ и снабдили билетом в Испанию в один конец. Ему недвусмысленно дали понять, что отныне пути Залаченко и «Секции» разошлись.

Этот эпизод стал достойным завершением карьеры Гульберга: через неделю он в силу своего возраста вышел на пенсию и передал бразды правления наследнику престола – Фредрику Клинтону. Теперь Гульберга приглашали только в качестве консультанта и советника по особо деликатным вопросам. Он пробыл в Стокгольме еще три года и почти ежедневно

²⁶ Международный аэропорт Стокгольма.

ходил на службу, но заданий становилось все меньше. Постепенно он сам себя сократил и вернулся в родной город Лахольм, выполняя кое-какие отдельные поручения на расстоянии. В первые годы регулярно ездил в Стокгольм, но с годами число этих поездок свелось к минимуму.

Теперь уже персона Залаченко перестала его занимать. И так было до тех самых пор, пока он не проснулся однажды утром и не обнаружил на первых полосах всех газет сенсационную новость – дочь Залаченко обвинялась в убийстве трех человек.

Эти новостные сводки вызвали у Гульберга ощущения дискомфорта и растерянности. Он прекрасно понимал, что Бьюрман не случайно оказался опекуном Саландер, но не видел в этом непосредственной опасности: ему казалось, что старая история Залаченко не может снова всплыть на поверхность.

Саландер конечно, психически больна. То, что она устроила кровавую оргию, Гульберга не удивляло. Но ему даже не приходило в голову, что это может быть связано с Залаченко, пока он не включил утренние новости и не услышал о событиях в Госсексберге. Тогда-то и начал звонить на свою бывшую службу и в конце концов купил билет в Стокгольм.

«Секция» оказалась на пороге самого опасного кризиса – с тех самых пор, как он ее создал. Все грозило рухнуть, как карточный домик.

Залаченко теперь мог сам добираться до туалета – после того, как больница снабдила его костылями, он научился перемещаться без посторонней помощи. Воскресенье и понедельник он посвятил тренировкам. У него по-прежнему адски болела челюсть, и он мог есть только жидкую пищу, но теперь уже начал вставать и передвигаться на короткие расстояния.

Почти пятнадцать лет жизни Залаченко привыкал к протезам и костылям. Передвигаясь по палате, он осваивал искусство перемещаться беззвучно. Но каждый раз, когда его правая ступня касалась пола, ногу пронзала резкая боль.

Вспомнив, что Лисбет Саландер лежит в одной из соседних палат, в непосредственной близости от него, Залаченко стиснул зубы. Он потратил целый день на то, чтобы разузнать: она находится через две двери направо.

Около двух часов ночи, через десять минут после последнего визита ночной сестры, наступила полная тишина. Залаченко с трудом поднялся и нащупал костыли. Приблизился к двери, прислушался, но ничего не услышал. Тогда он открыл дверь и выполз в коридор. Из комнаты медсестер доносилась тихая музыка. Залаченко добрался до двери в конце коридора, открыл ее и изучил лестничную клетку. Там имелись лифты. Он двинулся обратно по коридору. Проходя мимо палаты Лисбет Саландер, остановился, оперся на костыли и с полминуты поотдыхал.

Как раз в эту ночь медсестры закрыли дверь в ее палату.

Лисбет слышала в коридоре слабые шаркающие звуки и насторожилась. Она так и не смогла установить источник звука. Ей казалось, что по коридору что-то осторожно тащат. На мгновение все стихло, и Лисбет подумала, уж не почудилось ли ей, но через полторы минуты звуки послышались снова. Теперь звуки удалялись, но ощущение тревоги усилилось.

Где-то снаружи находится Залаченко.

Лисбет Саландер чувствовала себя зафиксированной на постели. Шея под гипсовым воротником чесалась. У нее возникло острое желание встать. Постепенно ей удалось сесть, но на большее сил не хватало. Она опустила обратно и положила голову на подушку.

Через некоторое время Лисбет ощупала воротник и обнаружила скреплявшие его кнопки, а потом расстегнула и швырнула его на пол. Ей сразу стало легче дышать.

Ей не помешало бы какое-нибудь оружие. Или хотя бы у нее появились силы, тогда она смогла бы подняться и покончить с ним – раз и навсегда.

Лисбет приподнялась на локте, зажгла ночник и огляделась. Ничего такого, что могло бы сыграть роль оружия, здесь не имелось. Потом ее взгляд упал на стол медсестры, стоявший возле стены, в трех метрах от ее кровати, и она заметила, что кто-то забыл там карандаш.

Лисбет подождала, пока ночная сестра совершит очередной обход, – сейчас к ней, похоже, заходят примерно каждые полчаса. Она предположила: очевидно, врачи считают, что ее состояние улучшается по сравнению с выходными, когда к ней заходили каждые пятнадцать минут или даже чаще. Сама Лисбет особой разницы не ощущала.

Снова оставшись одна, она напряглась, села и свесила ноги с кровати. К ее телу были прикреплены электроды, которые регистрировали пульс и дыхание, а кабели вели в ту же сторону, где лежал карандаш. Лисбет осторожно встала и вдруг покачнулась, полностью утратив равновесие. На секунду ей показалось, что она сейчас упадет в обморок, но Саландер оперлась о кровать и сфокусировала взгляд на столе перед собой, затем шаткой походкой дошла до места, протянула руку и схватила карандаш. Потом, пятясь, вернулась на кровать, и силы совершенно покинули ее.

Только через некоторое время она смогла вновь натянуть на себя одеяло.

Подняв карандаш, Лисбет пощупала кончик. Это был самый обычный карандаш из дерева, но свежезаточенный и острый, как шило. Вполне может сойти за колющее оружие, если ударить им в лицо или в глаз.

Она положила карандаш возле бедра, так, чтобы дотянуться до него в случае чего, и провалилась в сон.

Глава 6

Понедельник, 11 апреля

В понедельник Микаэль Блумквист встал утром в начале десятого и позвонил Малин Эрикссон, которая только-только заходила в редакцию «Миллениума».

– Привет, шеф-редактор, – сказал он.

– Я просто в шоке от того, что Эрики нет и что меня решили назначить новым главным редактором.

– Вот как?

– Она ушла. Ее письменный стол пуст.

– Тогда тебе, вероятно, придется потратить этот день на то, чтобы перебраться в ее кабинет.

– Я даже не знаю, что мне делать. Чувствую себя очень дискомфортно.

– Успокойся. Все решили, что в данной ситуации ты – лучший вариант. Да и вообще, ты в любой момент можешь обращаться ко мне и к Кристеру.

– Спасибо за доверие.

– Хорошо, – сказал Микаэль. – Работай как обычно. В ближайшее время мы будем решать проблемы по мере их появления.

– О'кей. Чем я могу тебе помочь?

Блумквист объяснил, что собирается остаться дома и весь день писать. До Малин вдруг дошло, что он докладывает ей так же, как, вероятно, докладывал Эрике Бергер о том, чем занимается. Ждет ли он каких-то комментариев с ее стороны. Или нет?

– У тебя есть для нас какие-нибудь поручения? – спросила она.

– Нет. Наоборот, если у тебя появятся поручения ко мне, звони. Я по-прежнему слежу за делом Саландер и решаю, что делать дальше, а все остальное, что касается журнала, – на твоей ответственности. Принимай решения. Я тебя поддержу.

– А если я буду принимать ошибочные решения?

– Если я увижу это или услышу, то скажу тебе. Но такое может произойти только в каком-то исключительном случае. В стандартной же ситуации ни одно решение не бывает на сто процентов правильным или ошибочным. Ты будешь принимать свои решения, скорее всего, не такие, какие приняла бы Эрика Бергер. А я в свою очередь принимал бы другие решения, и получился бы третий вариант. Но сейчас наступило время твоих решений.

– О'кей.

– Если хочешь стать дельным шефом, советуйся с другими. В первую очередь с Хенри и Кристером, потом со мной, и, наконец, самые сложные вопросы мы будем решать коллегиально на редакционных летучках.

– Я буду стараться.

– Ну и отлично.

Микаэль уселся на диване в гостиной с ноутбуком на коленях и проработал почти без перерывов весь понедельник. В итоге у него получился первый черновой вариант двух текстов, общим объемом в двадцать одну страницу. Эта часть материала была сфокусирована на убийстве их коллеги Дага Свенссона и его подруги Миа Бергман: он писал о том, над чем они работали, почему их убили и кто совершил эти убийства. Микаэль подсчитал, что для летнего тематического номера ему придется написать еще приблизительно сорок страниц. Теперь он размышлял над тем, как описать судьбу Лисбет Саландер, не нарушив ее права на неприкосновенность частной жизни. Блумквист ведь знал о ней такие секреты, которыми она ни в коем случае не хотела бы ни с кем делиться.

В понедельник Эверт Гульберг позавтракал в кафе «Фрейс» при гостинице. Он съел один тост и выпил чашку черного кофе. А потом взял такси и поехал на улицу Артиллеригатан, расположенную в районе Эстермалм. В 09.15 утра он позвонил в домофон, назвал свое имя, и ему тут же открыли. Гульберг поднялся на шестой этаж, где его прямо у лифта встретил пятидесятичетырехлетний Биргер Ваденшё – новый руководитель «Секции».

Когда Гульберг уходил на пенсию, Ваденшё был одним из самых молодых сотрудников «Секции». Так что Эверт даже не успел составить себе представление о нем.

Он предпочел бы по-прежнему видеть на этом месте дееспособного и решительного Фредрика Клинтона. Клинтон в свое время сменил Гульберга и возглавлял «Секцию» до 2002 года, когда диабет и болезни сосудов вынудили его выйти на пенсию. А что из себя представляет Ваденшё, Гульберг пока толком так и не понял.

– Привет, Эверт, – сказал Ваденшё, пожимая руку своему бывшему начальнику. – Хорошо, что вы нашли время приехать.

– Время – это почти единственное, в чем я не испытываю нехватки, – ответил Гульберг.

– Вы ведь знаете, нам не всегда удастся поддерживать тесные контакты с бывшими сослуживцами.

Проигнорировав эту реплику, Эверт Гульберг повернул налево, вошел в свой прежний кабинет и сел за круглый стол для переговоров, стоявший у окна. Вероятно, репродукции Шагала и Мондриана на стенах развесил Ваденшё, решил он. В его время тут висели чертежи знаменитых кораблей, таких как «Крунан» и «Васа»²⁷. В душе он был морским офицером и всегда мечтал о море, хоть и провел на нем всего несколько месяцев во время воинской службы. В целом комната выглядела почти точно так же, как и в момент его ухода на пенсию. О том, что с тех пор прошло немало времени, свидетельствовали только появившиеся в кабинете компьютеры.

Ваденшё принес кофе.

– Остальные сейчас подойдут, – сказал он. – Я подумал, что нам следует сначала переговорить вдвоем.

– Сколько человек осталось в «Секции» с моих времен?

– Кроме меня, здесь, в офисе работают только Отто Хальберг и Георг Нюстрём. Хальберг в этом году выходит на пенсию, а Нюстрёму исполняется шестьдесят. Все остальные новые. Кое с кем из них вы уже раньше встречались.

– Сколько всего человек сейчас работает в «Секции»?

– Мы провели небольшую реструктуризацию.

– Вот как?

– На сегодня у нас здесь на полных ставках работает семь человек. Мы сократили штатное расписание. Но всего внутри ГПУ/Без в «Секции» насчитывается тридцать один человек. Большинство из них сюда вообще не заглядывает, а занимается своим обычным делом и негласно собирает для нас материал.

– Тридцать один сотрудник.

– Плюс семь. Ведь эта система создавалась вами. Мы лишь слегка ее подкорректировали, так что сегодня уместно говорить о внутренней и внешней структуре. Когда мы набираем новые кадры, их на некоторый период освобождают от службы, и они проходят у нас обучение. Этим занимается Хальберг. Базовое обучение занимает шесть недель. Мы проводим его в военно-морской школе. Потом они возвращаются обратно на свои должности в ГПУ/Без, но теперь уже находятся на службе у нас.

– Ясно.

²⁷ Названия знаменитых шведских боевых кораблей XVII в., имевших несчастливую судьбу.

– Вообще-то эта система зарекомендовала себя позитивно. Большинство сотрудников даже не имеют понятия о существовании друг друга. А здесь, в «Секции», мы в основном принимаем рапорты. Правила с ваших времен фактически не изменились. Организация должна иметь горизонтальную структуру.

– А как обстоят дела с оперативной группой?

Ваденшё нахмурил брови.

Во времена Гульберга в «Секции» имелась маленькая оперативная группа, состоявшая из четырех человек, под командованием опытного инструктора Ханса фон Роттингера.

– Никак. Ведь Роттингер умер пять лет назад. У нас имеется молодой многообещающий сотрудник, который выполняет часть технической и оперативной работы, но обычно мы при необходимости ангажируем кого-нибудь из внешней организации. К тому же организовать прослушивание телефона или войти в квартиру теперь стало технически сложнее. Повсюду есть сигнализация и всякие другие прикамбасы...

Гульберг кивнул.

– А бюджет? – спросил он.

– Мы распоряжаемся примерно одиннадцатью миллионами в год. Треть идет на зарплаты, треть – на техническое обслуживание и треть – на оперативную деятельность.

– Значит, бюджет уменьшился?

– Немного. Правда, у нас сократился штат, то есть бюджет в пересчете на каждого сотрудника на самом деле увеличился.

– Понимаю. А в каких отношениях мы сейчас пребываем с Безом?

Ваденшё покачал головой.

– Шеф канцелярии и финансовый директор – свои люди. Формально только шеф канцелярии в курсе, чем мы занимаемся. Мы настолько засекречены, что нас просто не существует. Но на самом деле о нашем существовании знают еще несколько заместителей начальников. Которые всячески делают вид, что они не в курсе.

– Ясно. Следовательно, если возникнут проблемы, то для нынешнего руководства Службы безопасности это станет негативным сюрпризом. А как обстоят дела с руководством Министерства обороны и правительством?

– От Министерства обороны мы отгородились лет десять назад. А правительства сменяют друг друга.

– Значит, если начнется шторм, мы останемся в полном одиночестве?

Ваденшё кивнул.

– Это минус подобного менеджмента. Но очевидны и плюсы. Ведь наши задачи тоже изменились. После распада Советского Союза в Европе сложилась новая геополитическая ситуация. Нам все реже приходится охотиться за шпионами. Сейчас самое приоритетное направление нашей деятельности – терроризм. Но не менее важна оценка политической ориентации людей, занимающих ключевые посты.

– Это всегда было важно.

В дверь постучали. Гульберг увидел rispetабельно одетого мужчину лет шестидесяти и молодого человека в джинсах и пиджаке.

– Привет, ребята. Это Юнас Сандберг. Он проработал у нас четыре года и отвечает за оперативные дела. Я о нем рассказывал. А это Георг Нюстрём. Вы с ним встречались.

– Здравствуй, Георг, – сказал Гульберг.

Они пожали друг другу руки. Потом Гульберг обратился к Юнасу Сандбергу и спросил, разглядывая его:

– А ты откуда?

– Сейчас прямо из Гётеборга, – шутливо ответил Сандберг. – Я навещал его.

– Залаченко... – произнес Гульберг.

Сандберг кивнул.

– Присаживайтесь, господа, – сказал Ваденшё.

– А Бьёрк? – нахмурившись, поинтересовался Гульберг.

Ваденшё закурил сигариллу. Эверт снял пиджак и откинулся на спинку кресла за столом для совещаний.

Ваденшё взглянул на старца и удивился, до чего же тот исхудал.

– Его задержали в пятницу за нарушение закона о борьбе с проституцией, – ответил Георг Нюстрём. – Дело пока не возбудили, но он, в принципе, признал свою вину и уполз домой, поджав хвост. Сейчас живет в Смодаларё, в данный момент находится на больничном. В СМИ еще ничего не просочилось.

– Когда-то Бьёрк был одним из ведущих сотрудников «Секции», – сказал Гульберг. – Он играл ключевую роль в деле Залаченко... Что с ним случилось после того, как я ушел на пенсию?

– Он – один из очень немногих сотрудников, кто перешел из «Секции» обратно на внешнюю работу. Он ведь вылетал из гнезда и в ваше время.

– Да, тогда ему потребовался небольшой отдых, хотелось расширить кругозор. В восьмидесятых годах Бьёрк брал отпуск, уволился из «Секции» и работал военным атташе. До этого, начиная с семьдесят шестого года, работал с Залаченко дни и ночи напролет, и я решил, что ему действительно необходим тайм-аут. Он отсутствовал с восемьдесят пятого по восемьдесят седьмой год, а потом вернулся обратно.

– Можно сказать, что Бьёрк проработал в «Секции» до девяносто четвертого года, а потом перешел во внешнюю организацию. В девяносто шестом году его назначили заместителем начальника отдела по работе с иностранцами. Ему приходилось уделять очень много времени своим непосредственным обязанностям. Разумеется, он все время поддерживал контакты с «Секцией», и до самого последнего времени мы с ним регулярно общались – примерно раз в месяц.

– Значит, он болен?

– У него ничего особенно серьезного, просто сильные боли – грыжа межпозвоночного диска. В последние годы она его периодически беспокоит. Два года назад Бьёрк пробыл на больничном четыре месяца, а в прошлом году в августе снова слег. Он должен был приступить к работе первого января, но ему продлили больничный, и теперь он ждет операции.

– А больничный позволяет ему бегать по шлюхам, – прокомментировал Гульберг.

– Да, он ведь не женат и, если я правильно понял, в течение многих лет регулярно общался с проститутками, – сказал Юнас Сандберг, который до этого молчал почти полчаса. – Я читал рукопись Дага Свенссона.

– Ясно. И все же кто-нибудь может объяснить мне, что, собственно, произошло?

– Насколько мы понимаем, по всей видимости, всю эту карусель затеял именно Бьёрк. Иначе просто невозможно объяснить, как материалы расследования девяносто первого года попали в руки к адвокату Бьюрману.

– Который тоже проводил время, бегая по шлюхам? – поинтересовался Гульберг.

– Насколько мне известно, нет. Во всяком случае, в материале Дага Свенссона он не упоминается. Зато он являлся опекуном Лисбет Саландер.

Ваденшё вздохнул.

– Вероятно, это мой прокол. Ведь вы с Бьёрком нейтрализовали Саландер в девяносто первом году, отправив ее в психушку. Мы рассчитывали, что она пробудет там значительно дольше, но ей назначили наставника, адвоката Хольгера Пальмгрена, которому удалось ее оттуда вытащить. Он поместил ее в приемную семью. Вы к тому времени уже были на пенсии.

– А что случилось потом?

– Мы за нею следили. Ее сестра, Камилла Саландер, тем временем жила в другой приемной семье, в Уппсале. Когда им исполнилось по семнадцать лет, Лисбет Саландер вдруг углубилась в свое прошлое. Она начала разыскивать Залаченко и изучать все доступные ей официальные регистры. Каким-то образом – мы точно не знаем – ей удалось узнать, что сестре известно, где находится Залаченко.

– Но каким образом?

Ваденшё пожал плечами.

– Если честно, не имею понятия. Сестры несколько лет вообще не встречались, а потом Лисбет Саландер отыскала Камиллу и пыталась выудить из нее все, что той известно. Их встреча закончилась бурной ссорой и даже потасовкой.

– Вот как?

– В те месяцы мы внимательно следили за Лисбет. Мы также сообщили Камиллу о том, что ее сестра агрессивна и психически больна. Она-то и связалась с нами после внезапного визита Лисбет, и мы активизировали слежку.

– Значит, ее сестра была твоим информатором?

– Камилла Саландер смертельно боялась своей сестры. В любом случае, Лисбет привлекла к себе внимание и по другим эпизодам. Она неоднократно конфликтовала с сотрудниками социальной комиссии, и мы пришли к заключению, что она по-прежнему представляет угрозу разоблачения Залаченко. Потом произошел тот инцидент в метро...

– Она напала на педофила...

– Вот именно. Она проявляла склонность к агрессии, у нее наблюдались явные психические отклонения. Мы посчитали, что всем будет спокойнее, если снова спрятать ее в каком-нибудь интернате, и решили воспользоваться случаем. Этим занялись Фредрик Клинтон и фон Роттингер. Они снова призвали Петера Телеборьяна и затеяли через него процесс в суде, добиваясь того, чтобы снова поместить ее в закрытую лечебницу. Адвокатом Саландер назначили Хольгера Пальмгрена, и, вопреки всем прогнозам, суд встал на его сторону. С той лишь оговоркой, что ей назначат опекуна.

– Но Бьюрман-то каким образом оказался причастен к этому делу?

– Осенью две тысячи второго года Пальмгрена разбил инсульт. Мы по-прежнему следили за Саландер и вмешивались, если ее имя снова всплывало. Я проследил за тем, чтобы ее опекуном назначили Бьюмана. Заметьте: он понятия не имел о том, что она – дочь Залаченко. Расчет был прост – если она начнет болтать об отце, Бьюрман среагирует и поднимет тревогу.

– Бьюрман полный идиот. Его ни за что нельзя было подпускать к Залаченко и тем более к его дочери. – Гульберг посмотрел на Ваденшё. – Это серьезный просчет.

– Знаю, – сказал тот. – Но тогда это казалось правильным ходом, я ведь не мог предположить, что...

– Где сейчас находится ее сестра? Камилла Саландер?

– Мы не знаем. Когда ей исполнилось девятнадцать, она собрала вещи и покинула приемную семью. С тех пор о ней не было слышно ни звука. Она просто исчезла.

– О'кей, продолжай...

– У меня есть источник в полиции, который беседовал с прокурором Рикардом Экстрёмом, – сказал Сандберг. – Инспектор Бублански, который ведет расследование, полагает, что Бьюрман насиловал Саландер.

Гульберг взглянул на Сандберга с искренним изумлением, потом задумчиво провел рукой по подбородку.

– Насиловал? – переспросил он.

– У Бьюмана на животе обнаружена татуировка с текстом: «Я садист, свинья, подонок и насильник».

Сандберг положил на стол цветную фотографию, сделанную на вскрытии. Гульберг, широко раскрыв глаза, уставился на живот Бьюрмана.

– Значит, это дело рук дочери Залаченко?

– Скорее всего. Она вовсе не так уж безобидна. Ей удалось как следует поколотить двоих хулиганов из мотоклуба «Свапельшё МК».

– Дочь Залаченко, – повторил Гульберг и снова повернулся к Ваденшё. – Знаешь, я думаю, тебе стоит нанять ее на работу.

Ваденшё настолько опешил, что Гульбергу пришлось объяснить: он пошутил.

– О'кей. Давайте примем за рабочую гипотезу, что Бьюрман ее насиловал и она ему отомстила. Что еще?

– Объяснить, что именно произошло, мог бы, разумеется, только сам Бьюрман. Но побеседовать с ним затруднительно, поскольку он мертв. Он не должен был знать, что она дочь Залаченко – ни в одном официальном регистре это не отражено. И все же на каком-то этапе Бьюрман обнаружил связь между ними.

– Черт подери, Ваденшё, она ведь знала, кто ее отец, и могла в любую минуту рассказать об этом Бьюрману!

– Я знаю. Мы... Я просто-напросто свалил дурака.

– Непростительная некомпетентность, – сказал Гульберг.

– Знаю. Я уже много раз сожалел об этом. Но Бьюрман был одним из немногих, кто вообще знал о существовании Залаченко, и я тогда подумал, что уж лучше пусть он обнаружит, что Саландер – дочь Залаченко, чем если это станет известно совершенно неизвестному опекуну. Она ведь, в принципе, могла рассказать об этом кому угодно.

Гульберг дернул себя за ухо.

– Ладно... продолжайте.

– Конечно, мы лишь выдвигаем гипотезы, – кротко сказал Георг Нюстрём. – Но мы пришли к выводу, что Бьюрман надругался над Саландер, а она ответила ему... – Он показал на татуировку на фотографии со вскрытия.

– Она настоящая дочь своего отца, – произнес Гульберг с оттенком восхищения в голосе.

– В результате Бьюрман связался с Залаченко, чтобы тот разобрался со своей дочерью. Ведь у него, как известно, имелось больше причин ненавидеть Лисбет Саландер, чем у кого-либо другого. А Залаченко, в свою очередь, перепоручил дело ребятам из «Свапельшё МК» и этому Нидерману, с которым он общается.

– Но как Бьюрману удалось...

Гульберг умолк.

Ответ был очевиден.

– Бьёрк, – сказал Ваденшё. – Единственное объяснение тому, как Бьюрман мог найти Залаченко: информацией его снабдил Бьёрк.

– Черт возьми, – возмутился Гульберг.

Лисбет Саландер испытывала раздражение и тревогу. Утром у нее появились две медсестры, чтобы перестелить ей постель. Они сразу обнаружили карандаш.

– Надо же! Каким образом он тут оказался? – воскликнула одна из сестер и под разящим взглядом Лисбет сунула находку к себе в карман.

Она вновь оказалась безоружной и к тому же настолько беспомощной, что даже не могла протестовать.

В выходные Лисбет чувствовала себя очень плохо. У нее страшно болела голова, и ей давали болеутоляющие средства. В плече Саландер ощущала тупую боль, которая резко обострялась, если она делала неосторожное движение или меняла положение тела. Молодая женщина лежала на спине, все с тем же фиксирующим воротником вокруг шеи – его оставили

еще на несколько дней, пока рана в голове не начнет заживать. В воскресенье у нее поднялась температура до 38,7. Доктор Хелена Эндрин заметила на это, что инфекция все еще бродит по ее организму. Иными словами, Лисбет еще не выздоровела, и это было ясно и без термометра.

Надо же – она опять прикована к постели в казенном заведении... правда, на этот раз без фиксирующих ремней. Ремни в этот раз даже и не потребовались бы – Лисбет не могла даже сесть, не то что сбежать.

В понедельник днем ее навестил доктор Андерс Юнассон, и его лицо показалось ей знакомым.

– Привет! Вы меня помните?

Лисбет покачала головой.

– Вы были почти в бессознательном состоянии, но я разбудил вас после операции. Я же вас и прооперировал. Мне просто хочется узнать, как вы себя чувствуете и всё ли в порядке.

Саландер посмотрела на него с удивлением. Неужели не очевидно, что всё далеко не в порядке?

– Я слышал, что вы ночью сняли с себя воротник.

Она кивнула.

– Мы вам надели воротник не ради забавы, а чтобы вы не двигали головой, пока не начнется процесс заживления.

Врач внимательно смотрел на неразговорчивую девушку.

– Что ж, – сказал он под конец. – Я только хотел на вас взглянуть.

Уже подойдя к двери, он услышал ее голос.

– Юнассон, правильно?

Он обернулся и с удивлением улыбнулся ей.

– Все верно. Ну раз уж вы запомнили мое имя, стало быть, вы намного бодрее, чем я думал.

– Так это вы извлекали из меня пулю?

– Именно я.

– А вы не могли бы рассказать мне, как обстоят мои дела? Я ни от кого не могу добиться внятного ответа.

Врач вернулся к кровати и посмотрел ей в глаза.

– Вам повезло. Вам стреляли в голову, но, к счастью, пуля не задела ни одну жизненно важную область. Сейчас еще сохраняется риск кровоизлияния в мозг, поэтому нельзя, чтобы вы двигались. У вас в организме засела инфекция; похоже, она проникла через рану на плече. Если нам не удастся подавить инфекцию антибиотиками, возможно, придется вас снова оперировать. Процесс заживления ран будет болезненным. Но, судя по моим наблюдениям, есть все основания надеяться, что вы полностью поправитесь.

– У меня могут образоваться какие-то мозговые нарушения?

Юнассон сделал паузу, а потом кивнул.

– Да, такой риск имеется. Однако все признаки указывают на то, что все будет хорошо. Кроме того, существует возможность, что у вас в мозге образуются рубцы, которые могут создать проблемы – например, в виде эпилепсии или какой-нибудь другой напасти. Но, честно говоря, это из области теории. На сегодня все выглядит хорошо, вы поправляетесь. Если же в процессе излечения возникнут проблемы, тогда нам придется с ними разбираться. Я ответил достаточно ясно?

Она кивнула.

– Сколько времени мне придется так пролежать?

– Вы имеете в виду – в больнице? Пройдет, во всяком случае, недели две, прежде чем мы вас выпустим.

– Нет, я имею в виду – через какое время я смогу вставать, ходить и передвигаться?

– Не знаю. Это будет зависеть от того, как пойдет процесс заживления ран. Но мы сможем приступить к какой-либо форме физиотерапии не раньше, чем через две недели.

Лисбет долго и серьезно смотрела на него.

– У вас, случайно, нет сигареты? – спросила она.

Андерс Юнассон засмеялся и помотал головой.

– Сожалею. Курить здесь запрещено. Но я могу попросить, чтобы вам дали никотиновый пластырь или никотиновую жевательную резинку.

Она немного подумала и кивнула, потом снова посмотрела на него.

– Как дела у старого подлеца?

– С кем? Вы имеете в виду...

– С тем, кто поступил одновременно со мной.

– Похоже, вы с ним не дружите... Да ничего. Опасности для жизни нет, он вообще-то уже разгуливает на костылях. Чисто физически ему досталось сильнее, чем вам, и у него очень болезненная травма лица. Если я правильно понял, вы огрели его топором по голове...

– Он пытался меня убить, – сказала Саландер почти шепотом.

– Звучит зловеще. Мне пора идти. Хотите, чтобы я еще пришел вас навестить?

Лисбет немного подумала, потом кратко кивнула. Когда за ним закрылась дверь, она задумчиво уставилась в потолок. Залаченко дали костыли. Теперь ей стало ясно – вот какие звуки она слышала ночью.

Юнаса Сандберга, как самого молодого, послали организовывать ланч. Он вернулся с суши и легким пивом и начал выставлять еду на стол для совещаний. Эверт Гульберг ощутил даже приступ ностальгии – он вспомнил прежние времена, когда все происходило так же, если какая-нибудь операция вступала в критическую фазу и работа не прерывалась круглые сутки.

Разница, которую он отметил, заключалась, пожалуй, лишь в том, что в его время никому бы и в голову не пришла нелепая идея заказывать на ланч сырую рыбу. Он предпочел бы, чтобы Сандберг принес фрикадельки с пюре и брусничным соусом. Еще повезло, что он не успел как следует проголодаться, потому смог с легкостью отставить суши в сторону и съесть кусочек хлеба и запить минеральной водой.

Они продолжали дискуссию и за обедом. Но теперь уже следовало подвести итоги и решить, какие требуется принимать меры. Затягивать с принятием решений непозволительно.

– Я совсем не знал Залаченко, – сказал Ваденшё. – Каким он был тогда?

– Боюсь, что он ничуть не изменился, – ответил Гульберг. – Пройдоха, с почти фотографической памятью на детали. Но, по-моему, он просто настоящая скотина и, пожалуй, не вполне адекватен.

– Юнас, ведь ты вчера с ним встречался. Какое у тебя сложилось впечатление? – спросил Ваденшё.

Сандберг отставил еду.

– Он все держит под контролем. Я уже рассказывал, что он выдвинул нам ультиматум: либо мы должны явить чудо и отмазать его, либо он сдаст «Секцию» со всеми потрохами.

– Он, что, совсем спятил? Как мы можем замять то, что уже стало добычей прессы? – поинтересовался Георг Нюстрём.

– А ему наплевать, что в наших силах, а что нет. Он просто шантажирует нас, – сказал Гульберг.

– Как вы оцениваете ситуацию? Он приведет свою угрозу в исполнение? Он действительно расскажет все СМИ? – спросил Ваденшё.

– Это почти невозможно предсказать, – неторопливо проговорил Гульберг. – Залаченко не бросается пустыми угрозами; он поступит так, как ему будет выгоднее. В этом отношении он вполне предсказуем. Если сможет извлечь пользу из контактов со СМИ... чтобы добиться амнистии или смягчения наказания, он на это пойдет. Или если почувствует, что его предали, и захочет отомстить.

– Невзирая на последствия?

– Вот именно, невзирая на последствия. Ему важно доказать, что он сильнее нас.

– Но ведь даже если Залаченко заговорит, еще не факт, что ему поверят. Чтобы сопоставить факты, им придется свериться с нашими архивами. А этого адреса он не знает.

– Ты хотел бы рискнуть? Предположим, что Залаченко заговорит. А кто заговорит следом за ним? И что нам делать, если его слова подтвердит Бьёрк? А еще есть Клинтон, который прикован к диализному аппарату... Что произойдет, если он станет религиозным фанатиком и ополчится на всех и вся? А что, если ему захочется покаяться в грехах? Уж поверь мне, если кто-нибудь заговорит, то «Секции» конец.

– Но... Что же нам делать?

Все умолкли. Первым нарушил молчание Гульберг.

– Проблему нужно разъять на несколько частей. Во-первых, мы должны прикинуть, каковы будут последствия, если Залаченко заговорит. На наши головы обрушится вся проклятая конституционная Швеция. Нас уничтожат. Я думаю, многих служащих «Секции» ждет тюрьма.

– Но, с правовой точки зрения, наша деятельность легальна, мы ведь работаем по поручению правительства.

– Не болтай чепухи, – сказал Гульберг. – Ты и сам не хуже меня знаешь, что туманно сформулированная бумага, написанная в середине шестидесятых годов, сегодня ничего не стоит. Думаю, никому из нас не хотелось бы на своей шкуре проверить, что произойдет, если Залаченко заговорит.

Все снова умолкли.

– Стало быть, мы должны исходить из того, что необходимо заставить Залаченко замолчать, – подытожил Георг Нюстрём.

Гульберг кивнул.

– А для того, чтобы заставить его заткнуться, мы должны его подкупить, предложив ему нечто существенное. Но в том-то и дело, что он непредсказуем. Он с таким же успехом может «спалить» нас просто так, из вредности. Надо подумать, как мы можем его остановить.

– А он требует, чтобы мы помогли замять его дело и отправили Лисбет Саландер в психушку, – напомнил Юнас Сандберг.

– Ну, уж с Саландер мы как-нибудь справимся. Угрозу представляет сам Залаченко. И потом нам предстоит решить вторую часть проблемы – как ограничить масштабы потенциального ущерба. Заключение, составленное Телеборьяном в девяносто первом году, стало достоянием гласности и потенциально таит в себе не меньшую угрозу, чем Залаченко.

Георг Нюстрём кашлянул.

– Как только мы обнаружили, что заключение обнаружилось и попало в полицию, я принял меры. Я велел нашему юристу Форелиусу связаться с генеральным прокурором. Тот потребовал, чтобы у полиции отобрали все экземпляры заключения, и запретил распространять или копировать его.

– Что известно генеральному прокурору? – спросил Гульберг.

– Вообще ничего. Он действует по официальному запросу ГПУ/Без, ведь речь идет о засекреченном материале, и у генерального прокурора нет выбора. Он просто не может действовать иначе.

– Хорошо. А кто прочитал этот отчет в полиции?

– У них имелись две копии, которые прочли Бублански, его коллега Соня Мудиг и наконец, руководитель предварительного следствия Рикард Экстрём. Мы, пожалуй, можем исходить из того, что еще двое полицейских... – Нюстрём полистал свои записи, – некие Курт Свенссон и Йеркер Хольмберг, по крайней мере, знакомы с содержанием документа.

– Значит, четверо полицейских и прокурор... Что нам о них известно?

– Прокурор Экстрём, сорок два года. Считается восходящей звездой. Работал следователем в Министерстве юстиции, занимался несколькими резонансными делами. Старательный. Сосредоточен на пиаре. Карьерист.

– Социал-демократ? – спросил Гульберг.

– Вероятно. Но не слишком активный.

– А расследованием, значит, руководит Бублански... Я видел его по телевизору на пресс-конференции. Похоже, он не любит выступать перед камерами.

– Ему пятьдесят два года, и у него очень внушительный послужной список. Но он имеет репутацию строптивного и упрямого человека. Он еврей, и довольно ортодоксальный.

– А эта женщина... Кто она такая?

– Соня Мудиг. Замужем, тридцать девять лет, имеет двоих детей. Сделала стремительную карьеру. Петер Телеборьян считает ее чересчур эмоциональной. Она все время во всем сомневается, все переспрашивает, все перепроверяет.

– О'кей.

– Курт Свенссон – мачо. Тридцать восемь лет. Изначально работал в отделе по борьбе с организованной преступностью в Сёдерурте и прославился пару лет назад, застрелив хулигана. Был оправдан по всем пунктам обвинения. Кстати, именно его Бублански посылал арестовывать Гуннара Бьёрка.

– Понятно. Случай с убийством нам следует записать в актив. Если потребуется поставить под сомнение действия команды Бублански, мы всегда сможем зацепиться за этого Свенссона как за профессионально непригодного полицейского. Полагаю, у нас сохранились соответствующие контакты в СМИ... А последний парень?

– Йеркер Хольмберг, пятьдесят пять лет, из Норрланда. На самом деле он следователь, специалист по обследованию места преступления. Пару лет назад ему предлагали пройти курсы, чтобы стать комиссаром, но он отказался. Его, похоже, вполне устраивает теперешняя работа.

– Кто-нибудь из них увлекается политикой?

– Нет. Отец Хольмберга в семидесятые годы был муниципальным советником от Партии центра.

– Ну и ну... Короче, группа состоит из весьма приличных парней. Можно предположить, что она достаточно сплоченная. Можем ли мы их как-нибудь изолировать?

– Есть еще и пятый полицейский, – сказал Нюстрём. – Ханс Фасте, сорок семь лет. Мне удалось узнать, что между Фасте и Бублански возникли серьезные разногласия – настолько серьезные, что Фасте взял больничный.

– Что нам о нем известно?

– Он вызывает неоднозначную реакцию. У него солидный послужной список и никаких серьезных нареканий в протоколе. Профессионал. Но с ним трудно иметь дело. Похоже, что он поссорился с Бублански из-за Лисбет Саландер.

– Как?

– Кажется, Фасте на полном серьезе воспринял историю о банде сатанисток-лесбиянок, о которой писали газеты. Он явно ненавидит Саландер и сам факт ее существования считает личным оскорблением. По всей видимости, именно он сфабриковал многие слухи. Я узнал от бывшего коллеги, что Фасте вообще с трудом работает вместе с женщинами.

– Любопытно, – сказал Гульберг и, немного поразмыслив, продолжил: – Поскольку газеты уже писали о банде лесбиянок, возможно, стоило бы развить эту линию. Симпатии к Саландер это, пожалуй, не прибавит.

– Но ведь полицейские, читавшие расследование Бьёрка, могут стать у нас на пути. Не могли бы мы их как-нибудь изолировать? – спросил Сандберг.

Ваденшё закурил новую сигариллу.

– Предварительное следствие возглавляет Экстрём...

– Однако самый главный там Бублански, – сказал Нюстрём.

– Да, но даже он не может нарушать административный протокол.

Ваденшё погрузился в размышления. А потом посмотрел на Гульберга.

– У вас больше опыта, чем у меня, но у всей этой истории столько нитей и ответвлений...

По-моему, было бы уместно развести Бублански и Мудиг в одну сторону, а Саландер – в другую.

– Отлично, Ваденшё, – сказал Гульберг. – Мы так и сделаем. Бублански возглавляет расследование убийства Бьюрмана и той пары из Эншеде. Саландер в этой связи больше не актуальна. Теперь речь идет о том немце, Нидермане. Значит, Бублански с его командой надо сосредоточиться на поисках Нидермана...

– О'кей.

– К Саландер они больше не имеют отношения. Кроме того, еще инициировано расследование событий в Нюкварне... Там ведь три старых убийства, которые, вроде бы, связаны с Нидерманом. Расследованием пока занимается группа из Сёдертелье, но эти два дела следует объединить. Значит, на некоторое время Бублански будет занят. Кто знает, может, ему и удастся схватить этого Нидермана...

– Не уверен.

– А этот Фасте... Можно ли вернуть его на работу? Кажется, ему можно поручить проверку подозрений в отношении Саландер.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – сказал Ваденшё. – Следовательно, надо заставить Экстрёма развести эти два дела. Но сможем ли мы контролировать его?

– По идее, сможем, – ответил Гульберг, покосившись на Нюстрёма.

Тот кивнул:

– Об Экстрёме я позабочусь. Думаю, сейчас он просто мечтает забыть обо всем, что касается Залаченко. Он передал отчет Бьёрка по первому же требованию ГПУ/Без и уже заявил, что, разумеется, будет неукоснительно соблюдать все инструкции, связанные с государственной безопасностью.

– Что ты собираешься предпринять? – с подозрением спросил Ваденшё.

– Дайте мне разработать сценарий, – ответил Нюстрём. – Полагаю, мы просто-напросто деликатно объясним ему, как он должен действовать, если не хочет, чтобы его карьера резко оборвалась.

– Самую серьезную проблему представляет третья часть нашего пазла, – сказал Гульберг. – Ведь полиция обнаружила досье Бьёрка не собственноручно... Она получила его от какого-то журналиста. А СМИ, как вы все понимаете, в нашем случае – это проблема. Особенно «Миллениум».

Нюстрём открыл свой блокнот.

– Микаэль Блумквист, – произнес он.

Все присутствующие слышали о деле крупного афериста Ханса Эрика Веннерстрёма, и имя Микаэля Блумквиста было им знакомо.

– Даг Свенссон – журналист, которого убили, – работал в «Миллениуме». Он собирал материал о траффикинге и в результате вышел на Залаченко. Труп Свенссона обнаружил

именно Микаэль Блумквист. Кроме того, он знаком с Лисбет Саландер и все время отстаивал тезис о ее невиновности.

– Но откуда, черт возьми, он может знать дочь Залаченко? Это кажется слишком подозрительным совпадением.

– А мы и не считаем, что это случайность, – сказал Ваденшё. – Скорее всего Саландер является чем-то вроде связующего звена между всеми ними. Каким именно образом, нам пока неясно, но это единственное разумное предположение.

Гульберг молча начертил у себя в блокноте несколько концентрических окружностей, потом наконец поднял взгляд.

– Мне необходимо немного над этим поразмыслить. Пойду прогуляюсь. Встретимся снова через час.

Но прогулка заняла у Гульберга не час, как он обещал, а почти четыре часа. Он погулял десять минут, а потом нашел кафе, где подавали кофе самых экзотических типов, заказал чашку самого обычного черного кофе и уселся за угловой столик возле входа. Эверт напряженно размышлял, пытаясь распутать все узлы и время от времени что-то записывал в ежедневник.

Через полтора часа у него начал вырисовываться план.

План был так себе, но, перебирая всевозможные варианты, Гульберг пришел к выводу, что проблема требует принятия безотлагательных мер.

К счастью, есть человеческие ресурсы, и план вполне выполним.

Гульберг поднялся, нашел телефонную будку и позвонил Ваденшё.

– Нам придется еще ненадолго отложить встречу, – сообщил он. – Я должен еще кое-что сделать. Мы можем собраться в четырнадцать ноль-ноль?

Затем Гульберг дошел до площади Стуреплан и остановил такси. Вообще-то скромная пенсия государственного служащего не позволяла ему так роскошествовать, но, с другой стороны, он пребывал в том возрасте, когда уже не имело смысла копить деньги на какие-нибудь излишества. Гульберг назвал водителю адрес в районе Бромма.

Доехав через некоторое время до названного адреса, он пешком прошел квартал в сторону к югу и позвонил в дверь небольшого частного дома. Ему открыла женщина лет сорока.

– Добрый день. Мне нужен Фредрик Клинтон.

– А кто его спрашивает?

– Старый коллега.

Женщина кивнула и проводила его в гостиную, где с дивана с трудом поднимался Фредрик Клинтон. Ему было только шестьдесят восемь лет, но выглядел он намного старше. Диабет и проблемы с сосудами постепенно разрушали организм.

– Гульберг, – удивленно произнес Клинтон.

Они довольно долго разглядывали друг друга, потом крепко обнялись.

– Я уже не думал, что когда-нибудь снова тебя увижу, – сказал Клинтон. – Наверняка, ты видел вот это.

И он показал на первую полосу вечерней газеты с фотографией Рональда Нидермана и заголовком «Убийцу полицейского ищут в Дании».

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Гульберг.

– Я болен.

– Вижу.

– Если мне не пересадят почку, я скоро умру. А вероятность получения новой почки крайне мала.

Гульберг кивнул.

Женщина подошла к дверям гостиной и спросила, не угостить ли Гульберга чем-нибудь.

– Кофе, пожалуйста, – ответил он, и когда она ушла, поинтересовался у Клинтона: – Кто эта женщина?

– Моя дочь.

Гульберг кивнул. Несмотря на тесное общение на протяжении долгих лет совместной работы в «Секции», в свободное время почти никто из коллег друг с другом не встречался. Гульберг в мельчайших подробностях знал черты характера своих сотрудников, их сильные и слабые стороны, но имел лишь смутное представление об их семьях. С Клинтон он, пожалуй, общался самым тесным образом в течение двадцати лет. Гульберг знал, что Клинтон женат и что у него есть дети, однако имена дочери и бывшей жены или как Клинтон обычно проводит отпуск, ему известны не было. Слово все, что находилось за пределами «Секции», считалось закрытой темой и не обсуждалось.

– Зачем я тебе понадобился? – спросил Клинтон.

– Мне бы хотелось узнать, какого ты мнения о Ваденшё.

Бывший коллега покачал головой:

– Мне нет до него никакого дела.

– Я спрашиваю тебя потому, что ты знаешь его, он ведь проработал с тобой десять лет.

Клинтон вновь покачал головой:

– Сегодня «Секцией» руководит он. Мое мнение никому не интересно.

– Он справляется?

– Он не дурак.

– Но...

– Аналитик. Умеет составлять мозаику из отдельных элементов. Обладает интуицией. Непревзойденный администратор, у него всегда сходится бюджет, да так, как мы даже и не мечтали.

Гульберг кивнул. Но о самом существенном качестве Клинтон не упомянул.

– Ты готов вернуться на службу?

Клинтон посмотрел на Гульберга и долго колебался, прежде чем ответить.

– Эверт... Я через день провожу по десять часов при диализном аппарате в больнице.

Поднимаясь по лестнице, я почти задыхаюсь. У меня нет сил. Совсем нет.

– Ты мне нужен. Последняя операция.

– Я не могу.

– Можешь. Ты сможешь через день проводить по десять часов на диализе. Ты сможешь не ходить по лестнице, а будешь ездить на лифте. А если потребуется, я устрою так, что тебя будут носить на руках – туда и обратно. Мне нужен твой интеллект.

Клинтон вздохнул.

– Ну ладно, колись, – сказал он.

– Мы столкнулись с чрезвычайно сложной ситуацией, которая требует оперативного вмешательства. Весь оперативный отдел Ваденшё состоит из юного сопливого щенка, Юнаса Сандберга, да и у самого Ваденшё, по-моему, нет точки опоры, которая нужна для того, чтобы что-то предпринять. Может, он и мастер показывать фокусы с бюджетом, но боится принимать оперативные решения и привлекать «Секцию» к конкретным задачам, без которых никак не обойтись.

Клинтон кивнул, потом улыбнулся.

– Операция должна вестись по двум разным фронтам. Одна ее часть касается Залаченко. Мне надо заставить его протрезветь и опомниться, и, думаю, я знаю, как мне следует действовать. Вторую часть работы придется выполнять здесь, в Стокгольме. Проблема в том, что в «Секции» нет никого, кто бы мог с этим справиться. Мне нужно, чтобы ты принял командование на себя. Это будет твой последний вклад. Я разработал план. Юнас Сандберг и Георг Нюстрём будут выполнять черную работу, а ты – руководить операцией.

– Ты не понимаешь, чего требуешь.

– Нет, я понимаю, чего требую. А соглашаться или нет, решать тебе. Но либо мы, старики, вносим свою лепту, либо через пару недель «Секция» прекратит свое существование.

Клинтон оперся локтем о подлокотник дивана и опустил голову на ладонь, задумавшись минуты на две.

– Поделись, какой у тебя план, – сказал он под конец.

После этого Эверт Гульберг с Фредриком Клинтоном проговорили еще два часа.

Когда без трех минут два Гульберг вернулся, ведя за собой Фредрика Клинтона, Ваденшё не поверил своим глазам. Клинтон по виду напоминал скелет. Он переводил дыхание, опершись о плечо Гульберга, – казалось, что он ходит и дышит с трудом.

– Что происходит? – поинтересовался Ваденшё.

– Давайте продолжим совещание, – коротко сказал Гульберг.

Все вновь собрались за столом в кабинете Ваденшё.

Клинтон молча опустился в предложенное ему кресло.

– Все вы знаете Фредрика Клинтона, – начал Гульберг.

– Да, – ответил Ваденшё. – Вопрос в том, что он тут делает.

– Клинтон решил вернуться к активной работе. Он будет руководить оперативным отделом «Секции», пока мы не преодолеем нынешний кризис.

Гульберг поднял руку и отклонил протест Ваденшё еще до того, как тот успел его сформулировать.

– Клинтону тяжело. Ему потребуется помощь. Ему необходимо регулярно ложиться в клинику на диализ. Ваденшё, ты наймешь двух персональных ассистентов, которые будут оказывать ему любую практическую помощь. Но я хочу, чтобы вы твердо уяснили: все оперативные решения по этому делу будет принимать Клинтон.

Гульберг замолчал и подождал, но никто не рискнул возражать.

– У меня есть план. Думаю, что мы в силах справиться, но нам необходимо действовать безотлагательно, чтобы не упустить шансы, – продолжил он. – Кроме того, вопрос в том, насколько решителен нынешний состав «Секции».

Ваденшё воспринял реплику Гульберга как вызов.

– Расскажите.

– Во-первых, насчет полиции мы уже все обсудили. Поступим так, как запланировали. Постараемся нейтрализовать их, переориентируем дальнейшее расследование на побочную линию – поиски Нидермана. Этим займется Георг Нюстрём. Нам неважно, как сложится судьба Нидермана. Мы проследим за тем, чтобы Фасте поручили расследовать дело Саландер.

– Вероятно, это большого труда не составит, – сказал Нюстрём. – Я просто один на один побеседую с прокурором Экстрёмом.

– А если он заартачится...

– Не думаю. Он карьерист, и для него важнее всего собственная шкура. Но если возникнут осложнения, я, пожалуй, смогу найти какой-нибудь рычаг давления. Вряд ли ему захочется оказаться замешанным в скандал.

– Отлично. Теперь шаг номер два – это «Миллениум» и Микаэль Блумквист. Поэтому Клинтон и вернулся на службу, потому что требуются чрезвычайные меры.

– Я, наверное, не смог бы это одобрить, – сказал Ваденшё.

– Скорее всего, нет. Но манипулировать «Миллениумом» нам не удастся. Дело в том, что к ним попал в руки один-единственный документ – полицейский отчет Бьёрка от девяносто первого года. В данный момент, я полагаю, этот документ находится в двух, возможно, в трех местах. Отчет нашла Лисбет Саландер, но его каким-то образом заполучил Микаэль

Блумквист. Это означает, что, пока Саландер была в бегах, она каким-то образом контактировала с Блумквистом.

Клинтон поднял палец и впервые заговорил после того, как пришел:

– Судя по этим фактам, мы можем составить впечатление о характере нашего противника. Блумквист не боится идти ва-банк. И дело Веннерстрёма – тому пример.

Гульберг кивнул.

– Блумквист передал отчет главному редактору Эрике Бергер, которая, в свою очередь, показала его Бублански. Значит, она тоже ознакомилась с документом. Предполагаю, что у Блумквиста есть копия, а еще одна имеется в редакции.

– Звучит убедительно, – согласился Ваденшё.

– «Миллениум» выходит раз в месяц, следовательно, их публикация появится не завтра. Значит, у нас есть время, однако необходимо заполучить обе эти копии. И тут мы не сможем действовать через генерального прокурора.

– Ясно.

– Значит, нам предстоит возобновить оперативную деятельность и организовать кражу со взломом у Блумквиста и в редакции «Миллениума». Ты справишься с этим, Юнас?

Юнас Сандберг покосился на Ваденшё.

– Эверт, ради бога, поймите нас... Мы такими вещами больше не занимаемся, – сказал тот. – Времена изменились, и теперь мы занимаемся взломом компьютеров, теленаблюдением и тому подобным. Для оперативной деятельности у нас нет ресурсов.

Гульберг склонился над столом.

– Ваденшё! Значит, тебе придется немедленно раздобыть ресурсы для оперативной деятельности. Найми людей со стороны. Найми головорезов из югославской мафии, которые, если потребуется, дадут Блумквисту по башке. Но эти две копии необходимо изъять. Если отнять у них копии, без документов они ничего не смогут доказать. Если ты с этим не справишься, тогда лежи жопой кверху и жди, когда к тебе постучатся ребята из Отдела защиты конституции.

Гульберг и Ваденшё уставились друг на друга.

– Я могу это устроить, – неожиданно сказал Юнас Сандберг.

Гульберг покосился на молодого сотрудника.

– А ты уверен, что сумеешь провести такую акцию?

Сандберг кивнул.

– Хорошо. Отныне твоим начальником является Клинтон. Подчиняться будешь непосредственно ему.

Сандберг снова кивнул.

– В некоторых потребуются вести наблюдение. Наши оперативные ресурсы необходимо усилить, – сказал Нюстрём. – У меня кое-кто имеется на примете. Во внешней организации есть парень по имени Мортенссон, который работает в Безе, в отделе личной охраны. Он никого не боится и, по-моему, далеко пойдет. Я уже давно собирался перевести его сюда, во внутреннюю организацию, и даже взвешивал, не подойдет ли он на роль моего преемника.

– Звучит многообещающе, – сказал Гульберг. – Пусть это решает Клинтон.

– У меня есть еще одна новость, – продолжил Георг Нюстрём. – Боюсь, что существует и третья копия.

– Где?

– Мне сегодня днем сообщили, что у Лисбет Саландер теперь есть адвокат. Ее зовут Анника Джаннини, и она сестра Микаэля Блумквиста.

Гульберг кивнул.

– Ты прав. Блумквист наверняка снабдил сестру копией, иначе просто быть не может. Иными словами, нам некоторое время придется пристально наблюдать за всеми троими: за Бергер, Блумквистом и Джаннини.

– По поводу Бергер, думаю, нам беспокоиться не следует. Сегодня появился пресс-релиз о том, что она назначена главным редактором «Свенска моргонпостен». К «Миллениуму» она больше отношения не имеет.

– Хорошо. Но все-таки надо ее проверить. Что касается «Миллениума», то нам придется организовать прослушивание телефонов квартир сотрудников и, разумеется, редакции. Нам необходимо контролировать их электронную почту. Надо знать, с кем они встречаются и о чем беседуют. Хорошо бы также узнать их планы относительно разоблачения. Но прежде всего мы должны отобрать у них отчет. Иными словами, мы должны предусмотреть массу деталей.

– Эверт, вы намерены нацелить нас на оперативную деятельность против редакции журнала, – усомнился Ваденшё. – Это же самый опасный путь.

– У тебя нет выбора. Либо ты должен напрячься и начинать действовать, либо самое время передать бразды правления кому-нибудь другому.

Эта фраза прозвучала как вызов и тучей повисла над столом.

– Я думаю, что смогу справиться с «Миллениумом», – сказал наконец Юнас Сандберг. – Но это не решает главной проблемы. Что нам делать с вашим Залаченко? Если он заговорит, все остальные усилия пойдут насмарку.

Гульберг кивнул.

– Знаю. Это моя часть операции. Я думаю, что у меня имеется аргумент, способный заставить Залаченко замолчать. Но это потребует некоторых усилий. Я сегодня же еду в Гётеборг.

Он умолк и оглядел всех вокруг. От его пронизательного взгляда Ваденшё вздрогнул.

– В мое отсутствие все оперативные решения будет принимать Клинтон, – сказал Гульберг.

После короткой паузы Ваденшё кивнул.

Только в понедельник вечером доктор Хелена Эндрин, после консультаций с коллегой Андерсом Юнассоном, признала состояние Лисбет Саландер настолько стабильным, что ей разрешили принимать посетителей.

Первыми к ней пропустили двух инспекторов уголовной полиции, которым разрешили задавать ей вопросы в течение пятнадцати минут. Лисбет молча наблюдала за тем, как к ней в палату вошли двое полицейских и пододвинули к себе стулья.

– Здравствуйте. Я инспектор уголовной полиции – Маркус Эрландер. Я работаю в отделе по борьбе с особо тяжкими преступлениями здесь, в Гётеборге. А это – моя коллега Соня Мудиг из Стокгольмской полиции.

Лисбет Саландер не ответила на приветствие, лицо ее оставалось безучастным. Она узнала Соню Мудиг – это инспектор из группы Бублански.

Эрландер холодно улыбнулся Лисбет.

– Меня предупредили, что обычно вы не слишком многословны с представителями власти. В таком случае хочу довести до вашего сведения, что вам не требуется ничего говорить. Однако я был бы признателен, если б вы уделите нам время и выслушали нас. У нас много дел и слишком мало времени, чтобы обсудить все сегодня. В дальнейшем нам представится еще не одна возможность поговорить.

Лисбет Саландер промолчала.

– Итак, во-первых, я хочу довести до вашего сведения: ваш друг Микаэль Блумквист сообщил нам, что адвокат по имени Анника Джаннини готова представлять ваши интересы и полностью в курсе дела. Блумквист утверждает, что уже раньше при каких-то обстоятельствах называл вам ее имя. Мне необходимо, чтобы вы подтвердили или опровергли его слова. Мне также нужно знать, хотите ли вы, чтобы адвокат Джаннини приехала в Гётеборг и представляла ваши интересы.

Лисбет Саландер ничего не ответила.

Анника Джаннини. Сестра Микаэля Блумквиста. Он упоминал о ней в одном из писем, но тогда Лисбет даже и в голову не приходило, что ей понадобится адвокат.

– Сожалею, но я просто-напросто вынужден просить вас ответить на этот вопрос. Достаточно сказать «да» или «нет». Если вы согласитесь, прокурор из Гётеборга свяжется с адвокатом Джаннини. Если вы откажетесь, суд назначит вам государственного защитника. Какой вариант вы выбираете?

Лисбет Саландер погрузилась в размышления. Она понимала, что ей действительно потребуется адвокат, но заполучить в защитники сестрицу этого Калле Чертова Блумквиста – это уже перебор. То-то он обрадуется. С другой стороны, неизвестный государственный защитник едва ли будет лучше. В конце концов она открыла рот и выдавила из себя одно-единственное слово:

– Джаннини.

– Хорошо. Спасибо. Теперь у меня будет к вам вопрос. Вы имеете право не говорить ни слова, пока не явится ваш адвокат, но мой вопрос, насколько я понимаю, никак не затрагивает ваших личных интересов. Полиция ищет тридцатисемилетнего гражданина Германии Рональда Нидермана, которого объявили в розыск – его подозревают в убийстве полицейского.

Лисбет чуть не дрогнула бровью – вот это новость... Она не имела ни малейшего представления о том, что произошло после того, как она всадила топор в башку Залаченко.

– Гётеборгская полиция заинтересована в том, чтобы поймать его как можно скорее. Моя коллега из Стокгольма к тому же намерена допросить его в связи с тремя убийствами, в которых раньше подозревали вас. Так что мы просим вас о помощи. Отсюда наш вопрос: знаете ли вы хоть что-нибудь, что поможет нам установить его местонахождение?

Лисбет с подозрением переводила взгляд с Эрландера на Мудиг и обратно.

Они не знают, что он – мой брат.

Потом она задумалась: хочется ли ей, чтобы Нидерман оказался за решеткой. Больше всего Лисбет хотела бы запихать его в яму в Госсеберге и закопать. Наконец она пожала плечами, чего ей делать не следовало, поскольку левое плечо сразу же отозвалось острой болью.

– Какой день сегодня? – спросила она.

– Понедельник.

Она задумалась.

– Я впервые услышала имя Рональда Нидермана в прошлый четверг. Я выследила его в Госсеберге. Не имею ни малейшего представления о том, где он находится или куда мог сбежать. Могу только предположить, что он постарается поскорее скрыться в безопасном месте где-нибудь за границей.

– Почему вы думаете, что он намерен бежать за границу?

Лисбет задумалась.

– Потому что, пока Нидерман рыл мне могилу, Залаченко сказал, что к нему со всех сторон приковано внимание и что уже решено отправить Нидермана на некоторое время за границу.

Впервые Лисбет Саландер выдала такое количество информации полицейскому, с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет.

– А ведь Залаченко... ваш отец.

Значит, они уже в курсе. Неужели Калле Чертов Блумквист уже разболтал все ее тайны?

– Тогда я должен известить вас о том, что ваш отец подал в полицию заявление и обвиняет вас в попытке убийства. Сейчас прокурор решает вопрос о возбуждении уголовного дела. А на сегодняшний день уже известно, что вас арестовали за причинение тяжкого вреда здоровью. Вы раскроили Залаченко череп ударом топора.

Лисбет ничего не сказала.

Все довольно долго молчали. Потом Соня Мудиг подалась вперед и тихо произнесла:

– Я только хочу сказать, что мы, в полиции, не слишком верим версии Залаченко. Поговорите серьезно со своим адвокатом, и мы сможем позже вернуться к этому делу.

Эрландер кивнул, и полицейские встали.

– Спасибо за помощь насчет Нидермана, – сказал Эрландер.

Лисбет удивило, что представители закона вели себя корректно и почти дружелюбно. Особенно ее заинтриговала реплика Сони Мудиг. Это, конечно, неспроста, решила она.

Глава 7

Понедельник, 11 апреля – вторник, 12 апреля

В понедельник без четверти шесть вечера Микаэль Блумквист закрыл ноутбук и встал из-за кухонного стола. Он надел куртку и дошел пешком от своего дома на Бельмансгатан до офиса «Милтон секьюрити», располагавшегося возле Шлюза. Поднялся на лифте на третий этаж, и его сразу провели в комнату для совещаний. Он пришел ровно в шесть и оказался последним посетителем.

– Привет, Драган, – сказал он, пожимая руку Арманскому. – Спасибо, что согласились устроить этот неформальный брифинг.

Микаэль огляделся по сторонам. Помимо него и Драгана Арманского, в комнате находились Анника Джаннини, Хольгер Пальмгрен и Малин Эрикссон. Со стороны «Милтон секьюрити» на встрече присутствовал еще и Сонни Боман, который по поручению Арманского с первого дня подключился к расследованию дела Саландер.

Хольгер Пальмгрен впервые за два с лишним года появился на людях. Его врач, доктор А. Сиварнандан, ни за что не решился бы выпустить Пальмгрена из реабилитационного центра в Эрсте, но тот настоял на своем. Такси ему оплачивали из социальной службы, и в этой поездке его сопровождала личный ассистент Юханна Каролина Оскарссон, тридцати девяти лет, – зарплату ей выплачивал фонд, мистическим образом созданный для того, чтобы обеспечить Пальмгрена достойные условия для лечения и восстановления после инсульта. Теперь Каролина Оскарссон ожидала своего подопечного за кофейным столиком в соседней комнате. Она читала книгу, которую прихватила с собой.

Микаэль закрыл дверь.

– Хотел бы всем представить Малин Эрикссон, нового главного редактора «Миллениума». Я попросил ее присутствовать при нашей встрече, поскольку мы будем обсуждать вопросы, которые имеют самое непосредственное отношение и к ее работе.

– Хорошо, – сказал Арманский. – Все в сборе. Я весь внимание.

Микаэль подошел к доске, у которой сидел Арманский и взял маркер. Потом огляделся по сторонам.

– Наверное, это самое дурацкое из всех мероприятий, в которых мне доводилось участвовать, – сказал он. – Когда все закончится, я создам общественную организацию и назову ее «Рыцари дурацкого стола». Ее задачей будет ежегодно устраивать ужин, на котором мы будем бранить Лисбет Саландер. Надеюсь, вы все вступите в нее.

Он сделал паузу.

– Реальная ситуация такова...

И начал выписывать столбики на доске. Он выступал чуть более получаса. А дискуссия продолжалась еще почти три часа.

Когда собрание закончилось, Эверт Гульберг уселся рядом с Фредриком Клинтоном. Они недолго и негромко переговаривались, а потом Гульберг встал. Старые соратники пожали друг другу руки.

Эверт взял такси, поехал обратно в гостиницу, забрал вещи, расплатился и вечерним поездом отправился в Гётеборг. Он ехал первым классом и занимал отдельное купе. Когда поезд миновал центр Стокгольма и мост Орстабрун, Гульберг достал шариковую ручку и блокнот с бумагой для писем, немного подумал и начал писать. Он заполнил примерно полстраницы, но потом передумал и вырвал ее из блокнота.

Фальсификация или экспертиза фальшивых документов в его служебные обязанности никогда не входила, но в данном случае задача облегчалась тем, что фальшивые письма он писал от своего собственного имени, и в них не было ни слова правды.

К тому моменту, когда поезд проезжал Халльсберг, Гульберг забраковал еще массу набросков, но постепенно все-таки нашел нужную интонацию. К моменту прибытия в Гётеборг он уже написал двенадцать писем, которые уже вполне сам для себя одобрил. При этом тщательно проследил за тем, чтобы на бумаге остались отчетливые отпечатки его пальцев.

На центральном вокзале Гётеборга ему удалось найти копировальный пункт и снять с писем копии. Затем он купил конверты и марки и опустил документы в ящик, почту из которого забирали в 21.00.

Гульберг взял такси и отправился в гостиницу «Сити-отель» на Лоренсбергсгатане, где Клинтон заранее забронировал ему номер. Между прочим, это была та же гостиница, где несколькими днями раньше ночевал Микаэль Блумквист. Гульберг сразу отправился в свой номер и присел на кровать. Он смертельно устал и к тому же вспомнил, что за весь день съел только два кусочка хлеба. Но есть ему по-прежнему не хотелось. Он разделся, вытянулся в постели и почти сразу же заснул.

Лисбет Саландер проснулась сразу же, как только услышала звук открывающейся двери, – как от толчка. Ей сразу стало ясно, что это не кто-то из ночных сестер. Чуть приподняв веки, она увидела в дверном проеме силуэт человека на костылях. Залаченко застыл, рассматривая ее в свете, проникавшем из коридора.

Не шевелясь, Лисбет скосила глаза так, чтобы бросить взгляд на часы – они показывали 03.10.

Она перевела взгляд на несколько миллиметров и заметила стоявший на краю прикроватной тумбочки стакан с водой. Глядя на стакан, прикинула расстояние – до него можно было дотянуться, не перемещая туловища.

Потребуется какая-то микродоля секунды, чтобы протянуть руку и резким движением отбить верхушку стакана о жесткий край прикроватной тумбочки. Если Залаченко склонится над ней, можно будет за полсекунды всадить острое ему в горло. Лисбет просчитала другие варианты, но пришла к выводу, что стакан – единственное доступное ей оружие.

Она расслабилась и стала ждать.

Залаченко не двигаясь простоял в дверях две минуты.

Потом он осторожно закрыл дверь, и Лисбет услышала слабый скрип костылей – он удалялся от ее палаты.

Через пять минут она приподнялась на локте, дотянулась до стакана и сделала большой глоток. Затем спустила ноги с кровати, отсоединила электроды от руки и грудной клетки и, покачнувшись, встала. Примерно через минуту она почувствовала, что может двигаться. Потом добрела до двери, прислонилась к стене и перевела дух. Сначала ее прошиб холодный пот, а потом охватил приступ ярости.

Грёбанный Залаченко. Пора бы его прикончить.

Но где найти оружие?

В следующий миг по коридору застучали каблучки.

Черт возьми, электроды...

– Господи, зачем же вы встали? – воскликнула ночная сестра.

– Мне надо было... в туалет, – тяжело дыша, ответила Саландер.

– Немедленно ложитесь.

Сестра схватила Лисбет за руку и помогла ей дойти до кровати, а потом принесла судно.

– Если вам нужно в туалет, звоните нам. У вас есть для этого специальная кнопка.

Лисбет не ответила, сосредоточив все силы на том, чтобы выдавить из себя несколько капель.

Во вторник Микаэль Блумквист проснулся в половине одиннадцатого, принял душ, включил кофеварку и уселся за компьютер. Накануне вечером, после встречи в «Милтон секьюрити», он отправился домой и проработал до пяти часов утра. Наконец журналист почувствовал, что материал начинает обретать какие-то реальные очертания. Хотя биография Залаченко по-прежнему казалась фрагментарной – Микаэль мог оперировать только той информацией, которую ему удалось выжать из Бьёрка, и теми деталями, которыми поделился Хольгер Пальмгрен.

А историю Лисбет Саландер в общих чертах он подготовил. В своем эссе Микаэль шаг за шагом описывал, как Лисбет стала добычей группы сторонников холодной войны из ГПУ/Без, как они заперли ее в детскую психиатрическую больницу – ради того, чтобы сохранить в тайне инцидент с Залаченко и его приключения.

Этот текст нравился Микаэлю уже гораздо больше. У него получится сенсационный материал, который буквально взорвет информационное пространство, и к тому же создаст проблемы для верхних эшелонов государственной бюрократии.

Блумквист закурил сигарету и задумался.

У него оставались два пробела, которые необходимо было заполнить. В одном случае задача представлялась вполне посильной. Ему нужно разоблачить Петера Телеборьяна. После его публикации знаменитого детского психиатра возненавидит вся Швеция.

Это первое.

Вторая проблема оказалась значительно сложнее.

Заговор против Лисбет Саландер – Микаэль называл его инициаторов «Клубом Залаченко» – организовала Служба государственной безопасности. Он знал лишь одно имя – Гуннар Бьёрк, но в одиночку Гуннар Бьёрк никак не смог бы все это устроить. Наверняка существовала некая группа, нечто вроде отдела – с начальниками, ответственными лицами и бюджетом.

Правда, Микаэль все-таки не понимал, какие усилия нужно предпринять, чтобы вычислить этих людей. Он даже не знал, с чего начать. О структуре СЭПО у него имелись лишь самые приблизительные представления.

В понедельник Микаэль уже приступил к сбору материала. Он послал Хенри Кортеса по букинистическим магазинам с заданием покупать все книги, хоть как-то связанные с деятельностью Службы государственной безопасности. Около четырех часов дня Кортес принес ему домой шесть томов.

И Микаэль приступил к изучению горы книг на столе.

«Шпионаж в Швеции» Микаэля Русквиста («Темпус», 1988); «Начальник СЭПО в 1962–1970 гг.» Пера Гуннара Винге («Вальстрём и Видстранд», 1988); «Тайные силы» Яна Оттосона и Ларса Магнуссона («Тиден», 1991); «Борьба за власть над СЭПО» Эрика Магнуссона («Корона», 1989); «Поручение» Карла Линдбума («Вальстрём и Видстранд», 1990), а также – немного неожиданно – «Агент на месте» Томаса Уайтсайда («Баллантайн», 1966), где рассказывалось о деле Веннерстрёма. Но речь шла, конечно, не о том самом Веннерстрёме, герое историй Микаэля. А о шпионе 1960-х годов.

Большую часть ночи на вторник Микаэль провел, читая или, по крайней мере, листая добытые Хенри Кортесом книги. Он сформулировал несколько выводов.

Во-первых, похоже, что большинство книг о Службе безопасности вышло в конце 1980-х годов. Поиск по Интернету показал, что никакой относительно новой литературы по этой теме нет.

Во-вторых, складывалось впечатление, что за все годы существования шведской тайной полиции никто не удосужился изложить какую-нибудь толковую историю ее деятельности. Что, впрочем, вполне объяснимо – ведь многие дела засекречены и писать о них затруднительно. Но, похоже, ни один институт, никто из исследователей или из представителей СМИ не занимался критическим анализом работы СЭПО.

Микаэль отметил еще одну особенность: ни в одной из книг, приобретенных Хенри Кортесом, не имелось списка использованной литературы. Подстрочные сноски отсылали лишь к статьям в вечерних газетах или к частным интервью, с вышедшими на пенсию ветеранами СЭПО.

Книга «Тайные силы» показалась очень увлекательной, но описывала только период до Второй мировой войны и годы войны. Мемуары П. Г. Винге Микаэль отнес к разряду пропагандистской литературы – уволенный и подвергшийся жесткой критике начальник СЭПО пытался оправдаться в глазах соотечественников. А в «Агенте на месте», прямо в первой главе, Микаэль нашел столько абсурдных высказываний о Швеции, что сразу решительно отправил книгу в корзину для бумаг.

Только в двух изданиях – «Борьба за власть над СЭПО» и «Шпионаж в Швеции» – была предпринята попытка серьезно проанализировать работу Службы государственной безопасности. Там приводились даты, имена и документы.

Особенно читабельной Микаэлю показалась книга Эрика Магнуссона. И хотя он не получил ответов на свои неотложные вопросы, но представление о том, как выглядела и чем занималась «Фирма» в прошедшие десятилетия, у него в целом сложилось.

А вот книга Карла Линдбума «Поручение» потрясла Микаэля.

Автор излагал проблемы, с которыми столкнулся бывший посол в Париже, когда по поручению правительства проверял деятельность СЭПО после убийства Улофа Пальме и дела Эббе Карлссона²⁸. Микаэль раньше не читал произведения Карла Линдбума, и его привлекли и ирония, и меткость наблюдений автора. Книга Линдбума тоже не давала Микаэлю ответы на его многочисленные вопросы, но он хотя бы начал представлять себе, с чем ему предстоит столкнуться.

Немного поразмыслив, журналист вытащил мобильный телефон и позвонил Хенри Кортесу.

– Привет, Хенри. Спасибо за то, что ты вчера для меня побегал.

– И чего же ты хочешь?

– Не мог бы ты еще немного побегать?

– Микке, мне надо заниматься работой. Я ведь теперь ответственный секретарь редакции.

– Это очень серьезный карьерный рост.

– Ну, и чего же ты хочешь?

– Деятельность СЭПО несколько раз официально проверяли. И одну из проверок проводил Карл Линдбум. Где-то хранятся многочисленные отчеты об этих проверках.

– Ну да.

– Принеси мне все, что сможешь раздобыть в Риксдаге: бюджеты, отчеты государственных комиссий, запросы и тому подобное. И закажи годовые отчеты СЭПО. Все, какие удастся скопировать.

– *Yes, massa*²⁹.

– Отлично. И, Хенри...

²⁸ Эббе Карлссон (1947–1992) – книгоиздатель, который, не имея официальных полномочий, по личному указанию министра юстиции Анны-Греты Лейон получил особое задание. Он расследовал убийство Улофа Пальме и в том числе изучал причастность к этому делу сотрудников СЭПО. Дело Эббе Карлссона получило широкую огласку и обернулось беспрецедентным политическим скандалом.

²⁹ Да, господин (*англ.*).

– Да?

– ...все это мне потребуется завтра утром.

Лисбет Саландер целый день размышляла о Залаченко. Она знала, что он находится в двух шагах от нее, по ночам разгуливает по холлу и сегодня подходил к ее палате в 03.10 утра.

Она выследила его в Госсейберге с целью убить, но не смогла осуществить свое намерение. И Залаченко остался жив – и теперь находится менее чем в десяти метрах от нее. А сама она теперь по уши в дерьме. Лисбет не могла пока толком оценить масштабы обрушившихся на нее неприятностей, но предполагала, что если ей не хочется снова оказаться в какой-нибудь психушке под охраной Петера Телеборьяна, то надо бежать и бесследно исчезнуть за границей.

Но в том-то и дело, что у нее едва хватало сил сесть в постели. Правда, ей все-таки стало немного легче. Голова хоть и продолжала болеть, но приступами, а не непрерывно, боль в плече затаилась где-то внутри и давала о себе знать, только когда она пыталась пошевелиться.

За дверью послышались шаги. Медсестра открыла дверь ипустила женщину в черных брюках, белой блузке и темном пиджаке. Симпатичная худенькая брюнетка, с короткой мальчишеской стрижкой, она излучала откровенную уверенность в себе, а в руке держала черный портфель.

Лисбет сразу обратила внимание, что у женщины такие же глаза, как у Микаэля Блумквиста.

– Привет, Лисбет. Меня зовут Анника Джаннини, – сказала посетительница. – Ты согласишься мне войти?

Лисбет равнодушно созерцала ее. Ей вдруг совершенно расхотелось встречаться с сестрой Микаэля Блумквиста, и она пожалела, что не отвергла ее предложение.

Выглядела Лисбет Саландер отталкивающе – голова была сплошь обмотана бинтами, вокруг глаз расплылись огромные пурпурные синяки и кровоподтеки.

– Я бы хотела прежде всего уточнить: действительно ли ты хочешь, чтобы я стала твоим адвокатом, – заговорила Анника Джаннини. – Обычно я принимаю участие только в гражданских делах, чаще всего защищая интересы женщин, которых изнасиловали или избили. Я не адвокат по уголовным делам. Но я детально изучила твое дело и хочу представлять твои интересы, если мне представится такая возможность. Должна также добавить, что Микаэль Блумквист – мой брат; наверное, тебе это уже известно. И что они с Драганом Арманским взялись оплачивать мою работу.

Она сделала паузу, но, поскольку никакой реакции со стороны потенциальной клиентки не последовало, продолжила:

– Если ты согласна, я буду действовать в твоих интересах. Подчеркиваю, не в интересах своего брата или Арманского. В судебных и уголовных делах мне будет также помогать твой бывший опекун Хольгер Пальмгрен. Он молодчина; даже выкарабкался из больничной койки ради того, чтобы тебе помочь.

– Пальмгрен? – переспросила Лисбет Саландер.

– Да.

– Ты с ним встречалась?

– Да. Он будет моим консультантом.

– Как он себя чувствует?

– Он чертыхается, но, как ни странно, кажется, нисколько за тебя не волнуется.

Лисбет улыбнулась кривой улыбкой – впервые после того, как попала в Сальгрэнскую больницу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Анника.

– Как мешок с дерьмом, – ответила Саландер.

– О'кей. Ты хочешь, чтобы я была твоим адвокатом? Арманский с Микаэлем оплатят мою работу...

– Нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Платить я буду сама. Я не возьму ни гроша от Арманского и Калле Блумквиста. Правда, я смогу заплатить тебе, только когда получу доступ к Интернету.

– Хорошо. Когда дойдет до дела, мы решим этот вопрос; да и основную часть моего гонорара все равно оплатит государство. Значит, ты согласна, чтобы я представляла твои интересы?

Лисбет кивнула.

– Хорошо. Тогда для начала я передам сообщение от Микаэля. Он выражается загадочно, но говорит, ты поймешь, что он имеет в виду.

– Вот как?

– Он говорит, что в основном рассказал мне все, за исключением нескольких вещей. Это касается, во-первых, тех твоих способностей, которые он обнаружил в Хедестаде.

Микаэлю известно, что у меня фотографическая память... и что я хакер. Об этом он умолчал.

– О'кей.

– Во-вторых, CD-диск. Не знаю, на что намекает мой брат, но он говорит, что тебе решать, захочешь ты рассказать мне об этом или нет. Ты понимаешь, что он имеет в виду?

Диск со сценами, как Бьюрман меня насилует.

– Да.

– О'кей...

Анника вдруг осеклась.

– Я немного сердита на брата. Хотя он сам меня нанял, он делится со мной только тем, что сам считает нужным. Ты тоже намерена скрывать от меня разные вещи?

Лисбет задумалась.

– Не знаю.

– Нам с тобой придется многое обсудить. Сейчас я не могу остаться, чтобы толком поговорить, поскольку через сорок пять минут у меня назначена встреча с прокурором Агнетой Йервас. Мне просто нужно было убедиться в том, что ты действительно хочешь воспользоваться моими услугами. Кроме того, я должна тебя проинструктировать.

– Вот как.

– Инструкция заключается в следующем. В мое отсутствие ты не должна говорить полиции ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали. Даже если они станут тебя провоцировать и обвинять в разных проступках. Ты можешь мне это обещать?

– Запросто, – сказала Лисбет Саландер.

После напряженного понедельника Эверт Гульберг так устал, что на следующее утро проснулся только в девять часов – почти на четыре часа позднее обычного. Он пошел в ванную, умылся и почистил зубы, потом довольно долго изучал в зеркале свое лицо, после чего выключил свет и стал одеваться, достав из коричневого портфеля последнюю чистую рубашку и галстук с коричневым рисунком.

Спустившись к завтраку, Гульберг выпил чашку черного кофе и съел тост из белого хлеба с кусочком сыра и ложкой апельсинового джема. Потом выпил большой стакан минеральной воды.

Затем он отправился в холл гостиницы и позвонил из телефонной кабинки на мобильный телефон Фредрика Клинтона.

– Это я. Как обстановка?

– Обстановка непростая.

– Фредрик, как ты справляешься?

– Вполне себе справляюсь. У меня такое впечатление, что прошлое вернулось... Жаль только, что Ханса фон Роттингера нет в живых. Он лучше меня планировал операции.

– Вы с ним всегда были на равных и могли в любой момент заменить друг друга. Что вы частенько и делали.

– Я имею в виду интуицию. Он в этом плане всегда был сильнее.

– Какие новости?

– А Сандберг оказался малый не промах. Мы подключили нештатного сотрудника – Мортенссона. Он выполняет самые разные поручения. Мы уже прослушиваем домашний и мобильный телефоны Блумквиста. Сегодня будем заниматься телефонами Джаннини и «Миллениума». Сейчас изучаем планы офисов и квартир. В самое ближайшее время мы намерены туда проникнуть.

– Ты должен сперва вычислить, где находятся все копии...

– Я уже сделал это. Нам очень повезло. Анника Джаннини сегодня в десять утра позвонила Блумквисту и спросила его как раз о том, сколько всего копий на руках. Из разговора стало ясно, что у Микаэля Блумквиста всего одна. Бергер сняла с отчета копию, но переправила ее Бублански.

– Что ж, отлично. Нам нельзя терять ни минуты.

– Знаю. Но действовать надо одновременно и в разных направлениях. Если мы не изыщем все копии отчета Бьёрка разом, то у нас ничего не получится.

– Согласен.

– Задача немного усложнилась, поскольку Джаннини утром уехала в Гётеборг. Я отправил следом за ней команду внештатных сотрудников. Они уже вылетели.

– Хорошо.

Гульберг не мог сообразить, что бы еще сказать, и сделал долгую паузу.

– Спасибо, Фредрик, – сказал он наконец.

– И тебе спасибо. Гораздо веселее заниматься делом, чем сидеть в ожидании почки. Которая до меня так и не дойдет.

Они попрощались. Гульберг расплатился за гостиницу и вышел на улицу. Все сдвинулось с мертвой точки, и главное теперь – не совершить промаха.

Он дошел до гостиницы «Парк Авеню-отель», где попросил разрешения воспользоваться факсом и отправил письма, сочиненные накануне в поезде. Из гостиницы, в которой он останавливался, он решил факсы не посылать. Затем Гульберг вышел на Авеню и решил поймать такси. Здесь он остановился возле урны и разорвал на кусочки снятые с писем фотокопии.

Анника Джаннини беседовала с прокурором Агнетой Йервас пятнадцать минут. Ей нужно было узнать, какие обвинения прокурор намерена выдвинуть против Лисбет Саландер. Но судя по всему, Йервас и сама не знала, как сложатся события.

– Пока я ограничусь тем, что задержу ее за нанесение тяжкого вреда здоровью или за попытку убийства. Я имею в виду удар топором, который Лисбет Саландер нанесла своему отцу. А вы наверняка сошлетесь на право на необходимую оборону.

– Вполне возможно.

– Но, честно говоря, больше всего меня сейчас интересует убийца полицейского Нидерман.

– Понимаю.

– Я связалась с генеральным прокурором. Сейчас речь идет о том, чтобы передать все обвинения против вашей клиентки в прокуратуру в Стокгольме и объединить их с тамошними событиями.

– Значит, я буду исходить из того, что дело передадут в Стокгольм.

– Хорошо. В любом случае, я должна получить возможность допросить Лисбет Саландер. Когда это можно будет сделать?

– У меня есть заключение ее врача Андерса Юнассона. Он считает, что Лисбет Саландер еще несколько дней будет не в состоянии участвовать в допросах. Она получила серьезные физические травмы, и к тому же находится под воздействием болеутоляющих средств.

– Я получила аналогичные сведения. Вы наверняка понимаете, что это очень тормозит мою работу. Но повторяю, главное для меня сейчас – Рональд Нидерман. Ваша клиентка утверждает, что не знает, где он скрывается.

– Так оно и есть. Она не знает Нидермана. Просто сама его вычислила и начала выслеживать.

– Ясно, – сказала Агнета Йервас.

Эверт Гульберг шагнул в лифт Сальгрэнской больницы с букетом в руках. Одновременно с ним туда вошла коротко стриженная женщина в темном пиджаке, и он любезно придержал дверцу лифта, дав ей возможность первой подойти к столу дежурного при входе в отделение.

– Меня зовут Анника Джаннини. Я адвокат, и мне надо снова встретиться с моей клиенткой, Лисбет Саландер.

Эверт Гульберг повернул голову и изумленно посмотрел на женщину, которую только что выпустил из лифта. Потом, пока сестра проверяла удостоверение Джаннини и проверяла списки посетителей, перевел взгляд на ее портфель.

– Двенадцатая палата, – сказала сестра.

– Спасибо. Я уже была там, и найду дорогу сама.

Взяв портфель, она отошла, и Гульберг потерял ее из виду.

– Чем я могу вам помочь? – спросила сестра.

– Я хочу передать эти цветы Карлу Акселю Бодину.

– Ему запрещено принимать посетителей.

– Я знаю, но мне просто хочется передать ему цветы.

– Это можно.

Цветы Гульберг прихватил с собой в основном ради конспирации – ему хотелось получить представление о том, как выглядит отделение. Поблагодарив медсестру, он отправился к выходу и прошел мимо палаты Залаченко – номер 14, по сведениям Юнаса Сандберга.

На площадке Гульберг остановился и через дверное стекло проследил, как сестра с его цветами скрылась в палате Залаченко. Когда она вернулась обратно на место, Эверт распахнул дверь и мигом проскочил в четырнадцатую палату.

– Привет, Александр, – сказал он.

Залаченко уставился на неожиданного посетителя.

– Я думал, что ты уже умер, – сказал он.

– Пока еще жив, – ответил Гульберг.

– Что тебе надо? – спросил Залаченко.

– А ты как думаешь? – Гульберг пододвинул стул для посетителей и сел.

– Вероятно, увидеть меня мертвым.

– Что ж, это было бы весьма желательно. Какого черта ты повел себя, как последний придурок? Ведь мы дали тебе новую жизнь, а ты угодил сюда...

Залаченко, если бы мог, улыбнулся бы. Он всегда считал, что шведская служба безопасности сплошь состоит из любителей, к каковым он причислял и Эверта Гульберга, и Свена Янссона, то есть Гуннара Бьёрка. Не говоря уже о таком полном дебиле, как Нильс Бьюрман.

– И теперь мы снова должны вытаскивать тебя из огня...

В свое время Залаченко получил тяжелые ожоги, поэтому он разозлился – это выражение ему не пришлось по вкусу.

- Нечего читать мне проповеди. Лучше вытащи меня отсюда.
- Именно это я и хотел бы с тобой обсудить.

Гульберг открыл портфель, который держал на коленях, достал блокнот и оторвал чистую страницу. Потом внимательно посмотрел на Залаченко.

– И все же я не могу не поинтересоваться: неужели ты действительно смог бы нас заложить, после всего того, что мы для тебя сделали?

- А ты как думаешь?
 - Это зависит от того, до какой степени ты психопат.
 - Не смей называть меня психопатом. Я пытаюсь выжить, и ради этого готов пойти на все.
- Гульберг покачал головой.

– Нет, Александр! Просто ты поступаешь так, потому что ты злобная мразь. Ты хотел знать, что решила «Секция». Я пришел к тебе, чтобы сообщить тебе. На этот раз мы и пальцем не шевельнем, чтобы тебе помочь.

В глазах Залаченко впервые появилось выражение неуверенности.

- У тебя нет выбора, – сказал он.
- Выбор есть всегда, – ответил Гульберг.
- Я могу...
- Ты вообще ничего не можешь.

Гульберг глубоко вздохнул, сунул руку во внешнее отделение коричневого портфеля и достал пистолет «Смит и Вессон» калибра 9 мм, с позолоченной рукояткой. Двадцать пять лет назад он получил его в подарок от английского разведывательного управления в благодарность за добытую от Залаченко и переданную им бесценную информацию. Он назвал имя агента британской разведки МИ-5, который работал на русских, как и Филби.

Залаченко сначала удивился, потом усмехнулся.

– И что ты собираешься с ним делать? Застрелить меня? Тогда остаток своей убогой жизни ты проведешь в тюрьме.

- Не думаю, – сказал Гульберг.

Залаченко все-таки усомнился: а вдруг Гульберг не блефует?

- Разразится грандиозный скандал.

– Не надейся. Подумаешь, появится несколько статей... но через неделю никто уже и не вспомнит имя Залаченко.

У русского сузились глаза.

– Ты настоящая свинья и ублюдок, – сказал Гульберг с таким металлом в голосе, что Залаченко буквально пробрала ледяная дрожь.

В тот миг, когда он начал спускать протез с кровати, Гульберг поднял пистолет, целясь ему прямо в лоб, и нажал на спусковой крючок. Залаченко отбросило на подушку, он несколько раз судорожно дернулся и затих. На стене, за изголовьем кровати, из кровавых пятен образовался цветок. От выстрела у Гульберга зазвенело в ушах, и он машинально покрутил в ухе свободным указательным пальцем.

Потом он встал, подошел к Залаченко, приставил дуло ему к виску и еще дважды спустил курок. Ему хотелось убедиться, что этот мерзавец действительно мертв.

Услышав первый выстрел, Лисбет Саландер подскочила на кровати. Плечо пронзила сильная боль. Когда раздались следующие выстрелы, Лисбет попыталась спустить ноги с кровати.

Анника Джаннини успела обменяться с Лисбет лишь несколькими фразами и теперь замерла, пытаясь понять, откуда доносятся громкие хлопки. По реакции Лисбет Саландер она поняла: произошло что-то из ряда вон выходящее.

- Лежи и не двигайся, – крикнула Анника.

Она придавила ладонью грудь Лисбет и так сильно прижала свою клиентку к постели, что Лисбет чуть не задохнулась.

Затем Анника стремительно подскочила к двери и приоткрыла ее. Она увидела двух медсестер – они бросились к палате, находящейся на две двери дальше по коридору. Первая из них, как вкопанная, застыла на пороге. Анника услышала ее крик: «Хватит, прекратите!». Затем женщина отступила на шаг, столкнулась со второй сестрой и крикнула:

– Он вооружен! Беги!

Обе сестры кинулись к соседней палате и спрятались там, закрыв за собой дверь. Через секунду Анника увидела, как в коридор вышел седой сухопарый мужчина в клетчатом пиджаке. В руке он держал пистолет. Анника ахнула – всего несколько минут назад они вместе ехали в лифте.

Потом их взгляды встретились.

Он выглядел растерянным. Но потом поднял пистолет, направил его на Аннику и шагнул вперед. Она мигом опустила голову, захлопнула дверь и в отчаянии огляделась. Рядом с ней стоял высокий стол, предназначенный для медсестер. Она рывком подтащила его к двери и блокировала столешницей ручку.

Услышав позади чьи-то шаги, Анника обернулась и увидела, что Лисбет Саландер пытается вылезти из постели. Адвокат бросилась к ней, обхватила ее руками и подняла ее. Она отсоединила электроды и капельницу, перенесла Лисбет в туалет и усадила на крышку стульчака. Потом повернулась и заперла дверь туалета. После этого извлекла из кармана пиджака мобильник и позвонила в полицию.

Эверт Гульберг приблизился к палате Лисбет Саландер и нажал на дверную ручку, но она оказалась заблокирована, и ему не удалось сдвинуть ее ни на микрон.

Он немного постоял перед дверью, не зная, что делать дальше. Конечно, Анника Джаннини находится в палате, но вопрос, лежит ли у нее в сумке копия отчета Бьёрка, остается открытым. Дверь закрыта, и у него не хватит сил выломать ее.

Впрочем, это и не входило в его планы. Ликвидировать угрозу со стороны Джаннини – по части Клинтон. Его же дело – нейтрализовать только Залаченко.

Находясь в коридоре, Гульберг оглянулся по сторонам и обнаружил, что из разных дверей за ним наблюдают пара дюжин сестер, пациенты и посетители. Он поднял пистолет и выстрелил в картину, висевшую на стене в конце коридора. Соглядатаи исчезли, словно по взмаху волшебной палочки.

Эверт бросил последний взгляд на закрытую дверь, вернулся в палату Залаченко и заперся. Потом сел на стул и взглянул на русского перебежчика, который на протяжении многих лет был неотъемлемой частью его собственной жизни.

Примерно десять минут Гульберг просидел неподвижно, а потом услышал шум в коридоре и понял, что прибыла полиция. Ни о чем конкретном он не думал.

В последний раз Эверт поднял пистолет, прижал дуло к виску и нажал на спуск.

Судя по дальнейшему развитию событий, оказалось, что совершать самоубийство в Сальгрэнской больнице довольно рискованно. Эверта Гульберга сразу перевезли в травматологическое отделение, где за него взялся доктор Андерс Юнассон и незамедлительно предпринял множество реанимационных мер.

Второй раз за неделю Юнассон делал незапланированную операцию, во время которой извлекал пулю с цельнометаллической оболочкой из тканей человеческого мозга. После пятичасовой операции состояние Гульберга оставалось критическим, но он по-прежнему был жив.

В любом случае, повреждения у него оказались значительно более серьезными, чем у Лисбет Саландер. Несколько суток он находился между жизнью и смертью.

Микаэль Блумквист находился в кафе на Хурнсгатан, когда по радио сообщили, что пока не названный по имени мужчина шестидесяти шести лет, подозреваемый в покушении на жизнь Лисбет Саландер, застрелен в Сальгренской больнице Гётеборга. Микаэль тут же отставил на стол чашку с кофе, взял сумку с компьютером и поспешил в редакцию на Гётгатан. Он пересек площадь Мариаторгет и как раз сворачивал на Санкт-Польсгатан, когда у него зазвонил мобильник, и Микаэль ответил прямо на ходу.

– Блумквист.

– Привет, это Малин.

– Я слышал новости. А кто стрелял, это уже известно?

– Пока нет, но Хенри Кортес пытается это выяснить.

– Я уже в пути, буду на месте через пять минут.

В дверях «Миллениума» Микаэль столкнулся с Кортесом.

– Экстрём назначил пресс-конференцию на пятнадцать ноль-ноль, – сказал Хенри. – Я еду на Кунгсхольмен.

– Нам что-нибудь известно? – крикнул ему вслед Микаэль.

– Малин, – ответил Хенри и скрылся.

Микаэль направился в кабинет Эрики Бергер. Хотя нет, теперь это уже кабинет Малин Эрикссон. Она беседовала по телефону, что-то нервно записывая на желтых листочках для записок, и жестом предложила ему подождать. Микаэль отправился на редакционную кухню и налил кофе с молоком в две кружки. На кружках красовались логотипы Христианского союза молодежи и Социал-демократического союза. Когда он вернулся в кабинет Малин, та уже закончила разговор. Микаэль протянул ей кружку с логотипом Социал-демократического союза.

– Ну и дела, – сказала Малин. – Залаченко застрелили сегодня в тринадцать пятнадцать. Она посмотрела на Микаэля.

– Я только что беседовала с медсестрой из Сальгренской больницы. Она говорит, что убийца – солидный мужчина лет семидесяти, он пришел за несколько минут до убийства и попросил передать Залаченко цветы. Затем несколько раз выстрелил в голову Залаченко, а потом выстрелил в себя. Залаченко мертв. Убийца пока жив, и его сейчас оперируют.

Микаэль облегченно выдохнул. Когда он услышал эту новость в кафе, сердце у него чуть не выскочило из груди. У него возникло паническое предчувствие, что стреляла Лисбет Саландер. Такой поворот событий серьезно осложнил бы его планы.

– А нам известно имя стрелка? – спросил он.

Малин покачала головой, и телефон снова зазвонил.

Когда она ответила, по разговору Микаэль понял, что из Гётеборга звонит фрилансер, которого Малин отправила в Сальгренскую больницу. Он помахал ей рукой, отправился к себе в кабинет и опустился на стул.

У Блумквиста было такое ощущение, будто он впервые за несколько недель появился на рабочем месте. У него накопилась кипа непрочитанной корреспонденции, но он решительно отодвинул бумаги в сторону и позвонил сестре.

– Джаннини слушает.

– Привет. Это Микаэль. Ты слышала, что произошло в Сальгренской больнице?

– Ну да, я все слышала, причем собственными ушами.

– А ты где?

– В Сальгренской больнице. Этот мерзавец целился в меня.

Микаэль буквально онемел; несколько секунд он не мог понять, о чем толкует его сестра.

– Какого черта... Ты, что, была там?

– Ну да. Сказать по правде, мне еще не приходилось попадать в такие ситуации.

– Ты ранена?

– Нет. Но он пытался ворваться в палату Лисбет. Я заблокировала дверь и заперлась вместе с нею в туалете.

У Микаэль вдруг почва уплыла под ногами. Его сестру чуть не...

– А что с Лисбет? – спросил он.

– С ней все в порядке. Я имею в виду, что в сегодняшней драме она не пострадала.

Блумквист вздохнул с облегчением.

– Анника, ты что-нибудь знаешь об убийце?

– Ровным счетом ничего. Это был пожилой мужчина, неплохо одетый. Мне показалось, что он выглядел немного растерянным. Я никогда не встречала его раньше, но за несколько минут до убийства мы вместе ехали в лифте.

– А ты уверена, что Залаченко мертв?

– Уверена. Я слышала три выстрела, и, насколько я знаю, все три раза стреляли в голову. Но здесь началась такая неразбериха – набежала тысяча полицейских, эвакуировали все отделение... Ведь здесь лежат пациенты с тяжелыми травмами, многих из них вообще нельзя перемещать. Когда прибыли полицейские, кому-то из них взбрело в голову непременно допросить Саландер, пока до них не дошло, что она сама еле жива. Я так орала на них, что чуть голос не сорвала.

Инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер увидел Аннику Джаннини через открытую дверь палаты Лисбет Саландер. Адвокат прижимала к уху мобильный телефон, и Эрландер ждал, пока она закончит разговор.

Через два часа после убийства в холле по-прежнему царил кавардак. Палату Залаченко оцепили. Врачи пытались оказать ему помощь сразу после выстрелов, но вскоре отступили. Залаченко в помощи уже не нуждался. Тело отправили к патологоанатомам, и теперь следователи вплотную занимались обследованием места преступления.

У Эрландера зазвонил мобильник – это был Фредрик Мальмберг из патрульной службы.

– Мы идентифицировали личность убийцы, – сказал Мальм без всяких приветствий. – Его зовут Эверт Гульберг, и ему семьдесят восемь лет.

Весьма преклонный возраст был у убийцы...

– И кто же он такой, черт возьми?

– Пенсионер, живет в Лахольме, бизнес-юрист. Мне только что звонили из ГПУ/Без и сообщили, что в отношении него было начато предварительное следствие.

– Когда именно и почему?

– Не знаю когда. А почему – потому, что он имел пагубную привычку рассылать официальным лицам бредовые письма с угрозами.

– И кому же, например?

– Например, министру юстиции.

Маркус Эрландер вздохнул. Значит, псих, правдолюб, борец с официальной властью.

– В СЭПО утром звонили из нескольких газет, где получили письма от Гульберга. Кстати, звонили и из Министерства юстиции, поскольку этот Гульберг недвусмысленно угрожал убить Карла Акселя Бодина.

– Я бы хотел получить копии этих писем.

– Из СЭПО?

– Ну да, черт возьми. Поезжай в Стокгольм и заberi их лично, если потребуется. Я хочу, чтобы они лежали у меня на столе – к тому моменту, когда я вернусь в полицейское управление. То есть примерно через час.

Он на секунду замолчал, а потом задал еще один вопрос:

– Тебе звонили из СЭПО?

– Да, звонили.

– Я имею в виду – они тебе звонили, а не наоборот?

– Да. Именно они звонили.

– О'кей, – сказал Маркус Эрландер и отключил телефон.

Интересно, до чего же довели СЭПО, если они сами связались с полицией? Обычно они молчат как рыбы.

Ваденшё резко распахнул дверь в помещение «Секции», которое Фредрик Клинтон использовал как комнату отдыха. Клинтон нехотя приподнялся.

– Какого черта? – закричал Ваденшё. – Гульберг застрелил Залаченко, а потом пальнул себе в голову.

– Я знаю, – сказал Клинтон.

– Знаете? – воскликнул Ваденшё.

Он покраснел как рак, казалось, его вот-вот хватит удар.

– Он ведь, черт подери, стрелял в себя. Пытался совершить самоубийство. Он, что, сбрендил?

– А что, жив?

– Пока жив, но у него серьезно поврежден мозг.

Клинтон вздохнул.

– Как жаль, – произнес он.

– Жаль?! – воскликнул Ваденшё. – Гульберг просто сумасшедший. Неужели вам не понятно...

Клинтон оборвал его.

– У Гульберга рак желудка, толстой кишки и мочевого пузыря. Он уже давно обречен, и оставалось ему в лучшем случае месяца два.

– Рак?

– Последние полгода он носил с собой пистолет и собирался застрелиться, если боль станет невыносимой. Но валяться на больничной койке, униженный и беспомощный Эверт не хотел. Теперь он решил внести последний вклад в «Секцию». Он сделал эффектный жест и ушел красиво.

Ваденшё чуть не лишился дара речи.

– Вы знали, что он собирается убить Залаченко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.